W 517
117
e. 10.

W 517/117

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Ѳ. САВОДНИКА.

Выпускъ 10-ый.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ и ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

(по поводу романа „Дворянское Гнѣздо“).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжныхъ магазинахъ Бр. Башмаковыхъ
Москва — Петроградъ — Казань.

517
117

Из книг Д. Бантыша
22. IV. 23.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей **В. Ѳ. Саводника.**

Выпускъ 10-й.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ и ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(По поводу романа „Дворянское Гнѣздо“.)

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1915.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
30129-50

2007051006

«Дворянское Гнѣздо», напечатанное въ январской книжкѣ «Современника» 1859 года, было встрѣчено при своемъ появленіи почти единодушнымъ одобреніемъ публики и критики и вызвало во враждующихъ литературныхъ лагеряхъ, по выраженію Анненкова, временное перемиріе, trève de Dieu, такъ какъ представители различныхъ взглядовъ и направленій одинаково сошлись въ высокой оцѣнкѣ Тургеневскаго романа, въ признаніи его художественнаго и общественнаго значенія. Среди критическихъ статей, вызванныхъ этимъ произведеніемъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ, безъ сомнѣнія, обширная работа Апол. Григорьева, напечатанная въ четырехъ книжкахъ редактируемаго имъ «Русскаго Слова» въ томъ же 1859 году (№№ 4, 5, 6 и 8) и проникнутая чувствомъ глубокой симпатіи, какъ вообще ко всей литературной дѣятельности Тургенева, такъ, въ частности, къ его послѣднему произведенію.

Мы мало знаемъ о личныхъ отношеніяхъ Тургенева и Апол. Григорьева; несомнѣнно только, что они были знакомы и что оба высоко цѣнили другъ друга, какъ это видно, напр., изъ писемъ Тургенева къ Фету. Но причины особеннаго сочувствія, съ которымъ критикъ отнесся къ разбираемому произведенію, заключаются не столько въ личной симпатіи къ автору его, сколько въ самомъ содержаніи романа, въ проникающемъ его духѣ, въ которомъ Григорьевъ не безъ основанія нашелъ нѣчто родственное своему собственному настроенію. Въ его глазахъ романъ Тургенева является однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій важнаго нравственнаго поворота, происшедшаго въ сознаніи русскаго общества въ серединѣ XIX-го вѣка, такъ же, какъ и самъ Тургеневъ является однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей русскаго образованнаго общества того времени, носителемъ и выразителемъ того нравственнаго процесса, который въ немъ совершался. Поэтому Григорьевъ начинаетъ свою статью съ общей характеристики литературной дѣятельности Тургенева, съ анализа его творческой личности, при чемъ отмѣчаетъ въ качествѣ одной изъ наиболѣе важныхъ чертъ Тургенева, какъ писателя, его «женственную впечатлительность»,

его чуткую отзывчивость ко всѣмъ «вѣяніямъ» времени. Въ силу этого исторія литературнаго творчества Тургенева есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія развитія русскаго общества, исторія смѣны взглядовъ и настроеній, господствовавшихъ въ немъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Особенно показателенъ въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Григорьева, примѣръ «Рудина», въ которомъ эта смѣна общественныхъ «вѣяній» и настроеній отразилась въ двойственности характеристики главнаго героя и въ двойственности отношенія къ нему автора.

Съ этой точки зрѣнія новое произведеніе Тургенева представляется нашему критику особенно знаменательнымъ: въ немъ ясно обнаруживается, по мнѣнію Григорьева, глубокій органическій процессъ, пережитый какъ самимъ Тургеневымъ, такъ и всѣмъ русскимъ обществомъ,—*процессъ роста и развитія національнаго самосознанія*, главнымъ носителемъ котораго является въ романѣ Лаврецкій. Вотъ почему Григорьевъ особенно подробно останавливается именно на анализѣ его личности, посвящаетъ этому анализу почти половину своей статьи. Въ лицѣ Лаврецкаго онъ видитъ первый въ нашей литературѣ очеркъ русскаго *положительнаго* типа, человѣка «почвы», усвоившаго себѣ всѣ лучшія стороны европейской культуры и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившаго живое сочувствіе къ народной жизни и способность понимать ее душевно, сохранившаго физіологическую связь съ роднымъ народомъ, «святую связь Пушкинской натуры съ Ариной Родіоновной». Гораздо менѣе останавливается Григорьевъ на характеристикѣ Лизы, которой посвящено только 2—3 страницы въ концѣ статьи; возможно, что это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Григорьеву не удалось вполнѣ закончить свою статью, такъ какъ столкновеніе съ вліятельными сотрудниками принудило его покинуть редакцію «Русскаго Слова», и послѣдняя часть его работы была напечатана уже послѣ его ухода изъ журнала.

Статья Григорьева отличается большимъ обиліемъ цитатъ и выписокъ изъ разбираемаго произведенія. Однако это отнюдь не должно быть поставлено въ упрекъ критику: Григорьевъ въ высокой степени обладалъ *искусствомъ выбирать цитаты* и вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ подчеркиванія характерныхъ чертъ, выраженій и оборотовъ *расцвѣчивать* ихъ и такимъ образомъ, не говоря ни слова отъ себя, давать живой и яркій комментарій къ разбираемому произведенію.

В. С.

И. С. Тургеневъ и его дѣятельность

по поводу романа „Дворянское Гнѣздо“ [1]).

Письма къ Г. Г. А. К. Б.

I.

И вы, и я читали почти въ одно время новое произведеніе Тургенева—и помнится также, оба въ одно время почувствовали необходимость передать другъ другу впечатлѣнія отъ повѣсти автора, которому равно горячо сочувствуемъ. Оказалось такъ много сходства въ нашихъ впечатлѣніяхъ, что я по всему праву даю моей критической статьѣ форму писемъ къ вамъ. Это, во-первыхъ, избавляетъ отъ необходимости—почему, впрочемъ, считается это необходимостью?—излагать содержаніе повѣсти, извѣстное, вѣроятно, всему читающему русскому міру; во-вторыхъ, отъ казенной манеры начинать такъ, или въ подобномъ родѣ,—что талантъ Тургенева давно принадлежитъ къ числу талантовъ, наиболѣе любимыхъ публикою, и проч., и проч...

Когда талантъ какого-либо писателя горячо любитъ и высоко цѣнитъ критикъ,—подобный пріемъ ему особенно противенъ.

Тутъ, можетъ-быть, возникнетъ сейчасъ же вопросъ: имѣетъ ли право критикъ говорить о талантѣ, который онъ горячо любитъ и высоко цѣнитъ? Не перестаетъ ли онъ быть въ отношеніи къ такому таланту критикомъ, т.-е. лицомъ судящимъ, взвѣшивающимъ, оцѣнивающимъ, указывающимъ недостатки и промахи? Такой вопросъ, конечно, можетъ возникнуть только въ кружкахъ,

---

[1]) „Русское Слово“, 1859 г., №№ 4, 5, 6 и 8. Инициалы въ посвященіи относятся къ графу Г. А. Кушелеву-Безбородко, издателю „Русскаго Слова“. *Примѣч. В. С.*

ничего не читавшихъ кромѣ критическихъ статей гг. Греча, Кс. Полевого, Булгарина, Сенковскаго и иныхъ, пріучившихъ публику ихъ читавшую, и понынѣ еще, можетъ-быть, читающую, къ извиненіямъ въ случаяхъ ихъ *особеннаго* расположенія къ тому или другому изъ авторовъ—да въ кружкѣ замоскворѣцкихъ или коломенскихъ барышень, которыя всегда думаютъ, что имъ сказали что-либо *„въ критику"*, но все же вѣдь онъ, этотъ пошлый вопросъ, можетъ возникнуть... потому что при малой развитости понятій въ большей части нашей публики, еще не привыкли умѣть отдѣлять расположеніе къ дарованію отъ расположенія къ личности. Даже Бѣлинскій не успѣлъ пріучить къ этому. Бо́льшей части читающихъ, и даже пишущихъ, и даже иногда критикующихъ,— непонятенъ тотъ процессъ раздвоенія на человѣка чувствующаго и человѣка судящаго, который совершается въ критикѣ,—т.-е. въ лицѣ, взявшемъ на себя трудную роль выражать свое личное сознаніе, примѣряя его къ общему сознанію. *Сознавая* свои особенныя, личныя симпатіи къ талантамъ, онъ такъ-же подвергаетъ самого себя, т.-е. эти симпатіи, суду и анализу, какъ подвергаетъ ему общее сознаніе—разлагая какъ свое, такъ и общее, на *разумное* и *неразумное*. Потому что вѣдь и въ общемъ бываетъ часто извѣстная доля неразумнаго. Общее, конечно, правѣе личнаго—но когда? Только тогда, когда оно перейдетъ изъ настоящаго въ прошедшее: въ минуту настоящаго—общее представляетъ только хаосъ, въ которомъ волнуются и кипятъ и однородныя, и разнородныя впечатлѣнія; изъ борьбы ихъ, изъ взаимной амальгамировки возникаетъ уже потомъ нѣчто неизмѣнное, неподвижное— почему великій поэтъ и говоритъ:

Nur im Vergang'nen lebt das Tüchtige [1]).

а другой, менѣе обширный размѣрами творчества, но тоже великій поэтъ разъясняетъ:

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи;
Внимай ихъ пѣнью—и молчи.

---

[1]) Только въ прошедшемъ живетъ разумное, правое.

Примѣч. А. Григорьева.

Если критикъ можетъ *раздвоиться*, раздѣлить, какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ общемъ, случайное, хаотическое, стихійное отъ разумнаго,—онъ не долженъ ни бояться своихъ симпатій, ни насиловать себя самого, скрывая ихъ отъ себя и отъ другихъ: онъ знаетъ ихъ причины и источники, онъ опредѣлилъ имъ настоящее мѣсто въ сознаніи,—стало-быть, онъ стоитъ *надъ* ними, а не *подъ* ними.

Моя длинная оговорка особенно казалась мнѣ необходимою въ отношеніи къ Тургеневу—это имя, надѣюсь, можетъ печататься безъ приложенія словечка: „господинъ", какъ ставшее *общимъ* достояніемъ. Не во мнѣ только лично, но во множествѣ лицъ пишущихъ и читающихъ есть какая-то глубокая и притомъ совершенно особенная симпатія къ его произведеніямъ, совсѣмъ иная по *тону*, чѣмъ, напримѣръ, къ произведеніямъ Островскаго или Толстого: я говорю по *тону*, а не по *силѣ*, ибо сила сочувствія къ дѣятельности этихъ трехъ, въ настоящую минуту первостепенныхъ, дѣятелей—совершенно равная.

Въ чемъ же заключается особенность *тона* сочувствія къ Тургеневу читателей, т.-е. другими словами—въ чемъ заключается особенность таланта Тургенева? Какія струны—позвольте мнѣ выразиться нѣсколько фигурно, что̀, впрочемъ, отъ меня не рѣдкость—какія, говорю я, струны особенно звонки на этой поэтической лирѣ? На что эти струны особенно чутки и отзывчивы—и почему на звуки этихъ струнъ особеннымъ образомъ отзывчивы читатели?

Не дивитесь, что я поднимаю вопросъ о цѣлости всей Тургеневской дѣятельности по поводу одного, послѣдняго его произведенія. Въ этой живой и глубоко-поэтической натурѣ всѣ звенья дѣятельности связаны между собою такъ, что въ послѣднемъ заключаются все тѣ же элементы, какіе заключаются въ первыхъ. Вы скажете мнѣ, что это явленіе есть опять-таки въ органической дѣятельности всякаго высокаго дарованія. Такъ, но не въ такой степени: Тургеневъ въ каждое новое произведеніе вноситъ цѣликомъ все свое прожитое и все свое настоящее: блестящія стороны его таланта становятся все ярче и ярче—но зато и старые недостатки остаются старыми, уже милыми намъ, недостатками.

II.

А. В. Дружининъ, въ своей блестящей статьѣ о дѣятельности Тургенева, назвалъ *поэзіею* особенность его таланта. Слово, выбранное имъ, будетъ совершенно вѣрно въ противоположеніи

Тургеневской дѣятельности тому *чистому* натурализму, который преобладаетъ или, по крайней мѣрѣ, преобладалъ во все это время въ нашей литературѣ,—и хоть слово „поэзія“ есть одно изъ наименопредѣленнѣйшихъ, но всѣмъ было понятно, *что* именно хотѣлъ сказать почтенный редакторъ „Библіотеки для чтенія“ [1]). Тургеневъ, дѣйствительно, представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое сходство съ Зандомъ, единственнымъ поэтомъ-идеалистомъ нашей эпохи, хотя ему недостаетъ могущественной, чародѣйной силы Занда. Онъ любитъ, какъ Зандъ же, и только какъ Зандъ, создавать дѣйствительность нѣсколько фантастическую, придумывать для этой дѣйствительности обстановку совершенно исключительную, трогать въ душѣ струны самыя тонкія—и вы вѣрите ему на-слово, хотя не вполнѣ такъ, какъ вѣрите Занду; вы довѣряетесь этой фантастической дѣйствительности во имя вѣрности психическаго анализа,—вы не назовете исключительную обстановку небывалою, ибо видите осязательно ея *поэтическую* правду, ея идеальную *возможность* быть,—вы войдете въ міръ тончайшихъ ощущеній, завлеченные ихъ подробнымъ и художественно-добросовѣстнымъ анализомъ. У Тургенева нѣтъ только той идеальной силы, которая заставляетъ всѣхъ, не сомнѣваясь, вѣрить въ полупризрачный міръ Пиччинино, въ исключительность положеній и типовъ въ Теверино, и т. д. [2]). Есть какая-то неполнота въ его творчествѣ—и вслѣдствіе этого какое-то моральное раздраженіе, вмѣсто вѣры и удовлетворенія, остается послѣ нѣкоторыхъ повѣстей его, какъ, напримѣръ, „Три встрѣчи“, столь поэтически задуманной, столь роскошно, благоуханно обставленной подробностями, и столь мало удовлетворяющей возбуждаемую ею жажду,—и даже послѣ многихъ, *поэтическихъ* въ такомъ смыслѣ, мѣстъ въ другихъ его повѣстяхъ, какъ, напримѣръ, сцена свиданія утромъ, въ лѣсу, Веретьева съ героиней повѣсти „Затишье“. Что-то странное видится всегда въ такихъ поэтическихъ стремленіяхъ у Тургенева: видится, что по натурѣ онъ именно эти-то стремленія и жаждетъ высказать, что ко всѣмъ другимъ стремленіямъ онъ гораздо равнодушнѣе, и видится, между-тѣмъ, что жизнь личная и вѣянія жизни общей разбили въ немъ всякую вѣру въ эти стремленія.

---

[1]) Статья Дружинина написана въ 1857 году по поводу перваго изданія „Повѣстей и разсказовъ И. Тургенева“ (СПб., 1856 г.).

[2]) Романы Жоржъ Зандъ изъ жизни итальянскихъ художниковъ.

Примѣч. В. С.

Зандъ же, напротивъ, въ эти стремленія твердо и неуклонно вѣруетъ,—и вѣра великаго таланта творитъ порою истинныя чудеса, въ ея самыхъ эксцентрическихъ созданіяхъ...

Итакъ, слово *поэзія*, въ отношеніи къ произведеніямъ Тургенева, получаетъ значеніе въ противоположеніи чистому натурализму.

Надобно вамъ замѣтить, что подъ чистымъ натурализмомъ разумѣю я не Гоголевское творчество, и съ другой стороны и не то, что̀ звали еще недавно „натуральною школою“ а простое изображеніе дѣйствительности безъ идеала, безъ возвышенія надъ нею,—которое частію выразилось въ подробностяхъ „Обыкновенной исторіи“ Гончарова,—особенно полно и ярко въ крѣпкомъ дарованіи Писемскаго,—особенно рѣзко и грубо въ произведеніяхъ г. Потѣхина. Творчество Гоголя проникнуто сознаніемъ идеала, такъ-называемая натуральная школа—болѣзненнымъ юморомъ протеста. И понятное дѣло, что талантъ Тургенева, впечатлительный и чуткій на все, отозвавшійся на натуральную школу замѣчательнымъ разсказомъ „Пѣтушковъ“ и плохою драмою „Холостякъ“,—отозвавшійся даже на драматическія пословицы и поговорки изъ жизни такъ-называемаго „большого свѣта“,—какъ-то женственно подчинявшійся всякому вѣянію,—не отозвался только на современный *чистый* натурализмъ. Это уже внѣ его рода, внѣ (но не выше) его таланта.

Въ этомъ-то смыслѣ, А. В. Дружининъ совершенно правъ, называя поэзіей отличительное свойство таланта И. С. Тургенева. Во всякомъ другомъ отношеніи слово *поэзія* ничего не выражаетъ: почему-же, въ другихъ смыслахъ поэзія остается только за Тургеневымъ? Развѣ въ Островскомъ, умѣвшемъ облить какимъ-то жаркимъ колоритомъ извѣстную сцену въ „Воспитанницѣ“, сцену въ саду, которая у всякаго другого вышла-бы тривіальна и даже больше чѣмъ тривіальна,—нѣтъ поэзіи? Развѣ Толстой въ „Дѣтствѣ, Отрочествѣ и Юности“ мѣстами не поэтъ: въ главѣ „Юродивый“, въ прелестномъ эпизодѣ любви къ Сонечкѣ, въ изображеніи ночи въ саду (Юность)?.. Развѣ, наконецъ, даже чистый натурализмъ въ Гончаровѣ и Писемскомъ (припомните губернскій городъ, монастырь въ его „Тысячахъ душахъ“) не возвышался порою до поэзіи?

Явно, что слово *поэзія* взято А. В. Дружининымъ только по отношенію къ общимъ художественнымъ стремленіямъ Тургенева,

въ противоположеніи стремленіямъ нашего времени къ наидѣйствительнѣйшему, наиболѣе наглядному представленію простѣйшей, ежедневнѣйшей дѣйствительности съ точки зрѣнія, заимствованной у самой дѣйствительности.

III.

Что-же *особеннаго* въ собственно Тургеневской поэзіи въ отличіе отъ поэзіи другихъ, равныхъ съ нимъ дѣятелей? Изъ какихъ стихій сложены ея свойства и чѣмъ она увлекаетъ?...

Это вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ только анализомъ, хотя бѣглымъ, всей дѣятельности Тургенева.

Прежде всего у Тургенева выдается ярко отношеніе его богатой поэтической личности къ природѣ; живое сочувствіе къ природѣ, тонкое пониманіе ея красотъ, пониманіе человѣка развитаго, не утратившаго однако—что особенно рѣдко и дорого—свѣжести непосредственнаго чувства,—дѣлаютъ его однимъ изъ высокихъ описательныхъ поэтовъ вездѣ, гдѣ касается дѣло до природы внѣшней; даже въ самыхъ неудачныхъ, самыхъ фальшивыхъ по основной мысли его произведеніяхъ, попадаются въ этомъ родѣ цѣлыя страницы—живыя, благоуханныя, истинно поэтическія. Даже близорукая и отсталая критика, отвергая въ немъ все художественное достоинство, признавала однако это достоинство, признавала въ высшей степени—и совѣтовала ему (о милая отсталая критика!) обратиться исключительно къ этому роду творчества. Какъ-будто въ самомъ дѣлѣ возможна въ наше время описательная поэзія, какъ особый родъ, безъ отношенія къ душѣ человѣческой, къ внутреннему міру человѣка — какъ-будто и въ самомъ Тургеневѣ выдались особенно ярко его поэтическія отношенія къ природѣ безъ особенныхъ, глубокихъ психическихъ причинъ? Разгадка этихъ психическихъ причинъ есть ключъ къ особенности поэзіи, или, пожалуй, поэтической личности Тургенева; но прежде чѣмъ заняться ихъ обслѣдованіемъ, надобно рѣшить одинъ вопросъ,—вопросъ о самомъ свойствѣ его поэтическихъ отношеній къ природѣ, объ ихъ особенномъ тонѣ и колоритѣ.

Ясно, что отношенія Тургеневскія къ природѣ отличаются отъ отношеній, напримѣръ, къ ней — чтобъ взять покрупнѣе — Пушкинскихъ, или—выбирая изъ современности—положимъ, Аксаковскихъ, съ одной стороны, Майковскихъ или Гончаровскихъ съ другой; я не упоминаю о Писемскомъ, ибо въ немъ, какъ и во всѣхъ

нашихъ писателяхъ, родившихся на сѣверо-востокѣ, особенно нѣжнаго сочувствія къ природѣ не обнаруживалось, и картинность, выразившаяся у Писемскаго въ удивительномъ изображеніи уѣзднаго города почью [1]),—вовсе не то, что близость къ природѣ, сочувствіе ей. Нѣкоторое сходство еще есть между манерою Тургенева и манерой Толстого, хотя у послѣдняго краски гуще и ярче—особенно сходство есть между манерою Тургеневскою, манерою Фета и манерою нашего друга Полонскаго.

Что-жъ изъ этого слѣдуетъ, спросите вы?

Слѣдуетъ моя, отчасти извѣстная вамъ, мысль о роли типовъ и мѣстностей въ поэзіи, о томъ, что каждая мѣстность имѣетъ свой живой поэтическій отголосокъ, каждый типъ—свое постоянное и преемственное выраженіе.— Чѣмъ особенно отличаются отношенія къ природѣ Тургенева, Толстого, Фета, Полонскаго, и въ главѣ ихъ всѣхъ — отца ихъ въ этомъ отношеніи, Тютчева?.. Въ Аксаковской, напримѣръ, манерѣ, поскольку она выразилась въ „Семейной Хроникѣ“ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Записокъ ружейнаго охотника“, „Объ уженьѣ рыбы“, — отношеніе къ природѣ совершенно спокойно, полновластно, какъ-то домохозяйно, отчасти даже дышетъ самодовольствомъ: краски манеры просты, прочны, не особенно ярки, но нисколько не тусклы: это—природа края, богатаго всякими угодьями, всѣмъ, что служитъ на пользу человѣка, природа непочатая, дѣвственная, и потому мощная, странъ юговосточныхъ, нашедшая себѣ простодушный, но какъ она-же прямой отголосокъ... Въ манерѣ-же Тургенева и другихъ, мною поименованныхъ, намъ слышится голосъ сочувствія столь нѣжнаго и тонкаго, что оно становится порою чѣмъ-то болѣзненнымъ, страстію, подчиненіемъ. Кромѣ того, поэзія этой манеры отличается не яркостію, но тонкостью, прозрачностью красокъ. Эта поэзія не ловитъ въ природѣ яркихъ оттѣнковъ, крупныхъ явленій: напротивъ, она какъ-будто съ умысломъ избѣгаетъ ихъ, и ловитъ оттѣнки тонкіе, слѣдитъ природу въ тонкихъ, неуловимыхъ ея явленіяхъ, съ привязанностію ребенка къ нянькѣ, съ какимъ-то суевѣрнымъ обожаніемъ. Это — поэзія такъ-называемой великорусской Украйны, страны черноземa, потоваго труда земледѣльца, страны, которой самая пѣсня, потерявши размашистость и заунывную или разгульную широкость великорусской пѣсни,—

[1]) Въ романѣ „Тысяча душъ“. *Примѣч. В. С.*

еще не съ такимъ коротенькимъ мотивомъ, какъ пѣсня малороссійская, но уже стремится къ сей послѣдней — къ пѣснѣ страны, гдѣ человѣкъ почти совсѣмъ поглощенъ природою. Это — поэзія особенной полосы, мѣстности, ея живой голосъ.

Подтверждать свою мысль выписками изъ Тургенева, Фета или Тютчева я не стану — ибо мнѣ хотѣлось намекнуть только на особенный, мѣстный колоритъ поэзіи природы у Тургенева въ моемъ бѣгломъ очеркѣ его поэтической личности.

IV.

Но это — только колоритъ, тонъ. Причина, почему у Тургенева эта сторона его дарованія выступаетъ какъ-будто ярче прочихъ, — обусловлена его душевнымъ развитіемъ.

Натура по преимуществу впечатлительная, до женственнаго подчиненія всѣмъ вѣяніямъ эпохи, Тургеневъ, какъ я уже сказалъ, отозвался на все, кромѣ чистаго натурализма.

Онъ началъ прямо съ крайнихъ крайностей направленія, оставшагося намъ въ наслѣдство послѣ покойнаго Лермонтова. Въ своей „Парашѣ“, въ которой одинъ Бѣлинскій своимъ геніальнымъ чутьемъ угадалъ задатки необыкновеннаго, только можетъ-быть не свою дорогу избравшаго, дарованія, — онъ сильно проповѣдывалъ, что

.....гордость — добродѣтель, господа!

Въ своемъ „Помѣщикѣ“, онъ такъ-же пылко, такъ-же впечатлительно кадилъ горько-сатирическому направленію, — *терзался* насчетъ гнусности *козлиныхъ* (вмѣсто козловыхъ) башмаковъ уѣздныхъ барышень, *благословляя*, подъ вліяніемъ Лермонтова, *на страданіе* молодыхъ дѣвченокъ, — въ прелестной и задушевной впрочемъ строфѣ. Въ своихъ „Трехъ портретахъ“ дошелъ до оригинальнаго, чисто русскаго, но мрачнаго и холоднаго типа... но тутъ-то вѣроятно и совершился въ немъ переворотъ. Его ужаснула холодная до рефлексіи и вмѣстѣ страстная до необузданности натура его героя, Василія Лучинова, и, встрѣченный сочувствіемъ однихъ, указаніями другихъ на все то безнравственное и дѣйствительно гнилое, что было въ Лермонтовскомъ типѣ, — изображенномъ имъ такъ по-своему, такъ оригинально, — Тургеневъ остановился передъ типомъ въ недоумѣніи и колебаніи. Въ немъ не было мрачной и злой вѣры въ этотъ типъ Лермонтова — и отъ

колебанія произошла въ немъ та моральная болѣзнь, которая выразилась судорожнымъ смѣхомъ надъ собою „Гамлета Щигровскаго уѣзда“ и жалобными, искренними воплями „лишняго человѣка“.

Особенно ярко выразилось болѣзненное переходное настройство мышленія и внутренняго міра въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда“; характеръ героя этого разсказа вовсе не пародія на Гамлета, какъ казалось нѣкоторымъ. Данныя натуры того и другого, можетъ-быть, дѣйствительно одинаковы; дѣло въ томъ, что они оба запутались равно, почти до самоуничтоженія, въ окружающихъ ихъ обстоятельствахъ; только Шекспировскій Гамлетъ вызванъ на трагическую борьбу не по силамъ „событіемъ внѣ всякаго другого“, а Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, съ которымъ, напротивъ, случались только обыкновеннѣйшія изъ обыкновеннѣйшихъ вещей, такъ и остался только „молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати, подслѣповатымъ и бѣлокурымъ, съ ногъ до головы одѣтымъ въ черную одежду, но улыбавшимся язвительно“. Требованія Гамлета Щигровскаго уѣзда — не по силамъ ему самому: голова его привыкла проводить всякую мысль съ нещадною послѣдовательностью, а дѣло, которое вообще требуетъ участія воли, совершенно расходится у него съ мыслію,—и стремленіе къ логической послѣдовательности выражается у него, наконецъ, только сожалѣніемъ о томъ, что „нѣтъ блохъ тамъ, гдѣ онѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, должны быть“,—и отсутствіе воли породило въ немъ робость передъ всѣмъ, передъ всѣми и передъ каждымъ. Онъ правъ, жалуясь на то, что не имѣетъ оригинальности, т.-е. извѣстнаго, опредѣленнаго характера. Онъ по натурѣ — уменъ, только уменъ умомъ совершенно безплоднымъ, не спеціальнымъ; онъ многое понимаетъ глубоко, но видитъ только *совершившееся*, не имѣя въ себѣ никакого чутья для *совершающагося*. Разумѣется, данныя для сложенія такого характера лежали уже въ самой натурѣ Тургеневскаго героя, хотя развились преимущественно подъ вліяніемъ различныхъ вѣяній—и потому въ высшей степени понятно озлобленіе бѣднаго Гамлета на кружки, выражающееся у него такъ оригинально и такъ энергически. Только въ одномъ ошибается онъ, бѣдный Гамлетъ. Не въ изученіи нѣмецкой философіи и Гёте лежатъ причины его болѣзни. Пусть и говоритъ онъ: „Я Гегеля изучалъ, милостивый государь,—я Гёте наизусть знаю“—приподнимаясь изъ-за угла, какъ тѣнь, въ своемъ ночномъ колпакѣ. Не

Гёте и не Гегель виноваты въ томъ, что онъ счелъ долгомъ за границей „читать нѣмецкія книги на мѣстѣ ихъ рожденія“ и влюбиться въ дочь профессора; не философія виною того, что *кружокъ* только и толковалъ, что „о вѣчномъ солнцѣ духа и о прочихъ отдаленныхъ предметахъ“. Бѣдный Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, *во-первыхъ*—всегда былъ большой мечтатель, и *во-вторыхъ*—онъ энциклопедистъ, а не спеціалистъ, человѣкъ не прикованный ни къ какому серьезному труду, не любящій серьезно никакого опредѣленнаго дѣла: онъ сгубленъ поверхностнымъ энциклопедизмомъ или, лучше сказать, отрывочными знаніями. Онъ былъ настолько добросовѣстенъ, что не могъ „болтать, болтать, безъ умолку болтать, вчера на Арбатѣ, сегодня на Трубѣ, завтра на Сивцевомъ Вражкѣ, все о томъ-же“,—но, съ другой стороны, онъ былъ не довольно крѣпокъ для мышленія уединеннаго, самобытнаго и замкнутаго, которое, рано или поздно, довело-бы его до сочувствія къ дѣйствительности и — слѣдовательно, до пониманія дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени. Въ любви онъ любилъ не предметъ страсти, а только процессъ любви, *любилъ любить*, какъ Стерновъ Йорикъ, и даже какъ самъ Шекспировскій Гамлетъ...

V.

То, что̀ въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда выразилось судорожнымъ смѣхомъ,—то-же самое болѣзненными, жалобными воплями сказалось въ „Дневникѣ лишняго человѣка“... То и другое произведеніе — горькое сознаніе моральнаго безсилія, душевной несостоятельности. Тѣ вѣянія, которыя разбили впечатлительную и слабую натуру Гамлета Щигровскаго уѣзда, сами по-себѣ не смѣшны,—и самъ-же Тургеневъ опоэтизировалъ ихъ потомъ, т.-е. представилъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ въ разсказѣ о студенчествѣ своего Рудина. Гамлетъ его смѣется не надъ ними, а надъ ихъ нелѣпымъ приложеніемъ, смѣется надъ самимъ собою, искренне и донкихотски бравшимся за ноши не по силамъ, надъ раздвоеніемъ мысли и жизни, которое совершилось въ немъ и во многихъ другихъ.

Процессъ моральный, обнаруживающійся въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда“ и въ „Дневникѣ лишняго человѣка“, поразительно сходенъ съ тѣмъ процессомъ, который породилъ у Пушкина его Ивана Петровича Бѣлкина, — какъ по исходнымъ точкамъ, такъ

и по самымъ послѣдствіямъ. Выходомъ изъ болѣзненнаго раздвоеннаго состоянія,—какъ для Ивана Петровича Бѣлкина, запуганнаго мрачной сосредоточенностью Сильвіо и Германа, такъ и для „Гамлета Щигровскаго уѣзда“, тоже запуганнаго типомъ Василья Лучинова, да вдобавокъ еще разбитаго философскимъ анализомъ,—могла быть одна только простая дѣйствительность. И вотъ, у Тургенева начинается цѣлый рядъ разсказовъ „Охотника“, съ одной стороны, и рядъ попытокъ сентиментальнаго натурализма съ другой, изъ которыхъ самая удачная — „Пѣтушковъ“, самыя неудачныя—драмы: „Холостякъ“ и „Нахлѣбникъ“. Но отношенія его къ дѣйствительности вовсе не такія прямыя и простыя, какъ отношенія Ивана Петровича Бѣлкина; въ дѣйствительности онъ видитъ повсюду только самого себя, свое болѣзненное настройство, и колоритъ этого настройства переноситъ на все, чего-бы онъ ни коснулся,—или идеализируетъ простую дѣйствительность. Первая попытка его въ этомъ родѣ идеализаціи: „Хорь и Калинычъ“, была привѣтствована съ восторгомъ такъ-называемыми славянофилами, еще съ большимъ восторгомъ—одна изъ послѣднихъ: „Муму“. Но Тургеневъ слишкомъ поэтъ для того, чтобы писать по заданнымъ темамъ, и слишкомъ высокій талантъ для того, чтобы подчиниться теоріямъ. Онъ остался вѣренъ себѣ, вѣренъ собственному внутреннему процессу — и эта искренность сообщаетъ неувядающую прелесть „Запискамъ Охотника“, какъ она-же сообщаетъ неувядающую досель прелесть „сентиментальному путешествію“ Йорика. Ничего кромѣ самой поэтической личности Тургенева — тутъ искать не надобно, да и не зачѣмъ. Эта поэтическая личность дорога и въ „Пѣвцахъ“, у которыхъ поэтъ слышитъ только одну, *собственную* ноту, и въ „Бѣжиномъ Лугѣ“ въ лицѣ *байроническаго* мальчика, и въ дворовой Офеліи... во всемъ и повсюду. Къ одной природѣ стоитъ нашъ поэтъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ, которыя, не по тону, конечно, о которомъ я уже говорилъ, но по значенію въ моральномъ процессѣ, можно сравнить отчасти съ отношеніями къ природѣ Руссо и Сенанкурова Оберманна [1])—но, еще разъ повторяю, не по тону, ибо въ тонѣ своемъ Тургеневъ остается необыкновенно оригинальнымъ.

---

[1]) „Оберманъ“, романъ Сенанкура (1804 г.), написанный подъ сильнымъ вліяніемъ Гётевскаго „Вертера“ и очень характерный для ранняго французскаго романтизма. *Примѣч. В. С.*

Въ „Дневникѣ лишняго человѣка“ есть мѣсто, котораго — особенно если до него доходишь посредствомъ чтенія всего предшествовавшаго — невозможно читать безъ сильнаго нервнаго потрясенія, если не безъ слезъ, — мѣсто всегда одинаково дѣйствующее — и оно-то есть ключъ къ уразумѣнію Тургеневскихъ отношеній къ природѣ. Это конецъ дневника. Позволяю себѣ его выписать и надъ нимъ остановиться.

„Плохо. Я пишу эти строки въ постели. Со вчерашняго вечера погода вдругъ перемѣнилась. Сегодня жарко, почти лѣтній день. Все таетъ, валится, течетъ. *Въ воздухѣ пахнетъ разрытой землей: тяжелый, сильный, душный запахъ.* Паръ подымается отвсюду. Солнце такъ и *бьетъ, такъ и разитъ.* Плохо мнѣ. Я чувствую, *что таю, какъ снѣгъ.* Земля оживаетъ... *мнѣ на ней нѣтъ мѣста*“.

„Я хотѣлъ написать свой дневникъ, и вмѣсто того что̀ я сдѣлалъ? Разсказалъ одинъ случай изъ своей жизни. И случай вовсе не интересный. Несчастная любовь... кого это можетъ занять? Впрочемъ, *это доказываетъ только одно: своей природы не передѣлаешь.* И въ этомъ *я кончилъ цѣликомъ, какъ и во всемъ другомъ.* Я разболтался, уснувшія воспоминанія пробудились и увлекли меня; я писалъ не торопясь, подробно, словно мнѣ еще предстояли годы, а теперь вотъ и некогда продолжать... *Смерть, смерть идетъ. Мнѣ уже слышится ея грозное* crescendo... Пора... пора“!

„Да и что за бѣда? Не все-ли равно, что бы я ни разсказалъ? Въ виду смерти исчезаютъ послѣднія земныя суетности. Я чувствую, что утихаю; *я становлюсь проще, ясный*... Поздно я хватился за умъ! Странное дѣло! я утихаю — точно; и вмѣстѣ съ тѣмъ... *жутко мнѣ. Да, мнѣ жутко. До половины наклоненный надъ безмолвной, зіяющей бездной, я содрагаюсь, отворачиваюсь, съ жаднымъ вниманіемъ осматриваю все кругомъ*... Всякій предметъ мнѣ вдвойнѣ дорогъ. Я не нагляжусь на мою бѣдную, невеселую комнатку, *прощаюсь съ каждымъ пятнышкомъ на моихъ стѣнахъ!* Насыщайтесь въ послѣдній разъ, глаза мои! Жизнь удаляется: *она ровно и тихо бѣжитъ отъ меня прочь, какъ берегъ отъ взоровъ мореходца.* Старое толстое лицо моей няни, повязанное темнымъ платкомъ, шипящій самоваръ на столѣ, горшокъ герани передъ окномъ и ты, мой бѣдный песъ Трезоръ, перо, которымъ я пишу эти строки, собственная рука моя — *я вижу васъ теперь... вотъ вы, вотъ.* Неужели, можетъ быть, *сегодня я... я никогда больше не увижу васъ?* Тяжело живому существу разставаться съ жизнію. *Что ты ластишься ко мнѣ, бѣдная собака? Что прислоняешься* грудью къ постели, судорожно поджимая свой куцый хвостъ, и не сводя съ меня своихъ *добрыхъ, грустныхъ глазъ?* Или тебѣ жаль меня? *или ты уже чуешь, что хозяина твоего скоро не станетъ*“?

„Ахъ, еслибъ я могъ такъ-же пройти мыслію по всѣмъ моимъ воспоминаніямъ, какъ провожу глазами по всѣмъ предметамъ моей комнаты... Я знаю, что эти воспоминанія невеселы и незначительны... *да другихъ у меня нѣтъ*".

„О, Боже мой! Боже мой! я вотъ умираю; сердце, способное и готовое любить, скоро перестанетъ биться, и неужели-же оно затихнетъ навсегда, не извѣдавъ ни разу счастья, не расширясь ни разу подъ сладостнымъ бременемъ радости? *Увы! это невозможно, невозможно, я знаю...* Еслибъ по крайней мѣрѣ теперь, передъ смертью—*вѣдь смерть все-таки великое дѣло, вѣдь она возвышаетъ всякое существо*—еслибъ какой-нибудь милый, грустный, дружескій голосъ пропѣлъ надо мною прощальную пѣснь о собственномъ моемъ горѣ, я бы, кажется, примирился съ нимъ... *но умереть глухо*"...

„Я, кажется, начинаю бредить".

„Прощай, жизнь, прощай, мой садъ, и вы, мои липы... Когда прійдетъ лѣто, когда вернутся золотые вечера—*смотрите, не забудьте сверху-до-низу покрыться цвѣтами... и пусть хорошо будетъ людямъ лежать въ вашей пахучей тѣни, на свѣжей травѣ, подъ лепечущій говоръ вашихъ листьевъ, слегка возмущенныхъ вѣтромъ*... Прощайте, прощайте... прощай, все и навсегда"!

„Прощай, Лиза!—*Я написалъ эти два слова и чуть-чуть не разсмѣялся. Это послѣднее восклицаніе мнѣ кажется смѣшнымъ. Я какъ-будто сочиняю чувствительную повѣсть или оканчиваю отчаянное письмо*".

„Завтра первое апрѣля. Неужели я умру завтра? *А впрочемъ, оно ко мнѣ идетъ*"...

„Ухъ, какъ-же докторъ истомилъ сегодня"!

1 Апрѣля.

„Кончено... жизнь кончена. Я точно умру сегодня. На дворѣ жарко... почти душно... или уже грудь моя отказывается дышать"?

„*Ахъ, какъ это солнце ярко! Эти могучіе лучи дышатъ вѣчностью*"!

„Прощай, Терентьевна... Сегодня поутру она, сидя у окна, всплакнула... можетъ-быть, обо мнѣ. А можетъ-быть, и о томъ, что ей самой скоро придется умирать. Я взялъ съ нея слово не „пришибить" Трезора".

„Мнѣ тяжело писать... Бросаю перо. Пора! смерть уже не приближается съ возрастающимъ громомъ, какъ карета ночью по мостовой—она *здѣсь, она порхаетъ вокругъ меня, какъ легкое дуновеніе*".

„Я умираю... Лишній человѣкъ умираетъ... живите, живые!

„И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!"

Въ двухъ отношеніяхъ замѣчательно это приведенное мною мѣсто. Во-первыхъ, здѣсь является особенно ярко преобладающая черта Тургеневскаго таланта: глубокое проникновеніе природою, проникновеніе до какого-то сліянія съ нею. Тутъ на читателя вѣетъ весной, тутъ пахнетъ разрытой землей—и развѣ только ту главу изъ „Юности“ Толстого, гдѣ выставляютъ раму окна и читателя вдругъ обвѣваетъ свѣжимъ и рѣзкимъ весеннимъ воздухомъ, можно сравнить съ этимъ мѣстомъ. Но объ этомъ особенномъ тонѣ Тургеневскихъ отношеній къ природѣ еще придется говорить, когда выйдетъ въ свѣтъ такъ-давно ожидаемое всѣми второе изданіе „Записокъ Охотника“. Въ настоящемъ очеркѣ я избралъ задачу чисто-психологическую—и въ отношеніи къ ней-то это мѣсто получаетъ двойную цѣну. Здѣсь слышится самое горькое невѣріе личности въ личность, невѣріе, возникшее явнымъ образомъ вслѣдствіе борьбы, въ которой личность оказалась несостоятельною; съ этимъ невѣріемъ личности въ самое себя, въ значеніе своего бытія, соединено горькое чувство сомнѣнія, если не разъубѣжденія, во всякомъ сочувствіи другихъ,—судорожный смѣхъ „Гамлета Шигровскаго уѣзда“, взятаго въ трагическую минуту, и, наконецъ, полное самоуничтоженіе передъ вѣчностію громаднаго внѣшняго міра. Моментъ взятъ явнымъ образомъ пантеистическій, но пантеистическое здѣсь болѣзненно, какъ въ дневникѣ Оберманна.

Опять замѣчу и здѣсь, что подобный моментъ взятъ не случайно, что онъ столько-же происходитъ отъ моральнаго процесса, сколько, можетъ быть, и отъ чисто-физическихъ условій той полосы, той почвы великорусской Украйны, которой высокій талантъ автора „Записокъ Охотника“ является поэтическимъ отголоскомъ.

Вы помните, какимъ до цинизма горькимъ надругательствомъ надъ личностью конченъ „Дневникъ лишняго человѣка“. Нѣтъ возможности представить себѣ, чтобы не крайне-болѣзненнымъ, до напряженности болѣзненнымъ, состояніемъ души порождена была эта выходка:

„*Примѣчаніе издателя.* Подъ этой послѣдней строкой находится „профиль головы съ большимъ хохломъ и усами, съ глазомъ en „face и лучеобразными рѣсницами, а подъ головой кто-то напи„салъ слѣдующія слова:

„Сію Рукопись Читалъ
„И Содержаніе Оной Не Одобрилъ
„Пётръ Зудотѣшинъ
„ММММ
„Милостивый Государь
„Пётръ Зудотѣшинъ
„Милостивый Государь мой.—

„Но такъ какъ почеркъ этихъ строкъ нисколько не похо-„дитъ на почеркъ, которымъ написана остальная часть те-„тради, то издатель и почитаетъ себя въ правѣ заключить, что „вышеупомянутыя строки прибавлены были впослѣдствіи дру-„гимъ лицомъ, тѣмъ-болѣе, что до свѣдѣнія его (издателя) „дошло, что г-нъ Чулкатуринъ дѣйствительно умеръ въ ночь „съ 1-го на 2-ое апрѣля 18., въ родовомъ своемъ помѣстьѣ „Овечьи воды."

Здѣсь все дорого — и Бѣлкинскій топъ *издателя*, и видимая аналогія идеи этого мѣста съ идею Гамлетовыхъ думъ надъ черепами, и, наконецъ то, что Чулкатуринъ дѣйствительно умеръ 1-го апрѣля, потому что „это къ нему идетъ!.." Все это дорого, какъ глубокая, искренняя исповѣдь болѣзненнаго душевнаго момента — пережитаго многими, можетъ быть, цѣлымъ поколѣніемъ.

VI.

Поэтъ скорбей этого поколѣнія, выразитель однообразный, но всегда искренній и часто глубокій его стоновъ, отпѣлъ ему высокую поэтическую панихиду въ своемъ посланіи къ „Друзьямъ":

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душей,
Съ желаніемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой.
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили...
Но мы вокругъ не встрѣтили участья;
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали—и сухи, и желты.
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтвями,
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что-же?

Упрекъ-ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ? *Смиренье* въ душу вложимъ
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ [1]).

Въ этихъ стихахъ слышно вовсе не смиреніе, хоть оно и поставлено въ нихъ заключительнымъ выводомъ,—а только мрачное и грустное сосредоточеніе въ своихъ разбитыхъ надеждахъ съ сознаніемъ того, что надежды эти были безплодны, но съ сознаніемъ-же и абсолютной правоты ихъ, этихъ безплодныхъ надеждъ.

Пусть въ другомъ мѣстѣ, въ одномъ изъ своихъ „монологовъ", поэтъ и проклинаетъ мысль—сокрушительную силу, разбившую всю его душу.

Отъ прежнихъ истинъ я отрекся правды ради,
Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я заперъ дверь, —
Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
И все, и все изорвано теперь...
Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
И видѣть вкругъ безсиліе людей...

Но вѣдь скоро-же въ слѣдъ за этимъ проклятіемъ онъ привѣтствуетъ гимномъ отрицательную силу.

. . . Я съ призраками смѣло
И искренне разстался наконецъ,
Я отстоялъ себя отъ внутренней тревоги.
Съ терпѣніемъ пустился въ новый путь,
И не собьюсь теперь съ разсчитанной дороги.—
Свободна мысль, и силой дышитъ грудь.
Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый?
Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой:
Я скорбью многой выкупилъ себя.
Теперь товарищъ мнѣ—иной духъ отрицанья,
Не тотъ насмѣшникъ, черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой;
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить—отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь,
И ненависть его къ тому, что рушить надо,
Душѣ свята такъ, какъ свята любовь!

Подобное примиреніе души въ напряженности высшаго отрицанія есть моментъ исключительный и общимъ быть не можетъ.

---

[1]) Стихотвореніе Огарева,—также какъ и слѣдующія. *Примѣч. В. С.*

Тургеневъ, прежде всего художникъ по натурѣ, и притомъ художникъ въ высочайшей степени впечатлительный, до женственнаго подчиненія всякому сильному вѣянію,—въ самой артистической натурѣ своей нашелъ изъ подобнаго закаленнаго ожесточенія выходъ. Онъ слишкомъ горячо отзывался на жизнь съ ея многообразными типами, чтобы не найти противъ суровой логической мысли голосовъ въ себѣ самомъ за жизнь, за дѣйствительность, за типы; однимъ словомъ,—употребляя терминъ уже разъ употребленный мною,—онъ далъ въ себѣ самомъ права своему Ивану Петровичу Бѣлкину.

Поворотъ совершенно Пушкинскій, т.-е. артистическій, но Пушкинъ не давалъ своему Бѣлкину больше хода, чѣмъ слѣдовало, а Тургеневъ—далъ больше и, думая быть искреннимъ, впалъ въ безплодную борьбу съ самимъ собою, съ завѣтнѣйшими идеалами, воспитавшимися въ душѣ, борьбу, которая такъ наивно-явно совершается передъ читателями въ его *Рудинѣ*, и которой слѣды разсѣяны во всѣхъ его повѣстяхъ.

Морально запуганный крайними послѣдствіями логической мысли, въ разрѣзъ ея съ дѣйствительностью, судорожно насмѣявшись въ своемъ „Гамлетѣ“ надъ несостоятельностью натуры современнаго человѣка въ примѣненіи мысли къ дѣлу, надругавшись какъ ребенокъ надъ личностью въ концѣ „Дневника лишняго человѣка“,—повторяю опять—художникъ хотѣлъ быть искреннимъ въ казни несостоятельной личности передъ судомъ общей жизни, дѣйствительности—и вмѣсто искренности попалъ въ ту-же неисходную колею безпощадно-послѣдовательной логической мысли, только обратившейся въ противоположную сторону.

Тургеневъ, писатель наиболѣе добросовѣстный изъ всѣхъ, осужденныхъ добиваться отъ самихъ себя искренности, развѣнчивавшій постепенно самъ для себя передъ глазами читателей различные искусственно сложившіеся идеалы, занявшіе въ душѣ людей современнаго ему поколѣнія незаконное мѣсто,—Тургеневъ, разоблачившій, напримѣръ, одну сторону Лермонтовскаго Печорина въ грубыхъ чертахъ своего „Бреттера“, другія стороны во множествѣ другихъ своихъ произведеній,—не дешево покупалъ свой анализъ. Слѣды борьбы болѣзненной и часто тщетной съ завѣтными идеалами—видны на всемъ, что намъ ни давалъ онъ,—и это-то въ особенности дорого всѣмъ намъ въ Тургеневѣ. Онъ былъ и остался тѣмъ, что я не умѣю иначе назвать какъ — *роман-*

тихомъ, по чему, какъ вы знаете, я вовсе не придаю того позорнаго значенія, какое придавалось въ сороковые годы нашей литературы.

VII.

Когда, утомленный горькимъ и тяжелымъ разоблаченіемъ личности, Тургеневъ, вслѣдъ за современнымъ вѣяніемъ, бросился искать успокоенія въ простомъ, типовомъ и непосредственномъ дѣйствительности —онъ нежданно удивилъ всѣхъ изображеніемъ „Хоря и Калиныча“; но этому изображенію слишкомъ наивно обрадовались идеалисты русской жизни. Вмѣстѣ съ исполненнымъ идиллической симпатіи изображеніемъ „Хоря и Калиныча“—старый, обаятельный своими тревожными сторонами, типъ поднялся у Тургенева блистательнымъ очеркомъ лица Василья Лучинова въ повѣсти „Три портрета“.

Что ни говорите о безнравственности Василья Лучинова — но несомнѣнно, что въ этомъ образѣ есть поэзія, есть обаяніе. Эта поэзія, это обаяніе — въ которыхъ не виноваты ни Тургеневъ, ни мы, ему сочувствовавшіе — нѣкоторымъ образомъ сильнѣе и значительнѣе обаянія Лермонтовскаго Печорина, какъ у самого Лермонтова его недоконченный, но вѣчно мучившій его Арбенинъ или Арбеньевъ — поэтичнѣе и обаятельнѣе холоднаго и часто мелочнаго Печорина. Развѣнчать обаятельныя стороны этого типа, столь долго мучившаго Лермонтова и все наше поколѣніе, Тургеневъ пытался нѣсколько разъ — и почти всегда, стремясь къ логической послѣдовательности въ мысли, измѣнялъ ей въ создаваемомъ имъ образѣ... То хотѣлъ онъ развѣнчать въ этомъ типѣ сторону безумной страсти или увлеченій и безграничной любви къ жизни, соединенныхъ съ какою-то отважною безпечностью и вѣрою въ минуту — и создавалъ Веретьева въ „Затишьѣ“, *придумывая* и *сочиняя* достойное наказаніе его безплодному существованію — и что же? Безплодное существованіе, точно, являлось безплоднымъ— но созданное поэтомъ лицо, въ минуты страстныхъ своихъ увлеченій, увлекало невольно, оставалось обаятельнымъ, не теряло своего поэтическаго колорита. Безнравственность Василья Лучинова, вы, разумѣется, моральнымъ судомъ казнили, но то грозное и зловѣщее, то страстное до безумія и вмѣстѣ владѣющее собою до рефлексіи, что въ немъ являлось, ни художникъ не развѣнчивалъ, ни вы развѣнчать не могли — и внутри вашей души

никакъ не могли согласиться съ критикомъ, назвавшимъ Василья Лучинова *типнымъ* человѣкомъ. Василій Лучиновъ, пожалуй, не только что гнилъ, онъ — гнусенъ; но сила его, эта страстность почти что южная, соединенная съ сѣвернымъ владѣньемъ собою, эта пламенность рефлексіи или рефлексія пламенности, есть *типовая* особенность. Типовую-же особенность вы не сдвинете въ душѣ вашей съ мѣста,— если таковое она въ ней занимаетъ,— однимъ *логическимъ* судомъ надъ нею; докажите, что она не типовая особенность, или, лучше сказать, докажите, т.-е. *покажите*, что она не въ такомъ видѣ составляетъ типовую особенность, и тогда вы ее уничтожите. До тѣхъ-же поръ, вы тщетно будете бороться съ ея обаятельными, т.-е. жизненными сторонами. Типъ Печорина, напримѣръ, размѣнявшись на мелочь, перейдя въ Тамарина — этимъ не уничтожается; онъ перемѣнитъ только образъ и явится опять въ новомъ. Таковъ законъ вѣчнаго существованія типовъ — и въ особенности этого типа. Василью Лучинову Тургенева я придаю особенную важность потому, что въ этомъ лицѣ старый типъ Донъ-Жуана, Ловласа и т. д. принялъ впервые наши русскія, оригинальныя формы.

Но Донъ-Жуановское или Ловласовское начало не исчерпываетъ еще всего содержанія типа, съ которымъ Тургеневъ вступилъ въ открытую, добросовѣстную, но наивно-слабую борьбу.

Тургеневъ вздумалъ на глазахъ-же читателей — помѣряться съ отраженіемъ типа въ образѣ Рудина. Если уже въ беззаботномъ прожигателѣ жизни, Веретьевѣ, или въ развратномъ и холодномъ Васильѣ Лучиновѣ есть стороны неотразимо-увлекающія, обаятельныя,— то тѣмъ болѣе онѣ должны быть въ Рудинѣ, человѣкѣ, исполненномъ если не убѣжденій, то всей предрасположенности къ убѣжденіямъ,— человѣкѣ, по даннымъ натуры котораго можно заключить, что жизнь его должна совсѣмъ не тѣмъ кончиться, чѣмъ кончается она въ эпилогѣ повѣсти,— хотя эпилогъ и выходитъ апооеозой Рудина. Къ повѣсти „Рудинъ“ у меня, какъ вы знаете, есть особенная слабость — и именно вотъ за что. Въ этой повѣсти совершается передъ глазами читателей явленіе совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ, что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ, и, наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго стараго сочувствія,— снова возводитъ въ апооеозу въ эпилогѣ то,

къ чему онъ пытался отнестись критически въ разсказѣ. И нельзя даже подумать, чтобы критика была ловкимъ подходомъ къ апоѳеозѣ,— такъ быстро и прямо совершается передъ глазами читателя поворотъ, такъ послѣ прочтенія эпилога становится ясно, что все, кромѣ эпилога, да той минуты, когда Рудинъ, стоящій вечеромъ у окна и заключающій свою бесѣду, свою проповѣдь легендою о скандинавскомъ царѣ, напоминаетъ манеры, пріемы и цѣлый образъ одного изъ любимѣйшихъ людей нашего поколѣнія [1]),— что, кромѣ этого, говорю я, все остальное сдѣлано, а не рождено, сдѣлано искусственно, хоть и не совсѣмъ искусно, вымучено у души насильственно... Тутъ, однимъ словомъ, обнаруживается въ отношеніяхъ художника къ создаваемому имъ типу, да вмѣстѣ съ тѣмъ и для многихъ изъ насъ, кто только подобросовѣстнѣе — замѣчательная путаница... Что такое Рудинъ въ повѣсти? — Фразёръ? — Но откуда-же у фразёра сила, дѣйствующая на глубокую натуру Натальи и на чистую, юношески-благородную натуру Басистова? — Человѣкъ слабый и безхарактерный, „куцый", по выраженію Пигасова? — Но отъ чего-же Пигасовъ такъ радъ тому, что разъ подмѣтилъ его *куцымъ*, и отчего Лежневъ, знающій его вдоль и поперекъ, *боится* его вліянія на другихъ? Отчего *благородный* малый Волынскій такъ *скорбенъ* головой при своемъ благородствѣ, и отчего его судьба, по предсказанію положительнаго Лежнева,— быть подъ башмакомъ у Натальи?— Что за несчастіе въ нашей литературѣ добрымъ и благороднымъ малымъ! Или они — тѣни, или ихъ бьютъ... Право такъ.

Я пишу свои критическія замѣтки въ формѣ письма — стало-быть, въ формѣ самой свободной, и стало-быть, мнѣ позволительны всякаго рода отступленія, лишь-бы въ концѣ концовъ эти отступленія вели къ дѣлу.

Въ литературѣ у насъ, или, лучше сказать, на сценѣ (ибо это вещь болѣе сценическая, чѣмъ литературная) есть комедія, пользовавшаяся и пользующаяся доселѣ большимъ успѣхомъ. По поводу этой комедіи, послѣ перваго ея представленія, мнѣ случилось выдержать долгій и серьезный споръ съ однимъ изъ искреннѣйшихъ моихъ друзей на счетъ типа, въ ней выведеннаго. Въ комедіи, авторъ, *повидимому*, имѣлъ задачею анализировать и каз-

---

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду Т. И. Грановскаго (см. выпускъ 7-й настоящаго изданія, стр. 52). *Примѣч. В. С.*

нить лицо одного изъ отверженіковъ и отщепенцевъ общества, Феррагюсовъ и Монриво [1]), поколику Феррагюсы и Монриво, смягченные и разжиженные, являются въ нашей жизни. Несмотря на видимую казнь, всякому чуется въ комедіи скрытое симпатическое или ужъ, по крайней мѣрѣ, далеко не свободное отношеніе казнящаго къ казнимому. И это, по сознанію самого спорившаго со мной пріятеля, происходило не отъ игры актера: игра казалась намъ довольно слабою, и мы оба хотѣли-бы видѣть въ этой роли покойнаго Мочалова, и оба были убѣждены, что, смѣшной и до дикости странный какъ свѣтскій человѣкъ въ первомъ актѣ—онъ былъ-бы недостигаемо великъ въ двухъ остальныхъ... Между тѣмъ и въ бѣдномъ изображеніи, которое мы видѣли, была извѣстная поэзія, и его окружалъ извѣстнаго рода ореолъ.

Въ казнимомъ всякимъ моральнымъ судомъ отщепенцѣ общественномъ были обаятельныя стороны, способныя прельстить и увлечь; симпатическое или, по крайней мѣрѣ, весьма несвободное отношеніе къ нему автора проглядывало всюду: и въ контрастѣ сопоставленія съ нимъ, господиномъ, въ безнравственности его холопа, его ученика въ мошенническихъ дѣлахъ,— и въ разсказахъ о немъ его лакея, разсказахъ, въ которыхъ какъ-будто нечаянно проглядывали блестящія свойства его натуры,— и въ подчиненіи его моральной силѣ всего окружающаго,— и въ томъ, что честный человѣкъ, *благородный малый*, безуспѣшно съ нимъ борющійся, представленъ какимъ-то идіотомъ и поставленъ—разъ, правда, но разъ несмываемый, разъ неизгладимый—не то что въ комическое, но безвыходно-*срамное* положеніе,—и, наконецъ въ заключительныхъ словахъ общественнаго отщепенца, словахъ, которыя почти-что мирятъ съ нимъ, и въ которыхъ слышится не самоуниженіе, а скорѣе вѣра его въ себя, въ свои обаятельныя стороны.

Пріятель мой возсталъ противъ всѣхъ этихъ предположеній, прибѣгая болѣе къ аргументамъ ad hominem, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ въ словесномъ спорѣ. Я-же собственно ничего не сдѣлалъ иного, какъ добросовѣстно и смѣло назвалъ по имени то чувство или впечатлѣніе, которое, какъ онъ, такъ и я, испытывали равно, съ тѣмъ различіемъ, что онъ противъ впечатлѣнія принималъ оборонительное положеніе, а я давалъ впечатлѣнію полную въ себѣ волю.

---

[1]) Герои одного изъ раннихъ романовъ Бальзака: „Histoire des treize“.
Примѣч. В. С.

Пріятеля моего гораздо болѣе убѣдили немногія слова одной прямой, правдивой и вовсе не эмансипированной женщины, чѣмъ вся наша длинная бесѣда на зеленомъ диванѣ одного московскаго клуба,— и я это совершенно понимаю. Что-же въ самомъ дѣлѣ, женская-то душа не человѣческая что-ли въ дѣлѣ вопросовъ о сочувствіяхъ? Вѣдь только Собакевичъ, да и то въ юридическомъ казусѣ, почелъ нужнымъ замѣнить имя „Елисавета Воробей“ именемъ: „Елисаветъ Воробей“, чтобы придать существу, носящему это имя, ревизскій характеръ — но, вѣдь, область моральныхъ сочувствій не область юридическихъ вопросовъ.

Насколько мое отступленіе ведетъ къ дѣлу, предоставляю вамъ рѣшить.

Дѣло-же все главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что пока извѣстныя стороны какого-либо типа не перешли въ область комическаго, до тѣхъ поръ вы тщетно станете бороться въ душѣ вашей съ извѣстнаго рода сочувствіемъ къ нимъ. Комизмъ — есть единственная смерть для типа, или, лучше сказать, для извѣстныхъ его сторонъ; но надобно, чтобы комизмъ былъ нисколько не насильственный, ибо, мало-мальски онъ насильственъ — онъ цѣли своей не достигаетъ... Тамаринъ, напримѣръ, убилъ *внѣшнія* стороны Печорина — но за то рельефно оттѣнилъ его внутреннія. Батмановъ Писемскаго — эта грубая, но все-таки живая, художническая малевка, или его-же болѣе удачный образъ Бахтіарова въ „Тюфякѣ“,— цѣли своей не достигли, можетъ-быть именно потому, что художникъ, то малюя, то рисуя ихъ, предполагалъ себѣ извѣстную цѣль, вступалъ съ ними въ борьбу съ самаго начала; Меричъ Островскаго, этотъ замоскворѣцкій франтъ съ претензіями на Чайльдъ-Гарольда, лицо блѣдное, но полно очерченное — убиваетъ только самыя мелочныя стороны Печорина. Наконецъ, лица, съ которыми ведетъ наивнѣйшую борьбу Тургеневъ, или бьютъ мимо цѣли, какъ „Бреттёръ“, или дразнятъ обаятельными сторонами типа, какъ Верстьевъ, или, наконецъ, подымаютъ типъ до патетическаго въ „Рудинѣ“.

Я опять возвращаюсь къ „Рудину“—да къ нему и нельзя не возвратиться, говоря о Тургеневѣ и о томъ моральномъ процессѣ, который открывается въ его произведеніяхъ и служитъ отчасти, какъ процессъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей, раскрытіемъ моральнаго процесса цѣлой эпохи.

Этотъ процессъ, представляя въ началѣ поразительное сходство

съ процессомъ, породившимъ у Пушкина лицо Ивана Петровича Бѣлкина, вмѣстѣ съ тѣмъ и различенъ съ этимъ процессомъ по своимъ послѣдствіямъ.

Въ „Рудинѣ“—почти-что въ апоѳеозу возводится опять все то, надъ чѣмъ судорожно смѣется „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“: и „кружки“, и „солнце духа“, и вліяніе философскихъ идей,—всѣ тѣ вѣянія, однимъ словомъ, изъ-подъ власти которыхъ мечталъ уйти художникъ въ простую дѣйствительность,—признается законность этихъ вѣяній, ихъ право гражданства въ душѣ.

Какъ „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, такъ и „Рудинъ“, равно объясняются поэтической натурой Тургенева. Слишкомъ артистъ, т.-е. человѣкъ любящій типы и вѣрующій въ типы, для того, чтобы окаменѣть въ суровомъ и напряженно-грустномъ лиризмѣ автора „Монологовъ“ — и слишкомъ поэтъ, т.-е. отзывчивая и страстная натура, для того, чтобы не чувствовать вѣчно, чутко тѣхъ звуковъ, которыхъ

. . . . звученье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно—

онъ остался въ какомъ-то страшномъ, перѣшительномъ положеніи относительно старыхъ и новыхъ вѣяній, вѣрный только своей собственной натурѣ, которая, какъ натура всякаго истиннаго поэта, равно пугается и суровой жесткости логической мысли, т.-е. теоріи, и рабскаго служенія настоящему, въ его часто слѣпыхъ требованіяхъ. Въ этомъ и причина сильнаго вліянія Тургенева на его читателей, и причина повторенія у него однихъ и тѣхъ же недостатковъ. Въ произведеніяхъ его говоритъ живымъ голосомъ живая душа—а не логическая мысль и не одна внѣшняя сила таланта. Что душа его переживала, то онъ намъ и давалъ—давалъ такъ, какъ пережитое въ его душѣ возрождалось.

VIII.

Какъ въ борьбѣ Пушкинской натуры съ блестящими, но для насъ призрачными типами, сложился отрицательный образъ Бѣлкина, этотъ отсадокъ всего простого и здраво-непосредственнаго, что вошяло въ душѣ нашего поэта, какъ ея особенность, противъ идеаловъ, сложившихся въ ней процессомъ внѣшнимъ, искусствен-

нымъ,—такъ и борьба Тургеневская оставила свой отсадокъ во множествѣ чисто-отрицательныхъ образовъ, болѣе или менѣе всѣхъ похожихъ одинъ на другой. Одинъ и тотъ же господинъ является и въ „Дневникѣ лишняго человѣка“, и въ „Бретёрѣ“, и отчасти въ „Двухъ пріятеляхъ“ и, наконецъ, взятый въ самой обыденной средѣ жизни, въ „Пѣтушковѣ“. Отдѣляется нѣсколько отъ этихъ лицъ—тотъ очеркъ лица, который выступаетъ въ „Колосовѣ“, да еще въ „Пасынковѣ“, въ которомъ Тургеневъ хотѣлъ изобразить романтика,—и въ особенности герой „Переписки“.

Первое, поражающее невольно, свойство всѣхъ лицъ упомянутой первой категоріи, это—странное назначеніе быть битыми или, по крайней мѣрѣ, странно-загнанными; второе—подбирать на дорогѣ чужую любовь. Лица эти—или по крайней мѣрѣ на нихъ похожія—встрѣчаются не у одного Тургенева; они-же, только представленныя болѣзненно, играютъ главную роль въ произведеніяхъ такъ-называемой натуральной школы; они же, изображенныя спокойнѣе и проще, являются въ первыхъ романахъ Писемскаго, въ лицѣ „Тюфяка“, Овцынина въ „Батмановѣ“, и проч.; они же—во множествѣ лицъ комедій Островскаго, только уже съ совершенно особенной, чисто-русскою печатью; къ нимъ же, наконецъ, питаетъ особенное сочувствіе Толстой. И вездѣ и повсюду, за исключеніемъ Хорькова и Бородкина Островскаго, да „Тюфяка“ Писемскаго — они являются образами чисто-отрицательными, т.-е. порожденными не самостоятельнымъ творчествомъ, а рефлексіей, отраженіемъ. Вездѣ и повсюду, даже у Толстого—выражаютъ они собою только протестъ за простое, доброе, непосредственное, въ противоположность блестящимъ, но искусственно сложившимся типамъ; вездѣ они представляютъ только голыя требованія, безъ индивидуальныхъ чертъ.

Вопросъ объ этихъ лицахъ, или, лучше сказать, объ этомъ одномъ *отрицательномъ* типѣ весьма важенъ...

Личность дошла до крайнихъ своихъ предѣловъ въ Лермонтовѣ и томъ направленіи, которое произошло отъ него. Въ направленіи этомъ выражался протестъ личности противъ дѣйствительности, протестъ, вслѣдствіе котораго являлось безконечное множество сатирическихъ очерковъ, повѣстей, кончавшихся непзбѣжно — прямо ли высказаннымъ, подразумѣваемымъ ли—припѣвомъ: „И вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка!“ Припѣвъ этотъ былъ

Гоголевскій—но пропѣтый на Лермонтовскій ладъ. Въ повѣстяхъ этихъ, по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, совершались самыя удивительныя превращенія съ героями, задыхавшимися въ грязной, бѣдной ощущеніями и тупоумной дѣйствительности—и все, окружавшее героя или героиню, намѣренно, вслѣдствіе заданной напередъ темы, изображалось карикатурно. Нѣтъ сомнѣнія, что была хорошая сторона, была извѣстная заслуга въ этомъ способѣ представленія дѣйствительности; но односторонность способа скоро обнаружилась весьма явно.

Съ другой стороны, „Шинель“ и нѣкоторыя другія произведенія Гоголя, подали поводъ къ другой, еще болѣе рѣзкой односторонности въ произведеніяхъ такъ-называемой „натуральной“ школы, которую гораздо вѣрнѣе можно назвать школою „сентиментальнаго натурализма“. Вопль идеалиста Гоголя за идеалъ, за „прекраснаго человѣка“—перешелъ здѣсь въ вопль и протестъ за разслабленнаго, за хилаго морально и физически человѣка. Горькій смѣхъ великаго юмориста надъ измельчавшимъ и унизившимся человѣкомъ, смѣхъ, соединенный съ пламеннымъ негодованіемъ на ложь и формализмъ той среды жизни, въ которой мельчаетъ и унижается человѣкъ, перешли въ болѣзненный протестъ за измельчавшагося и униженнаго человѣка, вслѣдствіе чего и самый протестъ противъ ложной и чисто-формальной дѣйствительности лишился своего высшаго нравственнаго значенія. Отдѣлите одинъ болѣзненный юморъ раздражительной натуры отъ стремленій къ идеалу въ творчествѣ Гоголя—и чудовищныя созданія появятся на свѣтъ вслѣдствіе причудъ этого болѣзненнаго юмора! Взгляните на Акакія Акакіевича съ сентиментальной точки зрѣнія, проникнитесь въ отношеніи къ нему не общечеловѣческимъ, правильнымъ сочувствіемъ, а исключительнымъ; болѣзненною симпатіею возведите на степень *права* требованія героя „Записокъ сумасшедшаго“,—и вотъ вамъ произведенія сентиментальнаго натурализма, котораго вина противъ искусства заключается въ *рабской* натуральности, не отличающей въ дѣйствительности явленій случайныхъ отъ типическихъ и необходимыхъ, не повѣряющей общечеловѣческимъ идеаломъ своего болѣзненнаго юмористическаго настройства.

Когда Гоголь говоритъ въ „Мертвыхъ душахъ“ о томъ, что опошлился добродѣтельный человѣкъ (т.-е. *сильный* человѣкъ), что пора, по его выраженію, „припрячь плутоватаго человѣка“—

онъ, во-первыхъ, развѣнчиваетъ *ложно-добродѣтельнаго* человѣка, развѣнчиваетъ его ходульную величавость и мишурность; *во-вторыхъ*, онъ, плачетъ, болѣетъ сердцемъ о томъ, что „нигдѣ не видитъ онъ мужа"; своимъ энергическимъ словомъ онъ клеймитъ въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій безспильнаго человѣка („Дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ...").

Великій обличитель всего, что въ немъ самомъ было ложнаго и что вокругъ себя видѣлъ онъ ложнаго, Гоголь обличилъ наконецъ самое обличеніе въ несостоятельности его, разорванности, отсутствіи всякаго живого средоточія. Обличеніе разрываетъ связь съ нимъ, и разорвавшись съ нимъ, съ живою исходною точкою, хочетъ жить гальванически—и живетъ, и до сихъ поръ живетъ этою жизнію. Обличитель, въ свою очередь, хочетъ стать выше самого себя, хочетъ строить свой міръ изъ обличенныхъ въ негодности матеріаловъ стараго, имъ же разрушеннаго зданія, подкрашиваетъ, сколачиваетъ и падаетъ, разбитый сознаніемъ безжизненности въ созданьи, сожигаемый тоскою объ идеалѣ, которому формъ не находитъ.

Страшный урокъ, страшное трагическое событіе! Но въ немъ есть смыслъ, и смыслъ великій, утѣшительный.

Гоголь былъ весь человѣкъ *сдѣланный*; какъ великій умъ и великій художественный талантъ, онъ, поя въ себѣ эту язву, яснѣе всѣхъ другихъ, поившихъ ее въ себѣ, сознавалъ это, и преслѣдовалъ ее въ себѣ и въ другихъ нещадно. Простой великій человѣкъ (одинъ изъ простѣйшихъ, какихъ когда-либо посылало небо землѣ), безнаказанно выносившій на себѣ всякія чуждыя краски, которыя съ лѣтами упали „ветхой чешуей", и оставшійся всюду съ своей собственной богатой природой—опредѣлилъ ему самому его значеніе такъ: что никто лучше его не умѣетъ выставить „пошлость пошлаго человѣка". Анализъ всего въ душѣ нашей пошлаго и анализъ окружающей жизни сквозь призму анализа внутренней пошлости—вотъ въ самомъ дѣлѣ вся задача Гоголевскаго творчества. У всякаго писателя есть его задушевное слово, и это-то именно слово онъ призванъ сказать міру, ибо оно-то именно міру и нужно, какъ новое слово, и оно-то есть вмѣстѣ „дѣло души", о которомъ такъ часто говоритъ Гоголь въ своей Перепискѣ и въ своихъ письмахъ. Это слово, въ конечной формѣ, есть послѣдняя правда души о ней самой и о ея цѣлостномъ пониманіи Божьяго міра, центръ малаго міра, въ его, стра-

даніемъ и борьбою купленномъ (такъ или иначе), отождествленіи съ центромъ великаго міра.

Мучась вопросомъ художественнымъ, Гоголь въ то же самое время мучился и вопросомъ нравственнымъ, окончательно добиваясь отъ себя правды въ его разрѣшеніи... Онъ внутренно огорчался своимъ призваніемъ выставлять пошлость пошлаго человѣка, т.-е. снимать личину эффектной наружности съ того, что въ сущности обыкновенно и что, обличенное, становится пошлымъ. Его огорченіе проглядываетъ почти во всѣхъ его лирическихъ страницахъ; но, оставаясь у него только стремленіемъ къ идеалу и оправданіемъ своего дѣла, какъ отрицательнаго пути къ идеальному—оно у тѣхъ, которые были ближайшими его послѣдователями, у сентиментальныхъ натуралистовъ, обратилось въ слѣпой протестъ за безсильнаго человѣка [1]). Гоголь, напримѣръ, сказалъ: „въ наше время сильнѣе, чѣмъ любовь, завязываетъ драму желаніе достать выгодное мѣсто, желаніе отмстить за оскорбленіе“;—Бѣлинскій, при пособіи своей раздражительности, извлекъ изъ этого цѣлую діатрибу противъ любви (подъ любовью разумѣть должно всѣ сколько-нибудь не-положительныя чувства). Діатриба вышла краснорѣчивѣйшая, пламенно тревожная, такъ что по истинѣ можно сказать, что Бѣлинскій писалъ тревожныя статьи противъ тревожныхъ чувствъ въ пользу тревожныхъ чувствъ другого рода,—а натуралисты писали нѣсколько развитій этой темы. Помню особенно одно ея развитіе—оно принадлежитъ автору, являвшемуся тогда подъ именемъ Перепельскаго, и послѣ прославившемуся стихотвореніями подъ настоящимъ своимъ именемъ [2]). Повѣсть похоронена въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“, среди многаго хлама этого литературнаго клоака; ее забылъ, вѣроятно, самъ авторъ; но явленія мелкія часто бросаютъ свѣтъ на явленія крупныя. Повѣсть (забылъ даже ея имя) есть развитіе сѣмени, заброшеннаго Гоголемъ. Стремленіе *мелкаго* человѣка отомстить *мелкой* женщинѣ за

---

[1]) Говоря о „сентиментальномъ натурализмѣ“, Григорьевъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Достоевскаго, въ раннюю эпоху его дѣятельности, выразившейся въ „Бѣдныхъ людяхъ“, „Двойникѣ“ и др. разсказахъ, съ ихъ типами забитыхъ и загнанныхъ жизнью людей, изображенныхъ иногда съ чисто болѣзненнымъ сочувствіемъ.

[2]) Перепельскій—псевдонимъ *Н. А. Некрасова*, подъ которымъ онъ много писалъ въ первой половинѣ 40-хъ годовъ въ „Литературной газетѣ“, „Репертуарѣ и Пантеонѣ“ и др. изданіяхъ. *Примѣч. В. С.*

мелкое оскорбленіе такъ завязало въ ней драму, что сама душа автора тутъ запуталась. Съ такою сластью изображено здѣсь мизерное лицемѣріе, что видимо не возвышался писатель надъ уровнемъ анализируемаго имъ чувства—и недостатокъ этой же, здѣсь уже погубленной, способности возвышаться надъ уровнемъ анализа—отразился потомъ и въ самыхъ его стихотвореніяхъ, которыя, несмотря на очевидное присутствіе пламени разбитаго, но все еще сильнаго и высокаго, таланта—дышатъ порою для всѣхъ, не потерявшихъ свѣжести эстетическаго и нравственнаго чувства, душнымъ и тяжелымъ впечатлѣніемъ. Бѣдный, истинно мучащійся поэтъ не можетъ ни на минуту перестать смотрѣть сквозь аналитическую призму, всюду показывающую ему ворочающихся гадовъ. Въ самомъ простомъ, обычномъ фактѣ повседневной жизни, способномъ въ благоустроенной душѣ пробудить строй спокойный и мирный, какъ, напримѣръ, свадьба человѣка изъ простого народа съ женщиной изъ простого-же народа, онъ способенъ видѣть только грѣхъ въ прошедшемъ и горе впереди. Для трагическаго положенія матери, не имѣющей на что похоронить ребенка, онъ не видитъ и не можетъ видѣть никакого иного выхода, кромѣ продажи себя уличному разврату—въ странѣ, гдѣ, слава Богу, еще подаютъ милостыню—и, еще болѣе слава Богу!—подаютъ ее безъ критическаго разбора нравственныхъ свойствъ просящаго *Христа* ради и безъ оцѣнки его личности,—въ странѣ, гдѣ нерѣдко, идя по улицѣ, видите вы деревянный гробикъ на колѣняхъ у женщины и видите, какъ, снявъ шапку и перекрестившись, кладетъ въ него не одинъ прохожій свой мѣдный грошъ, а кто и болѣе, смотря по достатку и по силѣ. — Въ лицѣ сборщика на построеніе храма, больной поэтъ, умиляясь впрочемъ, какъ поэтъ, этому образу, но не умѣя вывести его появленіе на свѣтъ Божій изъ источниковъ, вѣчно бьющихъ живыми ключами въ народной натурѣ, видитъ только раскаявшагося злодѣя... Замѣчательно, что и Гоголь во второй части „Мертвыхъ Душъ“ взглянулъ на этотъ фактъ, какъ на исходъ для своего Хлобуева—страннаго лица, одного изъ немногихъ живыхъ въ этой второй части, захватывающаго существенныя струны нашей безпечной натуры, но вышедшаго съ такимъ широкимъ и симпатическимъ захватомъ—совершенно противъ намѣреній автора... Обращаясь къ поэту, который можетъ быть названъ однимъ изъ двухъ самыхъ яркихъ свѣтилъ школы сентиментальныхъ натуралистовъ, при-

бавлю, что онъ, весь, такъ сказать, растравленный своею тяжкою мыслію, самъ сознающій раздвоеніе своего внутренняго міра съ высотъ поэтическаго созерцанія, самъ исполненный трогательныхъ, жалобныхъ, искреннихъ стоновъ о томъ, что

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть,—

является какою-то грустною жертвою того страшнаго разъѣдающаго начала, которое только Гоголь могъ держать, обуздывать, и позволилъ ему, этому началу, выводящему чудовища извнутри человѣка—измучить, затерзать и пожрать наконецъ только себя одного...

IX.

Если опасно давать волю въ душѣ такого рода движеніямъ, которыя выходятъ изъ обыкновеннаго душевнаго строя, то едвали не менѣе опасно узаконивать и обычный строй.

Весь натурализмъ есть ничто иное, какъ узаконеніе такого обычнаго строя, узаконеніе ежедневности.

Гоголь остался правъ потому, что удержался въ отрицательныхъ границахъ натурализма, т.-е. въ границахъ разоблаченія фальшиваго въ душѣ человѣческой и въ окружающей дѣйствительности. По вслѣдъ за разоблаченіемъ фальшиваго, т.-е. вслѣдъ за снятіемъ съ него непринадлежащей оболочки, оболочки истиннаго—требуется душою положительная замѣна. Положительной замѣны онъ не указывалъ, или указывалъ ее въ такомъ общемъ идеалѣ, который ускользалъ отъ всякаго опредѣленія. Онъ говоритъ безпрестанно человѣку:—ты не герой, а только корчишь героя; ты не герой ни въ чемъ; въ любви ты чаще всего—Хлестаковъ, зовущій городничиху „подъ сѣнь струй“ (геніальнѣйшая безсмыслица! въ ней какъ въ фокусѣ совмѣщена вся романтическая чепуха, которую несутъ герои и героини Марлинскаго, Кукольника и Полевого); въ гражданскомъ отношеніи ты—или Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, или, что еще несравненно хуже, Александръ Ивановичъ—въ „Утрѣ дѣлового человѣка“—навязывающій бумажки на хвостъ собачкѣ;—ты только самолюбивъ и безпеченъ, а излишнія мечты могутъ повести тебя, если ты нѣсколько горячъ, или до участи художника Пискарева, или до испанскаго трона Поприщина—и за что же ты погибнешь такъ

безобразно, когда товарищъ же твой, поручикъ Пироговъ, такъ благоразумно подавитъ въ себѣ героическую вспышку за оскорбленіе и будетъ прекраснѣйшимъ образомъ процвѣтать и красоваться на различныхъ чиновническихъ балахъ,—а Кочкаревъ основательно докажетъ, что весьма легко поправить ту бѣду, когда плюнуть въ рожу? Ты—не Гамлетъ, ты—Подколесинъ: ни въ себѣ, ни въ окружающей тебя жизни, ты не найдешь отзыва на твои представленія о героическомъ, которыя иногда въ тебѣ какъ пѣна поднимаются.

Прекрасно! Но какой же будетъ логическій выводъ изъ этой посылки? Первый выводъ—вопросъ: что же право:—представленія ли о героическомъ, или противорѣчіе героическому, т.-е. натура? Вотъ этотъ-то вопросъ и далъ силу тому, что называлось натурализмомъ. Натурализмъ порѣшилъ дѣло тѣмъ, что если натура не даетъ силъ на борьбу за героическое, если она обмелѣла,—то нечего съ этимъ и дѣлать: надобно брать вещи такъ, какъ онѣ есть. Значитъ—нѣтъ борьбы, или борьба есть донкихотство; значитъ—надобно признать таковое безсиліе за законъ бытія; значитъ—то сочувствіе, которое имѣли мы къ великимъ честолюбіямъ, надобно перенести на господина Голядкина,—то сочувствіе, которое имѣли мы къ страсти Ромео и Юлія, къ мщенію Гамлета, къ заботамъ разныхъ героевъ о благѣ общественномъ, къ возвышенной энергіи Веррины (въ „Фіэско"), перенести на страсти изъ-за угла героевъ разныхъ чердаковъ, или Пѣтушкова,—на мщеніе героя повѣсти Перепельскаго,—на заботы г. Прохарчина о его носкахъ и нижнемъ,—на дикое и вмѣстѣ безсильное бѣсованіе героя повѣсти „Запутанное дѣло"... [1]).

Опять повторяю: Гоголь нисколько не виноватъ ни въ чемъ этомъ—но нити всѣхъ этихъ сочувствій имѣютъ центромъ, исходною точкою его сочиненія... Все исчисленное,—это тѣ самыя чудовища, которыя преслѣдовали его въ его болѣзненныхъ грезахъ, и которымъ не давалъ онъ явиться на свѣтъ Божій, сдерживая ихъ сознаніемъ идеала.

Героическаго нѣтъ уже въ душѣ и въ жизни: что кажется героическимъ, то въ сущности—Хлестаковское или Поприщинское!.. Но странно, что никто не потрудился спросить себя, *какого* именно

---

[1]) „Запутанное дѣло" одно изъ раннихъ произведеній *Салтыкова-Щедрина* („Отеч. Записки", 1848 г., мартъ). *Примѣч. В. С.*

героическаго нѣтъ больше въ душѣ и въ натурѣ—и *въ какой* натурѣ его нѣтъ?.. Предпочли нѣкоторые или стоять за *героическое* уже осмѣянное—и замѣчательно, что за героическое стояли господа, болѣе наклонные къ практически-юридическимъ толкамъ въ литературѣ—или стоять за натуру.

Не обратили вниманія на обстоятельство весьма простое. Со временъ Петра Великаго—народная натура примѣривала на себя выдѣланныя формы героическаго, выдѣланныя не ею. Кафтанъ оказывался то узокъ, то коротокъ: нашлась горсть людей, которые кое-какъ его напялили, и они стали преважно въ немъ расхаживать. Гоголь сказалъ всѣмъ, что они щеголяютъ въ чужомъ кафтанѣ—и этотъ кафтанъ сидитъ на нихъ, какъ на коровѣ сѣдло, да ужъ и затасканъ такъ, что на него смотрѣть скверно. Изъ этого слѣдовало только то, что нуженъ другой кафтанъ по мѣрѣ толщины и роста—а вовсе не то, чтобы вовсе остаться безъ кафтана, или продолжать пялить на себя кафтанъ изношенный.

Была еще другая сторона въ вопросѣ. Гоголь высказалъ несостоятельность передъ сложеннымъ вѣками идеаломъ *героическаго* только того въ нашей душѣ и въ окружающей дѣйствительности, что̀ на себя идеалъ примѣривало. Между тѣмъ и въ насъ самихъ и вокругъ насъ было еще нѣчто такое, что жило по своимъ собственнымъ, особеннымъ началамъ (и жило гораздо сильнѣе, чѣмъ то, что примѣривалось къ чуждымъ идеаламъ), что оставалось чистымъ и простымъ послѣ всей борьбы съ блестящими, но чуждыми идеалами.

Между тѣмъ—самыя сочувствія, разъ возбужденныя, умереть не могли: идеалы не потеряли своей обаятельной силы и прелести.

Да и почему же эти сочувствія въ *основахъ* своихъ были незаконны?

Положимъ—или даже не положимъ, а скажемъ утвердительно—что не хорошо сочувствовать Печорину—такому, какимъ онъ является въ романѣ Лермонтова; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были „ротитися и клятися“ въ томъ, что мы никогда не сочувствовали натурѣ Печорина до той минуты, въ которую является онъ въ романѣ, т.-е. стихіямъ натуры до извращенія ихъ... Изъ этого еще менѣе слѣдуетъ, чтобы мы все сочувствіе наше перенесли на Максима Максимыча, и его возвели въ герои... Максимъ Максимычъ, конечно, очень хорошій человѣкъ—и, конечно, правѣе и достойнѣе сочувствія въ своихъ

дѣйствіяхъ, чѣмъ Печоринъ; но вѣдь онъ тупоуменъ и по простой натурѣ своей даже и не могъ впасть въ тѣ уродливыя крайности, въ которыя попалъ Печоринъ.

Голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго — есть, конечно, прекрасный, возвышенный голосъ, но заслуга его есть только отрицательная. Его положительная сторона есть застой, закись, моральное мѣщанство.

X.

Я сказалъ уже, что поэтическія натуры, какъ натура Тургенева,—во всякое новое произведеніе вносятъ весь свой внутренній міръ,—разумѣется, въ томъ моментѣ этого міра, въ какомъ произведеніе застаетъ душу художника. Поэтому-то дѣятельность подобныхъ натуръ—въ высочайшей степени искренна, цѣльна и крѣпко связана во всѣхъ звеньяхъ своей цѣпи. Искренность дѣятельности такихъ натуръ подвергается даже весьма часто упреку: такъ, въ наше время, Толстой, со стороны многихъ близорукихъ судей, подвергается упрекамъ въ моральномъ застоѣ за свои послѣднія произведенія, за „Люцернъ“ и за „Альберта“; такъ Островскій каждымъ новымъ произведеніемъ разочаровывалъ надежды то славянофиловъ, то западниковъ. Положительно можно сказать, что всякая истинно-художественная дѣятельность — какъ органъ неисчерпаемой, вѣчно-обманывающей разсчеты, вѣчно-иронической жизни—идетъ въ разрѣзъ съ теоріями, каковы-бы онѣ ни были. Если на минуту художественная дѣятельность и поддается теоріи, то вслѣдствіе особеннаго обстоятельства,—вслѣдствіе той перемѣны змѣиной кожи, въ которой наивно сознается одинъ изъ величайшихъ поэтовъ. Не возражайте мнѣ примѣромъ Запда; ибо именно этотъ-то примѣръ и служитъ—если разобрать дѣло хорошенько — наилучшимъ доказательствомъ моего общаго положенія. Подчиненіе творца Валентины, Жака, Леоне Леони и непередѣланной Леліи теоріямъ, вслѣдствіе которыхъ явились разные образы безъ лицъ, *in editione castrata,* Пьеръ Гюгененъ, со всѣмъ его несносно-резонирующимъ причтомъ, противная бузенготка Евгенія въ великомъ романѣ „Ногасе“,—безобразія, испортившія „Консюэло“ и наполнившія вздоромъ три четверти „Графини Рудольштадтъ“, и проч., и проч.,—все это было только переходомъ къ новымъ формамъ, исканіемъ новыхъ художественныхъ формъ,

исканіемъ, результатомъ котораго были новыя, великолѣпныя художественныя фантазіи, какъ „Теверино“ и „Пиччинино“, новыя, глубокія откровенія тончайшихъ изгибовъ человѣческой души, или художественно-спокойныя (т.-е. все-таки спокойныя страстно) созданія, какъ „Elle et lui“ или „Daniella“. [1]).

Не возражайте мнѣ и примѣромъ Гоголя... Смерть помѣшала великому художнику раздѣлаться съ печальной теоріей, съузившей его кругозоръ, породившей эстетически и нравственно безобразные скелеты Улиньки, Констанжогло и его драпирующейся шалью жены, добродѣтельнаго откупщика Муразова и доблестнаго князя, играющаго, какъ мячикомъ, закономъ и законностью во имя произвольной справедливости... Ваше возраженіе опять-таки будетъ только самымъ яркимъ, самымъ наглядымъ подтвержденіемъ моего положенія. Теорія для художника — или сѣни къ новому великолѣпному зданію, и притомъ сѣни, поставленныя на время, сѣни съ подмалеванными стѣнами, вмѣсто каменныхъ,—или смерть и гибель. Когда уже у такого великаго артиста, какъ Гоголь, подъ вліяніемъ теоріи появились фигуры съ ярлыками на лбу, достойныя, въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, романовъ г. Ѳ. Булгарина,—каково-же должно быть вліяніе теорій на таланты меньшаго объема? Каково, напримѣръ, должно оно было быть на талантъ, о которомъ идетъ теперь у меня съ вами бесѣда?..

Ибо и Тургеневъ, этотъ талантъ, всей высотой своей обязанный романтизму, съ одной стороны, и искренности съ другой, въ свою очередь не миновалъ подчиненія теоріямъ, хотя этотъ моментъ, по причинѣ особенной отрицательной черты его талан-

---

[1]) Чрезвычайно характерно для литературныхъ взглядовъ Григорьева его двойственное отношеніе къ Жоржъ Зандъ: чрезвычайно высоко ставя ея первыя произведенія, разработывающія преимущественно вопросы семьи и брака, онъ очень отрицательно относится къ ея романамъ 40-хъ годовъ (такъ называемой „второй манеры“), въ которыхъ отразилось увлеченіе автора политическими и соціальными проблемами, усвоенными въ кругу французской интеллигенціи того времени, „книжными теоріями“, оторванными отъ дѣйствительности. Напротивъ, произведенія Ж. Зандъ „третьей манеры“ (послѣ 1848 г.) снова оцѣниваются Григорьевымъ очень высоко, такъ какъ, съ одной стороны, знаменуютъ собой освобожденіе отъ власти „теорій“, а съ другой—вызываютъ симпатіи критика своимъ народническимъ „настроеніемъ“, особенно ярко проявившимся въ такихъ произведеніяхъ, какъ: „La Mare au diable“, „François le Champi“ и др. *Примѣч. В. С.*

та—отсутствія рѣзкости, переходящаго даже въ отсутствіе энергіи,—никогда не выражался у него цѣлымъ рядомъ, цѣлою эпохою произведеній, а разсѣянъ во множествѣ ихъ, мелькаетъ по мѣстамъ *даже до сего дня*. Есть два-три произведенія, въ которыхъ вліяніе теорій выразилось у него рѣзко; но отъ этихъ, чисто уже заказныхъ, не по внутреннему побужденію писанныхъ, вещей отрекся самъ Тургеневъ, какъ истинный поэтъ. Я говорю о произведеніяхъ въ родѣ „Холостяка“ и „Пахлѣбника“—столь-же заказныхъ (въ томъ смыслѣ, что они *заказаны* теоріями), какъ драматическія попытки Занда; но эти произведенія, которыми, по всей видимости, столь-же мало дорожитъ авторъ, какъ и своими поэмами и лирическими стихотвореніями (нѣкоторыми изъ послѣднихъ, впрочемъ, совершенно напрасно), для критика чрезвычайно важны и дороги. Талантъ глубоко-искренній, какъ талантъ Тургенева, искренно подчиняется, на время, и теоріямъ; стало-быть, художнически стремясь сообщить имъ плоть и кровь, идетъ смѣло,—часто противъ воли смѣло,—смѣло, не смотря на мягкость собственной натуры,—до крайнихъ граней. Тургеневскій „Мошкинъ“, влюбляющійся на старости лѣтъ, да еще представленный Щепкинымъ, искренно-же увлекавшимся своею ролью, высокимъ комикомъ Щепкинымъ, на зло натурѣ стремившимся часто къ трагизму (странная замашка многихъ комиковъ!)—довелъ натурализмъ, т.-е. опять-таки сентиментальный натурализмъ конца сороковыхъ годовъ, до крайнихъ предѣловъ комизма; и его-же „Пахлѣбникъ“, къ сожалѣнію, не игранный на сценѣ, эта „пьеса съ причиной“, какъ назвалъ ее *почему-то* покойный Гоголь, привелъ натурализмъ уже не къ комическому, а къ отвратительному. Дальше идти было некуда—это былъ сокъ, выжатый изъ повѣстей М. Достоевскаго, Буткова и другихъ натуралистовъ поэтомъ-романтикомъ, поэтомъ-идеалистомъ—и вся болѣзненная поэзія, разлитая истиннымъ поэтомъ сентиментальнаго натурализма въ „Бѣлыхъ ночахъ“, вся тревожная лихорадочность „Хозяйки“, не могли спасти исчерпаннаго и обнаженнаго до скелета направленія. Поэтъ сентиментальнаго натурализма самъ сдѣлалъ важный шагъ къ выходу изъ него въ развившейся все глубже-и-глубже „Неточкѣ Незвановой“—и о немъ нельзя поэтому сказать послѣдняго слова; но сентиментальный натурализмъ—увы!

Умеръ онъ—
Умеръ нашъ голубчикъ!

какъ гласитъ припѣвъ одной старой пѣсни о предметѣ, еще болѣе достойномъ воздыханія, и двѣ Тургеневскія драмы—почти что конечныя причины его исчезновенія въ литературѣ.

Талантъ Тургенева такъ гибокъ и мягокъ, что не только выносилъ на себѣ всѣ вѣянія эпохи, не только подчинялся теоріямъ,—онъ подчинялся даже модамъ, чисто-случайнымъ повѣтріямъ.

Въ промежутокъ между свирѣпствованіемъ „сентиментальнаго натурализма“ и утвержденіемъ владычества натурализма простого,—праздный и пустой въ сущности, какъ всякій промежутокъ,—въ литературѣ появилось баловство, большею частію дамское, въ видѣ драматическихъ пословицъ и поговорокъ изъ великосвѣтскихъ, или по крайней мѣрѣ тонко развитыхъ, слоевъ жизни. Форма занята была на прокатъ у Альфреда де-Мюссе, который, какъ поэтъ, умѣлъ вкладывать даже и въ эту скудную и сухую форму поэзію и содержаніе—только, впрочемъ, тамъ, гдѣ бралъ предметы не изъ свѣтской жизни; ибо въ своихъ „Il faut qu'une porte...“, „Un caprice“—и онъ даже, истинный поэтъ, выпутывался изъ затруднительнаго для поэта положенія только блестящей шумихой рѣчи. У насъ, отъ застоя, скуки и праздности, родъ этотъ принялся очень скоро, и въ немъ нашли для себя выходъ многія, чувствовавшія потребность литературно изливаться, тонкія и развитыя, преимущественно—какъ я уже сказалъ—дамскія личности. Родъ этотъ, какъ очень легкій, скоро достигъ до того, что получилъ общіе физіологическіе признаки, а именно:

1) Сфера жизни въ таковыхъ драматическихъ пословицахъ и поговоркахъ бралась обыкновенно великосвѣтская, т.-е. въ нихъ разсуждали и дѣйствовали—очень много разсуждали и очень мало дѣйствовали—люди свѣтскіе, и занимались въ нихъ различными, *нехитрымъ* людямъ непонятными, дѣлами, какъ-то: держали пари на честь женщинъ, вызывали другъ друга на эффектныя дуэли съ дешевой расплатой, или, правильнѣе сказать, „поколоться“, по наивному выраженію Пушкинской капитанши.

2) Или были эти люди, хотя и не большого свѣта, но за то разочарованные, такіе разочарованные, что „и стоялъ свѣтъ, и будетъ стоять“, какъ говоритъ сваха въ „Женитьбѣ“, а такихъ разочарованныхъ не было и не будетъ.

3) Женскія лица были тоже барыни свѣтскія, или вообще *развитыя* весьма тонко барыни, и занимались онѣ преимущественно

тѣмъ, что называется технически *игрою въ чувство*, дѣломъ хотя, конечно, и празднымъ, но зато дававшимъ имъ всегда возможность высказывать различныя прирожденныя, благопріобрѣтенныя и даже противоестественныя свойства *прекрасной* и *изящно-развитой* личности.

4) Обыкновенно главный герой и героиня—чаще всего только два ихъ, съ присовокупленіемъ полубезмолвной пары низкихъ и неразвитыхъ природъ лакея и служанки—увѣряли себя въ невозможности любви вообще и въ своей взаимной, спеціальной къ оной неспособности.

5) Главнымъ-же образомъ—авторы всѣхъ подобныхъ произведеній стремились къ *тонкости*. Тонкость была повсюду: тонкость стана героинь, тонкость голландскаго бѣлья, и т. д.—*тонкость* однимъ словомъ и притомъ такая, что станъ, того гляди, напомнитъ жердочку въ народной пѣснѣ:

Тонка-тонка—гнется, боюсь—переломится.

Разговоръ, то и дѣло, переходилъ во что-то, „нехитрому уму" и *невоспитанному* чувству непостижимое; чувства, того, бывало, и жди, совсѣмъ испарятся или улетучатся; тонкость голландскаго бѣлья чуть-что не ставилась главнымъ признакомъ человѣческаго достоинства.

6) Кончались *дѣла* обыкновенно или *мирно*,—сознаніемъ героя и героини, что они *могутъ позволить себѣ любить*, изъ чего eo ipso, выходило—за сценой, разумѣется—и желанное заключеніе,—или *трагически*: герой и героиня разставались „въ безмолвномъ и гордомъ страданьи", пародируя трагическую тему Лермонтова...

И этой жалкой модѣ, этому повѣтрію апатіи и праздности,—поддался, скажете вы, талантъ Тургенева?.. Да, скажу я безъ запинки, и укажу прямо на „*Провинціалку*" и на „*Гдѣ тонко, тамъ и рвется*". Пусть „Гдѣ тонко, тамъ и рвется", по истинной тонкости анализа, по прелести разговора, по множеству поэтическихъ чертъ—стоитъ надъ всѣмъ этимъ *дамскимъ* и *кавалерскимъ* баловствомъ столь-же высоко, какъ пословицы Мюссе; пусть въ „Провинціалкѣ" женское лицо очерчено, хотя и слегка, но съ мастерствомъ истиннаго артиста—почти такъ же хорошо, какъ жена адвоката Жаклена въ извѣстной пословицѣ Мюссе, хоть и съ меньшею энергіею; но все-же эти произведенія—жертва модѣ и какая-то женская прихоть автора „Записокъ Охотника",

„Рудина“ и „Дворянскаго гнѣзда“; все-же... Но я лучше поворочу скорѣе медаль и скажу: хорошо, что Тургеневъ обмолвился этими жертвами модѣ—хорошо, что этотъ симпатичнѣйшій талантъ нашей эпохи искренно отдавался всѣмъ наитіямъ, искренно и мучительно переживалъ всѣ вѣянія, искренно и женственно увлекался всѣми литературными модами.

Талантъ съ глубокимъ и поэтическимъ, хотя постоянно неяснымъ, постоянно *вырабатываемымъ* на глазахъ читателя, содержаніемъ,—съ широкими зачинаніями (концепціями), хотя безъ энергіи въ ихъ выполненіи,—онъ не выше и не ниже своей эпохи. Его сердце билось въ одинъ тактъ съ нею. Прежде всего и больше всего, это—талантъ искренній, искренній даже въ *самообманываніи*.

Ибо, что такое *искренность*?—готовъ спросить я, какъ нѣкогда было спрошено: что такое истина?

XI.

Быть искреннимъ! Искренность—слово огромной важности, но, подвергая критикѣ все, невольно подвергнешь критикѣ самое это слово, т.-е. понятіе, замыкающееся въ словѣ,—и въ пользу этого критическаго анализа искренности да позволено будетъ мнѣ еще новое отступленіе.

Есть люди, которые весьма искренно не понимаютъ Шекспира и весьма искренно въ этомъ сознаются; зналъ я даже такихъ, которые весьма искренно ругали Шекспира и ругали тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнію, неискренно восторгались Шекспиромъ.... Зналъ я также одну барыню, изъ очень эмансипированныхъ, которая помѣшалась на искренности и все сердилась на людей, что они ее преслѣдуютъ за искренность; дѣлая величайшія несообразности и даже, съ позволенія сказать, мерзости, эта барыня надоѣдала всѣмъ до смерти повторяемымъ ею на каждомъ шагу восклицаніемъ Марьи Андреевны Островскаго: „зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды?“ — Что-жъ? вѣдь она, въ самомъ дѣлѣ, была очень *искренна!* Она очень искренно, несмотря на свою эмансипацію, бранилась съ своими горничными дѣвками, искренно метала икру, т.-е. выбрасывала передъ другими весь душевный соръ, какой наносило ей вѣтромъ въ голову или сердце—если сердце у нея было—именно вѣтромъ, потому что своихъ собственныхъ

мыслей или чувствъ у нея никогда не зарождалось; но, при всей этой искренности внѣшнихъ отправленій, она была въ высшей степени фальшива—чуть-ли не фальшивѣе другой барыни, которой огоньки фонариковъ, озарявшихъ мизерныя аллейки сада лѣтнихъ маскарадовъ, представлялись мерцающими звѣздочками, которая закатывала глаза подъ лобъ и, *несмотря* на глубочайшее невѣжество, говорила въ тонѣ героинь Марлинскаго.

Впрочемъ, обѣ барыни были равно постыдно невѣжественны,—равно какъ и тѣ господа, отъ которыхъ мнѣ часто случалось слышать искреннюю хулу на Шекспира.... Виноватъ, впрочемъ: въ господахъ можно различить нѣсколько степеней невѣжества: 1) невѣжество, заматорѣвшее во дняхъ, невѣжество русскаго помѣщика, 2) невѣжество молодое, невѣжество, примѣрно, бойкаго свѣтскаго юноши, 3) дубовое и дерзкое невѣжество школьника, всегда готоваго утвердительно эрготировать о вопросѣ: an non spiritus existunt?—воспитавшагося въ безплодной діалектической словобитнѣ, не стряхнувшаго съ себя чувства злобы, развиваемаго тяжелымъ гнетомъ бурсы, 4) окаменѣлое, опрагматизованное до поклоненія себѣ, ученое невѣжество спеціалиста, который *искренно* считаетъ все вздоромъ, кромѣ предмета, который *онъ* удостоилъ избрать, и 5) невѣжество умное, но лѣнивое, рѣшившееся на всю жизнь остаться невѣжествомъ и знающее, къ несчастію, что оно умно...

Все это—говорю я вамъ—очень *искренно* будетъ *не понимать* многаго и очень *искренно* заподозритъ въ другихъ сочувствіе ко многому.

Должно еще сказать, что во многихъ подозрѣніяхъ своихъ оно окажется совершенно право. Вѣдь нѣтъ ничего хуже фальшивой впечатлительности—и нѣтъ ничего вреднѣе—ибо ничто не способно такъ поддержать застоя понятій, какъ фальшивая впечатлительность. Разбирая душевный хламъ свой, каждый изъ насъ можетъ убѣдиться, что множество дурныхъ и постыдныхъ—т.-е. ложныхъ душевныхъ движеній держится въ насъ за извѣстные типы, къ которымъ мы приковались, за извѣстныя наносныя, а не родившіяся въ насъ впечатлѣнія, на которыя мы пріучили, сперва нѣсколько насильственно, а потомъ уже очень легко и свободно, отзываться струны этого дивнаго, безконечно сложнаго и вмѣстѣ цѣльнаго инструмента, называемаго душою человѣческою.

Въ недавнее время одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ, хотя и не всегда строго-логическихъ, нашихъ мыслителей, одинъ изъ наиболѣе увлекающихся, и, стало быть, наиболѣе способныхъ впадать въ ошибки, — анализируя характеръ Ивана Грознаго, высказалъ въ этомъ анализѣ затаенную вражду свою и цѣлаго направленія, къ коему принадлежитъ онъ — вражду къ художеству, художественной способности, красотѣ. Онъ отнесъ грознаго вѣнценосца къ числу художественныхъ натуръ, которыми правда, жизнь уразумѣваются только черезъ образъ, въ который она облекается, и только по степени того, прекрасенъ-ли и эффектенъ-ли образъ или нѣтъ [1]). Признаюсь вамъ откровенно, что эта мысль, высказанная притомъ съ замѣчательною ясностью и съ кажущеюся глубиною, мысль, мучившая меня и прежде, борьба съ которой въ мукахъ рожденія вылилась въ статьѣ моей „о правдѣ и искренности въ искусствѣ“—опять меня долго внутренно мучила, но опять превратилась въ тотъ же результатъ, т.-е. въ то, что *всѣмъ*, а не одной категоріи людей, *правда* дается *красотою*, *образомъ*, что разумѣніе истины обусловлено художественною способностью, въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе существующую. Бываетъ только красота *истинная* и красота *фальшивая*,—но отзывъ на правду пробуждается въ нашей душѣ *непремѣнно* красотою. Красота одна можетъ воплотить правду, и такое воплощеніе сообщаетъ намъ живую увѣренность въ бытіи, свойствахъ и дѣйствіяхъ правды. Голая мысль, добытая однимъ мозговымъ процессомъ, однимъ логическимъ путемъ, т.-е. выведенная изъ однихъ только отрицаній, остается для насъ всегда чѣмъ-то чуждымъ. Глубоко говоритъ относительно этого Шеллингъ, когда, разбирая идею монотеизма, замѣчаетъ, что „вообще, когда желаютъ знать, что именно *значитъ* извѣстное всемірно-историческое понятіе (а мы можемъ смѣло поставить: живое или жизненное понятіе)—не учебники и не компендіумы должно объ этомъ спрашивать. Произошло оно не черезъ посредство одной рефлексіи и школьной мудрости. По крайней мѣрѣ, уже столько мы знаемъ, что не найдено, не изобрѣтено оно человѣчествомъ, а *дано* ему... Если хотимъ мы проникнуть истинный, настоящій смыслъ понятія, принадлежащаго не школѣ, а чело-

---

[1]) К. С. Аксаковъ въ статьѣ по поводу 6-го тома „Исторіи Россіи“ Соловьева („Русская Бесѣда“, 1856 г., т. IV). *Примѣч. В. С.*

вѣчеству (т.-е. душѣ человѣческой, ибо для Шеллинга нѣтъ отвлеченнаго Гегелевскаго человѣчества), мы должны вглядѣться въ него въ ту минуту, когда оно впервые являетъ себя міру" (т.-е. въ его образъ).

Положеніе, извлекаемое изъ этихъ словъ Шеллинга, не есть только историческое или эстетическое,—оно есть міровое и душевное, равно прилагаемое къ великому и малому, лишь бы только великое и малое входили въ кругъ мірового и душевнаго. Съ нимъ связана и та мысль, что *истинная* истина намъ не доказывается, а проповѣдуется, что—тѣмъ, разумѣется, которые „могутъ пріяти"—истина бываетъ очевидна съ перваго же раза и дается не по-частно, а всецѣло, какъ вообще, все, что ни дается душѣ человѣческой, дается не по-частно, а всецѣло, или вовсе не дается. По-частно и путемъ доказательствъ могутъ входить въ меня только математическія истины, отъ коихъ мнѣ ни тепло ни холодно. За логическій выводъ мы не пожертвуемъ жизнію, ни даже благосостояніемъ, а если и пожертвуемъ, то пожертвуемъ не собственно за него, а за покладку живыхъ душевныхъ образованій, съ коими онъ связанъ, за *правду* собственной натуры, или за смутное предчувствіе живого будущаго образа, которому логическій выводъ отворяетъ почтительно двери...

Впечатлѣнія и созерцанія наши держатся за типы, сложившіеся въ нашемъ душевномъ мірѣ,—и все дѣло въ томъ, какъ *сложились* эти типы, когда, изъ чего,—и, наконецъ, точно-ли они *сложились* и образовали живые органическіе образы, или же засорили душу, какъ наносные пласты?.. Однимъ словомъ, дѣло въ томъ: 1) вѣримъ-ли мы въ эти типы или готовыя данныя души, или 2) не вѣримъ, но, восхищаясь ими (сознательно или безсознательно—это тоже очень важно), хотимъ въ нихъ вѣрить, или 3) не вѣря въ нихъ и даже не чувствуя никакого особаго къ нимъ влеченія, укореняемъ ихъ въ душѣ по причинамъ совершенно внѣшнимъ, и уже не естественно, а, напротивъ, искусственно, насильственно заставляемъ себя на нихъ отзываться.

Крѣпость простого, неразложеннаго типа и здоровая красота его, въ особенности, когда мы возьмемъ его въ противоположеніи съ тою *безцвѣтностью*, какую представляютъ *типы* вторичныхъ и третичныхъ, но во всякомъ случаѣ искусственныхъ, образованій, которые населяютъ голову многихъ, весьма, впрочемъ, образованныхъ господъ,—эти-то *прекрасныя* качества типа цѣльнаго,

выигрывающія въ особенности отъ противоположенія, и могутъ вовлечь въ наше время въ искушеніе всякую живую натуру. Живая же натура познается по тому—какъ она воспринимаетъ правду: черезъ посредство логическихъ выводовъ, или черезъ посредство типовъ. Любовь къ типамъ и стремленіе къ нимъ есть стремленіе къ жизни и къ живучему и отвращеніе отъ мертвечины, гнили и застоя—жизненныхъ или логическихъ. Гоголь приходилъ въ глубокое отчаяніе отъ того, что нигдѣ не видалъ прекраснаго, т.-е. цѣльнаго человѣка, и погибъ въ безплодномъ стремленіи отыскать прекраснаго человѣка. Не зная, гдѣ его искать (ибо малороссъ Гоголь не зналъ великой Россіи—пора уже это сказать прямо), онъ сталъ по частямъ собирать прекраснаго человѣка изъ осколковъ тѣхъ же кумировъ формализма, которые разбилъ онъ громами своего негодующаго смѣха. Вышли образы безличные, сухіе, непривлекательные, почти-что служащіе оправданіемъ великорусскому мошенничеству Ерша Ершовича или друга нашего Павла Ивановича Чичикова.

XII.

Процессъ искапія простого и непосредственнаго—завелъ насъ, на первый разъ, въ неминуемую односторонность. За простое и непосредственное, за чистое типовое, мы, на первый разъ, приняли тѣ свойства души, которыя сами по себѣ суть отрицательныя, а не положительныя.

Первый пріемъ нашей эпохи въ этомъ дѣлѣ былъ пріемъ чисто-механическій.

Въ литературахъ западныхъ, вслѣдствіе работы анализа надъ утонченными и искусственными феноменами въ организаціи человѣческой души, вслѣдствіе необходимаго затѣмъ пресыщенія всѣмъ искусственнымъ и даже всѣмъ цивилизованнымъ,—явилось стремленіе къ непосредственному, непочатому, свѣжему и органически-цѣльному. Существенное въ таковыхъ стремленіяхъ величайшаго поэта нашей эпохи, Занда, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ писателей—а въ числѣ ихъ есть люди столь замѣчательные, какъ авторъ „Деревенскихъ разсказовъ“ Ауэрбахъ—было именно это стремленіе, порожденное анализомъ, съ одной стороны, и пресыщеніемъ—съ другой.

То же самое стремленіе, по закону отраженія, которому мы подверглись съ Петровской реформы, вдвинувшей насъ, хоть и

Государственная БИБЛИОТЕКА

напряженно, но естественно въ кругъ общечеловѣческой жизни,— явилось и въ нашей литературѣ. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно таково происхожденіе той школы описателей простого, непосредственнаго быта, которой замѣчательнѣйшимъ представителемъ былъ Григоровичъ. Не внутреннимъ, но внѣшнимъ, чисто рефлективнымъ процессомъ порождены даже самыя даровитыя произведенія этой школы: „Деревня“, „Антонъ Горемыка“. Всѣ они не болѣе какъ мозаика, составная работа. Какъ-будто даровитый, но заѣзжій изъ чужихъ краевъ, путешественникъ—подмѣчаетъ въ нихъ особенныя черты любопытнаго ему быта, записываетъ въ памятную книжку странныя для него слова и оригинальные обороты рѣчи— и складываетъ потомъ, съ большимъ тщаніемъ и вкусомъ, свою мозаическую, миніатюрную картинку. Картинка эта принимаетъ необходимо идиллическій характеръ...

Но, кромѣ этого чисто-механическаго процесса, въ насъ совершался еще процессъ органическій, процессъ, который очеркомъ обозначилъ свои грани въ нашемъ величайшемъ, единственно полномъ художественномъ явленіи, въ Пушкинѣ,—процессъ борьбы Ивана Петровича Бѣлкина съ Сильвіо, Германомъ, Алеко и т. д.,— борьбы скудной, еще невоздѣланной почвы съ непомѣрно-развившимися растительными силами.

Представителемъ этого органическаго Пушкинскаго процесса во всѣхъ его фазисахъ былъ въ нашу эпоху Тургеневъ,—и вотъ въ чемъ его великое историческое значеніе. Онъ не обладалъ этимъ процессомъ, не былъ заклинателемъ стихій, какъ Пушкинъ, не былъ однимъ словомъ сознательною, т.-е. геніальною силою, провидящею въ даль, захватывающею будущія грани,—но онъ, какъ высоко-поэтическая натура, отзывался на всѣ вѣянія пережитыхъ имя эпохъ процесса, передавалъ намъ искренне весь свой внутренній міръ, и непосредственно-смѣло—вопреки мягкости поэтической натуры—доводилъ художественно всякое вѣяніе до его крайнихъ послѣдствій. На Лермонтовскій романтизмъ онъ отозвался „Тремя портретами“; на Лермонтовскія по принципу и Гоголевскія по формѣ изображенія дѣйствительности въ трагически-мрачномъ или трагически-грязномъ видѣ—поэмою *Помѣщикъ*, исполненною протеста личности и вражды къ *козлинымъ* башмакамъ; на сентиментальный романтизмъ праваго гегелизма—„Яшей Насыпковымъ“; на сентиментальный натурализмъ—своими драмами и превосходнымъ разсказомъ „Пѣтушковъ“; на идиллическую школу народ-

ности—сельской Офелісй въ „Разсказахъ Охотника“... На чисто органическій протестъ за простое, непосредственное и типовое—откликался онъ многимъ, всей своею дѣятельностью, всей борьбой съ блестящимъ, извнѣ пришедшимъ типомъ, впадая въ противорѣчія, въ крайности, то, какъ „Муму“, льстившія славянофильству, то, какъ „Постоялый дворъ“, дышавшія протестомъ. Явно мучительно переживалъ онъ всѣ эти противорѣчія и, безсознательно-женственно подчиняясь вѣяніямъ, служа имъ органомъ, выходилъ все-таки самимъ собою, благодаря опять-таки высоко поэтической, никакимъ теоріямъ не поддающейся, натурѣ.

Анализъ дѣятельности Тургенева есть поэтому анализъ цѣлой нашей эпохи со множествомъ ея процессовъ. Другого столь полнаго ея представителя у насъ нѣтъ. Островскій и Толстой, каждый въ своемъ родѣ—сильнѣе Тургенева, но односторонпѣе.

Вотъ почему, говоря о Тургеневѣ, по поводу его послѣдняго произведенія,—критикъ вынужденъ дѣлать безпрестанныя отступленія, вслѣдствіе безпрестанно возникающихъ вопросовъ. Вопросы эти—наши современные *душевные* вопросы: они столь же важны, какъ и наши гражданскіе; они, можетъ быть, глубоко связаны и съ ними послѣдними—и ихъ, этихъ глубокихъ вопросовъ, никто не будитъ въ душѣ такъ сильно, какъ Тургеневъ.

Въ своей поэтической искренности, онъ, какъ Лаврецкій его послѣдняго произведенія, дошелъ до того, что

> ....сжегъ все, чему поклонялся,
> Поклонился всему, что сжигалъ.

Мы, т.-е. публика, читатели, были свидѣтелями и этихъ сжиганій и этихъ поклоненій сожженному. Больше еще: мы могли видѣть и то, какъ поклоненіе первоначально сожженному, какъ стремленіе Ивана Петровича Бѣлкина къ первоначально отвергнутому, простому, типовому—переходило границы: какъ старый, душою глубоко воспринятый типъ мстилъ за себя въ апоѳеозѣ Рудина: какъ ложное отношеніе къ этому типу и увлеченіе типомъ чисто-отрицательнымъ сказывались психологическими промахами, художественною неполнотою во многихъ прекрасно задуманныхъ созданіяхъ...

Критикъ вправѣ поэтому поднять еще новый общій вопросъ, продолжать свою рапсодію о значеніи искренности.

XIII.

Вы знаете, вѣроятно, по личнымъ опытамъ, что первый врагъ нашъ въ дѣлѣ воспринятія впечатлѣній—это мы сами, это наше *я*, которое становится между нами и великимъ смысломъ жизни, не даетъ намъ ни удержать, ни даже уловить его, набрасывая на все внѣшнее колоритъ различныхъ душевныхъ нашихъ состояній, или,—что еще хуже того и что часто бывало, вѣроятно, съ каждымъ изъ насъ,—не даетъ ни о чемъ думать кромѣ самого себя, примѣшивая ко всему новому ржавчину, часто ядовитую, стараго и прожитого,—или, наконецъ (что тоже нерѣдко бывало, вѣроятно, со многими, кто только добросовѣстно въ самомъ себѣ рылся и добросовѣстно готовъ обнаружить результаты этой работы) заставляетъ при воспринятіи впечатлѣнія болѣе думать о значеніи воспринимающаго въ дѣлѣ воспринятія, чѣмъ о значеніи воспринимаемаго. Другими, болѣе нецеремонными, словами говоря, часто мы ловили и ловимъ самихъ себя, при извѣстныхъ впечатлѣніяхъ, на дѣлѣ, такъ сказать, совершенно актерскомъ: всегда какъ-то позируешь, если не передъ мухами, какъ зандовскій Орасъ, то передъ самимъ собою, т.-е. передъ тѣмъ самимъ собою, который судитъ другого себя т.-е. позирующаго, любуется красотою его позъ и сравниваетъ съ позировкою другихъ индивидуумовъ. Вотъ тутъ-то, вслѣдствіе такого сличенія, и зарождаются различныя отношенія къ собственной позировкѣ. Если поза, принятая мною, позирующимъ, по сличеніи представится мнѣ, судящему, не мнѣ принадлежащею, а заимствованною, или даже (что надобно отличать) во мнѣ самомъ созданною искусственно, вытащенною изъ стараго запаса и насильственно повторенною,—тогда образуется къ этой позѣ отрицательное и просто даже насмѣшливое отношеніе. Критическимъ назвать это отношеніе еще нельзя, ибо оно еще не свободное и родилось изъ чувства самосохраненія (сохраненія собственной личности), стало-быть, изъ необходимости,—есть состояніе необходимой обороны противъ упрека въ заимствованіи или въ повтореніи. Оборонительное положеніе берется даже часто въ *прокъ*, на будущее время: ампутація, нѣсколько, конечно, болѣзненная, вытерпливается героически—и, избѣгая всѣми мѣрами обличеній въ подражаніи, мы готовы довести себя до состоянія пуля, чистой tabula rasa—„стушеваться“, говоря словомъ сентиментальнаго натурализма. Въ сущности же, это есть не что

иное, какъ оборонительное положеніе, т.-е. новая, если не красивая, то по крайней мѣрѣ *прочная* поза, принятая въ конечное обезпеченіе. Этотъ процессъ столь обыкновенъ, что совершается даже и во внутреннемъ мірѣ лицъ, которыя вовсе не занимаются душевнымъ рудокопствомъ. Какое первое отношеніе благоразумнаго большинства людей или собственно того, что есть *мѣщанство*, ко всему новому или необычному во внѣшней или внутренней жизни? (Я не говорю о толпѣ или о верхахъ—но о моральномъ и общественномъ *мѣщанствѣ*). Непремѣнно недовѣрчивость, т.-е. желаніе видѣть невыгодныя стороны всего новаго. А почему? потому что мѣщанство боится всего болѣе подвергнуть свое statu quo опасности разрушенія или опасности, для многихъ еще большей, осмѣянія. Первый пріемъ всего новаго всегда таковъ и вездѣ таковъ: это есть страхъ за личность и за все, что съ личностью тѣсно связано—общее свойство человѣческой натуры вслѣдствіе котораго преслѣдовали Галилеевъ и смѣялись надъ Колумбами, и вслѣдствіе котораго точно также все, мало-мальски Галилеевское или Колумбовское, въ нашей душѣ возникающее, принимается мѣщанскою стороною души съ недовѣрчивостью и подозрительностью. Такъ какъ въ большей части случаевъ мѣщанство (общественное или наше внутреннее) оказывается въ подозрительности своей правѣе дикаго энтузіазма, который именно только въ новое вѣритъ и новому отдается,—такъ какъ большая часть Галилеевскаго и Колумбовскаго, возникающаго въ нашей душѣ, оказывается воздушными замками Морганы,—то оправданное недовѣріе становится для человѣка неглупаго просто догматомъ, точкою отправленія. Бѣда въ томъ, что точку отправленія многіе въ наше время, такъ сказать, останавливаютъ, считаютъ за конечную цѣль, и это называютъ *критическимъ отношеніемъ*, когда съ нея только-что *начинается* критическое отношеніе нашего *я* къ самому себѣ.

Я посмѣялся, положимъ, надъ извѣстнаго рода впечатлѣніемъ, ибо увидалъ, что оно мною или занято безъ отдачи у другихъ, его переживавшихъ, или подогрѣто изъ стараго моего душевнаго запаса.—Хорошо!—Какое-же отношеніе къ извѣстному внѣшнему или внутреннему явленію поставилъ я въ душѣ на мѣсто того, которое отсѣчено анатомическимъ инструментомъ? Пустого пространства быть между душой и жизнію не можетъ;—деревяжка возможна въ моральномъ мірѣ еще менѣе. Что-нибудь да я поставилъ. Что-же именно?..

Возьмемъ какой-нибудь фактъ внутренней жизни — оно будетъ виднѣе.

Положимъ, я заподозрилъ въ себѣ, и заподозрилъ совершенно основательно, романтическое чувство любви. Беру поле всѣмъ доступное, „идѣже нѣсть ни мужескъ полъ, ни женскъ, ни Іудей, ни Эллинъ“. Не найдется никого, на кого-бы именно то, что́ называется романтическимъ въ этомъ чувствѣ, не дѣйствовало когда-нибудь скажу болѣе, на кого бы оно совершенно утратило свое дѣйствіе.

Всякій чувствующій человѣкъ нашей эпохи понималъ же хотя разъ, какъ, напримѣръ, сладко-больно тревожитъ себя цѣлый день обаяніемъ страстной и манящей женской рѣчи, слышанной накапунѣ, какъ отрадно быть больнымъ лихорадкой, что́ такое, однимъ словомъ,

Блаженство ночь не спать и днемъ бродить во снѣ...

и тому подобныя душевныя настройства.

Романтическое впечатлѣніе заподозрѣно... Прекрасно! Романтическій колоритъ признанъ зашедшимъ откуда-то, или блюдомъ изъ подогрѣтыхъ остатковъ. Еще лучше! Значитъ, названіе впечатлѣнія признано на правдивомъ судѣ незаконнымъ. А что-то было однако? Недобросовѣстно же сказать, что ничего не было?

А какъ только мы назвали, такъ и отнесли къ извѣстному роду, и приковали къ извѣстному типу.

Назовемъ ли мы впечатлѣніе просто *жипьніемъ* крови, т.-е. одну физическую сторону впечатлѣнія признаемъ имѣющею права на имя, а оболочку—незаконною, фальшивою; или назовемъ это именемъ моральной симпатіи, или именемъ сентиментальнаго баловства:—въ томъ и другомъ и третьемъ случаѣ мы стараемся дать имя впечатлѣнію или чувству настоящее, вмѣсто того, которое мы нашли фальшивымъ.

Такъ, у Писемскаго, въ „Бракѣ по страсти“, чувство Мари Ступицыной къ Хазарову (не Хазарова къ ней—ибо тутъ ни на какое чувство и не посягалось) изъ романтическаго разжаловано въ чувственность на половину, въ баловство на другую — равно какъ романтическимъ чувствованіямъ М-ше Мамиловой дано ихъ настоящее имя, имя баловства, нравственнаго сладострастія, которому только робость и нѣкоторая вялость натуры мѣшаютъ перейти въ сладострастіе настоящее.

Такъ, съ большою злостью и злостью честною, если не съ искусствомъ, въ повѣсти Крестовскаго „Фразы“ сведена съ романтическихъ ходуль, — объяснена, растолкована, обличена въ эффектныхъ позахъ и эффектныхъ чувствахъ женская натура, представляющая собою крайнюю степень типа, къ которому принадлежитъ М-me Мамилова. Но тутъ же мы и попадаемъ на различіе разоблаченія; кто скажетъ, чтобы анализъ Писемскаго былъ несправедливъ? Я, по крайней мѣрѣ, не скажу этого въ отношеніи къ М-me Мамиловой, хоть многіе и сердились, даже печатно, за это лицо на автора „Брака по страсти“.

Странно между тѣмъ, что никто не сердился на автора повѣсти „Фразы“. Я же лично разсердился:—конечно, не за разоблаченіе лица эмансипированной барыни, а за недостатокъ глубины и рѣзкости въ разоблаченіи... Стоитъ только сличить два этихъ образа, М-me Мамилову и героиню повѣсти „Фразы“, чтобы понять—какое неизмѣримое различіе лежитъ между свободнымъ художествомъ, которое на все имѣетъ право, и между произведеніями, къ которымъ относится извѣстный эпиграфъ: indignatio fecit versum, коп, будучи порожденіемъ однихъ только

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ,

имѣютъ странное свойство сердить за то, на что они нападаютъ совершенно законно. Замѣтьте, между прочимъ, что г. Крестовскій знаетъ свѣтъ и свѣтскихъ женщинъ, умѣетъ говорить ихъ языкомъ, описывать ихъ обстановку—а Писемскій вовсе въ этомъ не силенъ. Но что до этого за дѣло? Психологическая правда и сила художественной концепціи, соединенная съ глубиною взгляда на человѣческую натуру вообще, даютъ художнику право на смѣлые очерки безъ красокъ и, съ другой стороны, на *малевку* того, что въ создаваемыхъ имъ образахъ есть слишкомъ частное—если эти образы не частными своими сторонами входятъ въ созданіе.

Но на что имѣетъ право художество, т.-е. воплощеніе мысли, на то не все имѣетъ право. Голый анализъ еще не господинъ, а такой же рабъ, какъ безразличный синтезъ. Анализъ только разбиваетъ ложь, только лишаетъ моральное явленіе незаконно принадлежащаго ему имени.

Анализъ сѣрдитъ и сѣрдитъ справедливо, когда явленію разо-

блаченному имъ, т.-е. лишенному незаконнаго имени, придаетъ первое попавшееся—ибо тогда онъ становится неправъ въ свою очередь. Лучше сказать, голый анализъ сердитъ потому, что самъ сердится,—ибо сердятся на явленіе до тѣхъ поръ только, пока не опредѣлятъ ему въ душѣ мѣста и не назовутъ его по имени. Засимъ его казнятъ, оправдываютъ или оставляютъ въ сторонѣ, смотря по тому, какое его имя: старая ли ложь, и притомъ злая ли ложь, или глупая и пустая ложь, или новая правда.

Повѣсть „Фразы“ разсердила лично меня именно тѣмъ, что она сама сердится и бьетъ съ плеча во что ни попало.

Авторъ казнитъ аффектацію чувства, безправственность ощущеній, называющихъ себя тонкими и особенными—и что же противопоставляетъ этому? Деревянную ограниченность чувства,—мѣщанскую добродѣтель, узенькія понятьица губернскаго или вообще условнаго курятника. Такимъ образомъ, онъ рубитъ съ плеча не только мишурную одежду, т.-е. *фразы*, но и живое тѣло—т.-е. тревожное, страстное начало жизни, безъ котораго жизнь обратилась бы въ губернскій муравейникъ.

Не таково истинное художество. Своимъ правдивымъ отношеніемъ къ фальши жизни оно не сердитъ, а „обращаетъ очи внутрь души“, выражаясь словами Гамлета.

Скажу еще болѣе. Истинное художество даже не дѣйствуетъ прямо на то, что, повидимому, казнитъ. Въ этомъ заключается его высокая *безполезность*. Однимъ очень умнымъ человѣкомъ, по поводу „Доходнаго мѣста“ Островскаго, высказано было, что Кукушкины, Юсовы и Бѣлогубовы, которые будутъ сидѣть въ театрѣ въ представленіе піесы (котораго, между прочимъ, по неизвѣстнымъ причинамъ еще не воспослѣдовало), вынесутъ изъ представленія *правила для жизни*, т.-е. взглядъ на жизнь Юсова, и заботы Кукушкиной о *воспитаніи* дочерей и домашнемъ *порядкѣ* примутъ вовсе не съ комической стороны, а за настоящее дѣло. Замѣчаніе въ высочайшей степени вѣрное—въ отношеніи ко всякому произведенію, имѣющему плоть и кровь. Сколько настоящихъ Кукушкиныхъ весьма наивно не узнали себя въ лицахъ комедіи, и сколько настоящихъ Юсовыхъ сочувствовали *глубинѣ* Юсовскаго міросозерцанія на счетъ „колеса фортуны“!

Оскорбляются за разоблаченіе всякой неправды не тѣ, въ комъ „неправда вельми застарѣла“, по выраженію старика Посошкова: наши подьячіе—я еще это помню—сами съ гитарой пѣвали остро-

умные и злые куплеты бывалаго времени насчетъ взяточничества, тотчасъ же вслѣдъ за романсомъ: „Подъ вечеръ осенью ненастной“, и подмигивали даже такъ плутовски, что радовались какъ-будто этому остроумію, въ полномъ убѣжденіи, что, дескать, „толкуй себѣ, толкуй—а ужъ это испоконъ вѣка заведено: не нами началось, не нами и кончится“. Это отношеніе обличаемыхъ къ обличенію выразилъ, съ нѣсколько Аристофановскою свободою пріема, Островскій въ первоначальномъ заключеніи своей первой комедіи, въ обращеніи Лазаря Елизарыча къ публикѣ. Эту же черту Крыловъ обозначилъ въ своемъ мѣткомъ стихѣ:

А Васька слушаетъ да ѣстъ...

Только совѣтъ, который даетъ онъ повару—полезенъ для повара, но не отучитъ Ваську отъ лакомаго куска; равно какъ и то, что Гоголь называетъ „страхомъ идущаго вдали Закона“, весьма мало измѣнитъ нравственную сущность Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго... Ибо все это есть только чистое отрицаніе факта, только снятіе съ него фальшиваго имени, безъ заклейменія его именемъ настоящимъ, такимъ именемъ, подъ которымъ бы онъ въ душѣ получилъ опредѣленное мѣсто въ числѣ фактовъ—или совершенно незаконныхъ по *душевному*, внутреннему, а не внѣшнему только, извнѣ пришедшему, убѣжденію,—или законныхъ въ основахъ, но незаконныхъ въ приложеніяхъ къ даннымъ обстоятельствамъ.

XIV.

Пустого мѣста въ душѣ оставить нельзя. Посадить на него вмѣсто факта пугало — не значитъ уничтожить фактъ, но заставить его только на время притвориться несуществующимъ. Живой фактъ вытѣсняется изъ души только живымъ же фактомъ, составляющимъ для души убѣжденіе и сочувствіе.

Обращаясь къ тому, что я называю *романтическимъ* въ мірѣ нашей души, я скажу то же самое. Литература пустилась отправлять обязанность повара—а въ продолженіе его проповѣдей романтическій Васька слушалъ да ѣлъ. Другіе отнимали обглоданный кусокъ—но Васька кралъ другой, можетъ-быть по той простой причинѣ, что Васькѣ ѣсть хотѣлось, а пищи ему не давали... Кто говоритъ, что онъ хорошо дѣлалъ, что кралъ?—Кто говоритъ, что Печоринъ, „чувствуя въ себѣ силы необъятныя“, за-

нимался спеціально „высасываніемъ аромата свѣжей, благоухающей души“—что Арбенинъ сдѣлался картежникомъ потому только, что—

Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился,

—что Веретьевъ Тургеневскаго „Затишья“, съ его даровитостью пьянствовалъ, шатался и безобразничалъ,—что Хорьковъ *запилъ* на вѣкъ, а Тюфякъ умеръ отъ запоя,—кто говоритъ, что они правы? Но не на нихъ же однихъ возложить всю вину безумной растраты силъ даромъ, на мелочи, или даже на зло... Изъ всѣхъ этихъ *романтиковъ*, такъ или иначе себя сгубившихъ, такъ или иначе павшихъ въ бездны — одинъ только Любимъ Торцовъ, не смотря на безумную трату данныхъ ему силъ, не сдѣлался котомъ Васькой; для него одного—*воровство*, т.-е. вообще нарушеніе порядка природнаго и общественнаго, не стало чѣмъ-то нормальнымъ, чѣмъ стало оно и для Арбенина, и для Печорина, и для Владиміра Дубровскаго; и поэтому то онъ, въ своемъ родѣ, совершенно правъ, говоря: „Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ всѣхъ“... Всѣ другіе — общественные отщепенцы, которые отъ совершенно законныхъ точекъ отправленія пошли въ беззаконіе или въ ложь. Трагическое въ нихъ принадлежитъ не имъ, а тѣмъ силамъ, которыя они въ себѣ носятъ и безумно тратятъ или нелѣпо извращаютъ.

Между тѣмъ, нельзя не сознаться, что всѣ *положительныя* силы нашего духа покамѣстъ выразились въ этомъ типѣ, который нарочно бралъ я на различныхъ степеняхъ его развитія и въ различныхъ общественныхъ положеніяхъ.

Вглядитесь во всѣ выраженія этого типа, отъ образовъ, созданныхъ Пушкинымъ, до геніальныхъ начинаній Лермонтова, до лицъ, постоянно мучившихъ и едва-ли еще переставшихъ мучить Тургенева; отъ гордой, вольнолюбивой и „какъ птичка беззаботной“—и вмѣстѣ восточно-эгоистической и ревнивой натуры Алеко, до того демонски унылаго и зловѣщаго блеска, которымъ окружилъ Тургеневъ фигуру своего Василья Лучинова; вглядитесь въ этотъ же типъ, захваченный художниками въ болѣе простыхъ общественныхъ отношеніяхъ, какъ, напримѣръ, Островскимъ (Любимъ Торцовъ и Петръ Ильичъ) или Писемскимъ (его „Тюфякъ“),—вы убѣдитесь, что въ этотъ типъ вошли наши лучшіе соки, наши *положительныя* качества, наши высшія стихіи—и въ артистически-тонкую, широкую жажду наслажденія Пушкинскаго Жуана—

и въ критическую послѣдовательность Печоринскаго цинизма—и въ холодное, сѣверное самообладаніе, при бѣшеной южной страстности, Василья Лучинова—и въ „прожиганіи жизни“ Веретьева—и въ загулъ Любима Торцова. Только стихіи эти находятся въ состояніи необузданномъ. Ихъ „турманомъ кружитъ“, говоря языкомъ драмъ Островскаго, и происходитъ это отъ того, что, какъ замѣчаетъ Бородкинъ: „основательности нѣтъ... къ жизни“, т.-е. въ жизни у нихъ не было и нѣтъ, почти всегда по независящимъ отъ нихъ причинамъ, основъ, держась за которыя крѣпко, какъ за центръ, онѣ сіяли-бы, какъ наши блестящія, типовыя достоинства.

Всѣ попытки наши, т.-е. попытки нашей литературы и нашего сознанія—выдвинуть типъ *положительно-дѣятельный* оказались мыльными пузырями въ Надимовѣ г. Соллогуба, въ лицахъ комедій г. Львова, и даже, что всего горестнѣе, въ „Тысячѣ Душъ“, произведеніи такого большого таланта, каковъ Писемскій [1]).

Несостоятельность такого положительно-дѣятельнаго типа такъ чувствовалась по всей вѣроятности геніальною натурою Пушкина—что онъ и не пытался создавать его. Онъ взбралъ для себя на время какъ выходъ—отрицательный типъ Ивана Петровича Бѣлкина и оставилъ его намъ въ наслѣдство.

Надобно сказать правду, что мы слишкомъ долго возимся съ этимъ наслѣдствомъ. Больше еще,—вслѣдствіе явной несостоятельности положительно-дѣятельнаго типа, который разрѣшается или фальшивой апоѳеозой Калиновича, или сномъ и апатіей Обломова; вслѣдствіе, съ другой стороны,—необузданности положительныхъ стихій типа, не нашедшаго еще себѣ среды и простора, мы, т.-е. сознаніе, и органъ его, литература, чуть-было окончательно не перешли въ поклоненіе отрицательному типу...

И ни въ комъ, повторяю опять, вся эта мучительная борьба нашей эпохи не выражалась, послѣ Пушкина, съ такою полнотою, какъ въ Тургеневѣ,—и вы перестали уже вѣроятно уди-

---

[1]) Надимовъ—герой комедіи гр. Соллогуба „Чиновникъ“ (1856 г.), принадлежавшей къ разряду „обличительныхъ“ литературныхъ произведеній, пользовавшихся громаднымъ успѣхомъ въ эпоху пробужденія общественнаго сознанія послѣ Крымской войны. Такова же и комедія П. М. Львова: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“ (1857 г.), изображающая темныя явленія чиновническаго быта. Въ романѣ Писемскаго: „Тысяча душъ“ въ лицѣ героя романа, Калиновича, изображенъ типъ „идейнаго“ карьериста. *Примѣч. В. С.*

вляться, что столько общихъ душевныхъ вопросовъ связалось съ анализомъ его дѣятельности, что я наслу-то доѣхалъ--благополучно или нѣтъ, но доѣхалъ—до возможности говорить о данномъ въ настоящую минуту матеріалѣ, о его послѣднемъ произведеніи.

XV.

То глубокое впечатлѣніе, которое произвело на всѣхъ болѣе или менѣе чувствующихъ людей, и притомъ въ разныхъ слояхъ общества, послѣднее произведеніе Тургенева, „Дворянское гнѣздо“, впечатлѣніе, равное которому, въ другомъ, впрочемъ, родѣ, изо всѣхъ литературныхъ явленій нынѣшняго и даже прошлаго года, произвела еще „Воспитанница“ Островскаго,—можетъ быть объяснено только органическою жизнью, разлитою въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, равно какъ и въ „Воспитанницѣ“, органическимъ и неискуственнымъ процессомъ зарожденія художественной мысли, лежащей въ основѣ созданія. Сочувствіе, возбужденное двумя этими, далеко не совершенными, но органическими произведеніями, вовсе не похоже на сочувствіе, возбуждаемое другими, гораздо большими по объему, гораздо болѣе исполненными замѣчательныхъ частностей, гораздо болѣе возбуждающими интересъ любопытства.

Если начать смотрѣть на „Дворянское гнѣздо“ математическихолодно, то постройка его представится безобразно недодѣланною. Прежде всего обнаружится огромная рама съ холстомъ для большой картины; на этомъ холстѣ отдѣланъ только одинъ уголокъ, или пожалуй центръ; по мѣстамъ мелькаютъ то совершенно отдѣланныя части, то обрисовки и очерки, то малеванье обстановки. Въ самомъ уголкѣ или, пожалуй, центрѣ, иное живетъ полною жизнію, другое является этюдомъ, пробой. А между тѣмъ это и не отрывокъ, не эпизодъ изъ картины; нѣтъ, это драма, въ которой одно только отношеніе разработано: живое, органическое цѣлое, вырванное почти безжалостно изъ обстановки, съ которой оно связано всѣми своими нервами; и оборванныя нити, оборванныя связи безобразно висятъ на виду зрителей.

Я думаю, что хуже того, что я говорю о произведеніи одного изъ любимыхъ моихъ современныхъ писателей, сказать нельзя, а между тѣмъ это только справедливо, равно какъ, съ другой стороны, справедливо и то, что безобразно недокончennое „Дво-

рянское гнѣздо", какъ слишкомъ смѣло и сжато набросанная „Воспитанница", неизмѣримо выше всего, что явилось въ литературѣ настоящаго и прошлаго года; ибо эти произведенія хотя и недодѣланныя, или набросанныя, но за то не дѣланныя, а живыя, живорожденныя.

Вы скажете, можетъ быть, что я захожу слишкомъ далеко и въ строгости суда и въ увлеченіи. Но думаю и надѣюсь доказать, т.-е. по возможности показать это,—на сей разъ только по отношенію къ „Дворянскому гнѣзду".

XVI.

Огромный холстъ, натянутый для огромной исторической картины, уцѣлѣлъ, во-первыхъ, въ самомъ названіи романа, во-вторыхъ, въ рѣзкомъ и нехудожественномъ выраженіи мысли въ эпилогѣ. Дѣло ясное, что художнику созданіе его дѣйствительно явилось первоначально въ огромномъ очеркѣ цѣлаго „гнѣзда" типовъ изъ дворянскаго сословія извѣстной полосы мѣстности. Центромъ, связью всей широко задуманной исторической картины должно было быть одно отношеніе, отношеніе Лаврецкаго и Лизы. Центръ былъ взятъ въ высочайшей степени правильно, съ истиннымъ тактомъ поэта, какъ мы увидимъ; въ зачинаніи (концепціи) образовывался романъ, т.-е. созданіе, долженствовавшее связать частное драматическое отношеніе съ цѣлымъ особеннымъ міромъ, съ особенною полосою мѣстности, съ нравами особой жизни... Задачи предстояли истинно огромныя, ибо и самая особенность жизни, замкнутость міра, должны были быть оразумлены, освѣщены, приведены въ органическую связь съ общею жизнію. „Дворянское гнѣздо" должно было обвить, какъ разнообразный растительный міръ, центральную группу, и свѣтъ, падающій преимущественно на эту группу, въ извѣстной степени озарилъ бы и всѣ перспективы того міра, съ которымъ центральная группа связана физіологическимъ единствомъ. Вотъ для чего явнымъ образомъ готовился огромный холстъ картины. Ибо иначе зачѣмъ бы во-1) Тургеневъ окружилъ своего Лаврецкаго новыми отпрысками стараго гнѣзда, 2) зачѣмъ бы онъ сталъ толковать о его предкахъ и 3) сопоставлять его въ сравненіи съ ними посредствомъ бесѣды съ ихъ портретами? Зачѣмъ бы онъ съ другой стороны,— если бы первоначально у него не было такого или подобнаго

широкаго зачинанія,—зачѣмъ бы онъ сталъ *обобщать* частный характеръ отношеній, придумывать, напримѣръ, для душевной драмы своей Лизы выходъ обще-русскій, т.-е. одинъ изъ общерусскихъ выходовъ—монастырь? Зачѣмъ бы иначе и самая встрѣча Лаврецкаго въ монастырѣ съ Лизою?—все то, однимъ словомъ, что въ его созданіи набросано, намалевано, и не оскорбляетъ какъ сочиненное, сдѣланное, только потому, что оно явнымъ образомъ вырвано изъ живого органическаго единства, такъ что по неволѣ скажешь: все это безобразно, у всего этого висятъ оборванные члены, но все это рождалось, а не составлялось; это выкидышъ, а не гомункулусъ Вагнера, недоношенное созданіе поэта, а не трудъ сочинителя. Зачѣмъ, спросили бы вы опять при томъ же условіи, этюдъ въ видѣ фигуры старика музыканта Лемма? Вѣдь онъ явно нуженъ только въ одну минуту психологической драмы, минуту, когда необходимы душѣ человѣческой Бетховенскіе звуки, да и тутъ онъ явнымъ образомъ стоитъ какъ тѣнь Бетховена. Ну, для чего иначе онъ нуженъ, сами согласитесь? О „чистыхъ звѣздахъ“ могъ мечтать и безъ него Лаврецкій; записку передать Лизѣ можно было и не черезъ него. Развѣ только еще для того, чтобы простое и истинно-глубокое чувство пзящнаго, врожденное натурѣ Лаврецкаго, оттѣнить отъ ложной артистичности Паншина? Зачѣмъ, спросили бы вы съ совершеннымъ правомъ, превосходное, но чисто-эпизодическое появленіе оригинальнаго Михалевича и превосходная бесѣда съ нимъ, если бы Лаврецкій, съ одной стороны, физіологически связанный съ „дворянскимъ гнѣздомъ“, до того связанный, что вѣритъ въ предсказаніе тетки Глафиры Петровны: „помяни мое слово, племянникъ: не свить же и тебѣ гнѣзда нигдѣ, скитаться тебѣ вѣкъ“,—если бы этотъ самый Лаврецкій не былъ глубоко, душевно связанъ еще и съ міромъ Рудина, Фауста, Гамлета Щигровскаго уѣзда?

И послѣднее „зачѣмъ“, порождаемое всѣми этими различными и при строгомъ чтеніи безпрерывно возникающими „зачѣмъ“—будетъ вотъ какое:

Зачѣмъ Тургеневъ не далъ вызрѣть своему зачинанію, т.-е. зачѣмъ Тургеневъ не *повѣрилъ* въ свое зачинаніе, въ возможность его осуществленія? Повѣрь онъ въ него крѣпко, тою вѣрою, которая заставляетъ двигаться горы, раскидываетъ міры короля Лира, Сна въ лѣтнюю ночь, или міры Консуэло, Теверино, и т. д.,—

вышло бы нѣчто такое, что̀ пережило бы нашу эпоху, какъ одно изъ цѣльныхъ ея выраженій, нѣчто истинно эпическое...

А изъ этого „зачѣмъ“ возникаетъ новое и послѣднее „зачѣмъ“, относящееся уже ко всей эпохѣ нашего теперешняго развитія. Ибо такое-же „зачѣмъ“, какъ къ Тургеневу, можете вы въ другихъ отношеніяхъ обратить къ Островскому и за „Воспитанницу“, и за „Доходное мѣсто“, и болѣе всего за высшее по задачамъ его произведеніе, за „Не такъ живи, какъ хочется“. Къ Толстому—дѣло другое—обращается всегда почти другое „зачѣмъ“—зачѣмъ *гибель сія бысть*, т.-е. зачѣмъ показывается столько силъ таланта, столько могучихъ его капризовъ при отсутствіи содержанія?.. Въ отношеніи-же къ Тургеневу и къ Островскому вопросъ переходитъ въ вопросъ эпохи, разумѣется, эпохи, взятой исключительно у насъ на Руси, — эпохи, въ которую всѣ зачинанія только подымаются какъ пѣна, не давая даже браги, не то что пива, раскидываются какъ фата моргана, — эпохи пробы огромныхъ силъ, не выработавшихъ себѣ простора дѣятельности, а между тѣмъ странно возбужденныхъ силъ, неминуемо долженствующихъ кончать свои попытки повѣріемъ... въ тѣ широко раскидывающіеся міры, которые имъ грезятся!

Печальная, если вы хотите, эпоха, когда таланты съ глубокимъ содержаніемъ не найдутъ формъ для содержанія, въ которыя-бы они повѣрили—и даютъ намъ только добросовѣстную борьбу вмѣсто художественныхъ міровъ, или показываютъ даромъ и безцѣльно силы дарованія, а сильные таланты второстепенные строютъ искусственно цѣлыя большія зданія, чуть-что не на основахъ азбучныхъ или по крайней мѣрѣ практическихъ, но ужъ во всякомъ случаѣ никакъ не художественныхъ, мыслей, — печальная эпоха, когда искусство не видитъ вдаль и не оразумливаетъ явленій быстро несущейся впередъ жизни!

XVII.

Центръ драмы, которая съ широкою обстановкою рисовалась явнымъ образомъ въ воображеніи художника при зачинаніи его произведенія,—Лаврецкій и его отношеніе къ Лизѣ.

Я не стану, какъ я уже оговаривался прежде, ни вамъ въ особенности, ни читателямъ вообще, не только разсказывать, даже напоминать содержаніе „Дворянскаго гнѣзда“. Я читалъ его четыре

раза, и притомъ въ разные сроки; вы вѣроятно, да и большинство читателей, тоже не одинъ разъ. Повторю опять, произведеніе сдѣлало глубокое впечатлѣніе: оно болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, кто читаетъ „Прекрасную Астраханку", „Атамана Бурю", или „Графа Монте-Кристо" и романы Поля Феваля. Стало быть, я могу слѣдить за психологическимъ развитіемъ характеровъ, не прибѣгая къ разсказу, у критиковъ всегда почти вялому, о событіяхъ, лицахъ или положеніяхъ, въ которыя они поставлены.

Итакъ, на первомъ планѣ—Лаврецкій: на него падаетъ весь свѣтъ въ картинѣ; его лично оттѣняетъ множество фигуръ и подробностей, а тѣ психологическія задачи, которыхъ онъ взятъ представителемъ, положительно оттѣняются всѣми фигурами и всѣми подробностями. Такъ и слѣдуетъ, такъ родилось, а не сочинилось созданіе въ душѣ артиста; фигура Лаврецкаго и психологическія задачи, которыхъ представителемъ онъ является, имѣютъ важное значеніе въ нравственномъ, душевномъ процессѣ поэта и нашей эпохи. Лаврецкій, прежде всего,—послѣднее (т.-е. до сихъ поръ) слово его борьбы съ типомъ, который тревожилъ и мучилъ его своей страстностью и своимъ крайнимъ, напряженнымъ развитіемъ, типомъ, дразнившимъ его, и который онъ самъ додразнилъ нѣкогда въ себѣ до созданія Василья Лучинова. Лаврецкій—полнѣйшее (покамѣстъ, разумѣется) выраженіе протеста его за доброе, простое, смиренное, противъ хищнаго, сложно-страстнаго, напряженно-развитаго. Между тѣмъ, личность эта вышла сама чрезвычайно сложною, можетъ быть потому, что самая борьба поэта съ противоположнымъ типомъ далеко еще не покончена, или покончивалась имъ доселѣ насильственно, и постоянно отдается, какъ отдалась она явно въ Рудинѣ.

Лаврецкій отчасти то лицо, которое съ необычайною силою и энергіею, всею безпощадною послѣдовательностью правды, но не освѣтивши никакимъ разумно-художественнымъ свѣтомъ, изобразилъ Писемскій въ высшемъ до сихъ поръ по тону и по душевнымъ задачамъ своемъ произведеніи, въ „Тюфякѣ". Его *любовь изъ-за угла* къ Варварѣ Павловнѣ, его женитьба, самая драма, разыгрывающаяся съ нимъ въ его брачныхъ отношеніяхъ, представляютъ немалое сходство съ любовью, женитьбой и драмой брачныхъ отношеній героя Писемскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это сходство только внѣшнее. Лаврецкій—тюфякъ только по виду, тюфякъ до

тѣхъ поръ только, пока онъ спалъ моральнымъ сномъ. Бешметевъ Писемскаго — звѣрь, звѣрь съ нашимъ роднымъ и нѣжно нами любимымъ хвостомъ, и авторъ почти-что холитъ и лелѣетъ въ своемъ героѣ это, по истинѣ столь драгоцѣнное, украшеніе. Страшная по своей правдѣ, до возмущенія души страшная сцена за обѣдомъ, гдѣ Павелъ, выпивши, бесѣдуетъ о женѣ съ лакеемъ при самой женѣ, и множество другихъ подробностей полагаютъ неизмѣримую разницу между нимъ и Лаврецкимъ. Сходство между ними только внѣшнее, а между тѣмъ, Лаврецкій въ глазахъ Маріи Дмитріевны, называющей его тюленемъ, Паншина, своей жены, М-г Эрнеста и вѣроятно М-г Жюля, пишущаго фельетоны о M-me de-Lavretzky, cette grande dame si distinguée, qui demeure rue de P.,—въ глазахъ ихъ онъ—тюфякъ, или, какъ выражается М-г Эрнестъ въ письмѣ къ его женѣ, gros bonhomme de mari. Больше еще, — даже въ глазахъ Маріи Тимооеевны, этой уже совершенно непосредственной и вовсе не зараженной утонченными вкусами натуры, онъ тоже тюфякъ, хоть и очень хорошій человѣкъ. „Да онъ, я вижу, на всѣ руки... Каковъ тихоня?“ говоритъ она съ удивленіемъ, узнавши объ отношеніяхъ его къ Лизѣ... Стало быть и она не подозрѣвала, что онъ можетъ увлечь женщину... Все дѣло въ томъ, что Лаврецкій по натурѣ своей гораздо болѣе *тюфякъ,* чѣмъ герой Писемскаго. Герой Писемскаго — не просто тюфякъ: онъ, съ одной стороны, звѣрь, съ другой—циникъ, циникъ, коснѣющій въ своемъ цинизмѣ, циникъ, для котораго нѣтъ и выхода изъ его цинизма. Между самою женитьбой его, и стало быть между первымъ чувствомъ къ женщинѣ, или, лучше сказать, къ женственности, и таковымъ-же Лаврецкаго — большое различіе. Побудительныя причины женитьбы Павла Бешметева исключительно животныя: среда, въ которую онъ брошенъ, среда, съ которой не разорвало его—странное дѣло! — и университетское образованіе, а которая между тѣмъ такова, что *развитая* и *честная* сестра его балуетъ его животныя инстинкты и устроятъ благополучно безнравственный бракъ съ нелюбящей его нисколько дѣвушкой, на основаніи всегдашней надежды, что, дескать, „стерпится—слюбится“, эта среда холитъ, лелѣетъ и раститъ его хвостъ. Въ томъ, что Писемскій взялъ своего героя неотдѣлимо отъ его среды жизни, заключается и могущественная сила его произведенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ психологически-художественная ошибка. Натура страстная до звѣрства, сильная и впечатли-

тельная, дикарь и тюфякъ, Павелъ Бешметевъ влечетъ къ себѣ глубокое сочувствіе; но невольно вѣдь возбуждается вопросъ: какимъ образомъ мимо этой страстной и впечатлительной натуры прошло развитіе вѣка, какъ оно не подѣйствовало на него внутренне?—ибо внѣшнимъ образомъ онъ съ нимъ знакомъ, онъ читалъ, учился, учился даже основательнѣе героя „Дворянскаго гнѣзда“, который почти-что самоучка... Павелъ Бешметевъ влюбляется чисто-животненно, любитъ нисколько не тоньше Задоръ-Мановскаго, другого героя Писемскаго („Боярщина“); Павелъ Бешметевъ способенъ былъ-бы жить какъ мужъ съ своей женою, даже зная за нею невѣрности, что для Лаврецкаго невозможно, потому что онъ влюбился въ идеалъ, а не въ плоть, любилъ идеалъ; разъ идеалъ разбился,—разбилась и любовь.

Сравненіе этихъ двухъ лицъ, *внѣшне-сходныхъ* и натурою и положеніемъ, чрезвычайно поучительно; но оно не приведетъ ни къ какому результату, если при немъ остановишься только въ границахъ чисто-художественной критики.

Художественныя представленія—не порожденія мозга, а чада плоти и крови. Въ различіи представленія двухъ лицъ, принадлежащихъ повидимому къ одному типу, лежитъ на днѣ различіе моральныхъ, да и всякихъ вѣрованій, различіе всего міросозерцанія двухъ, повидимому, недалекихъ одна отъ другой, эпохъ, изъ которыхъ къ одной, старшей по времени, принадлежитъ авторъ „Дворянскаго гнѣзда“, а къ другой, младшей, авторъ „Тюфяка“.

Одна эпоха вѣровала исключительно въ развитіе, т.-е. въ силы и ихъ стремленія.

Другая вѣритъ исключительно въ натуру, т.-е. въ почву и среду.

Въ числѣ эпизодическихъ сценъ Тургеневскаго произведенія, т.-е. эпизодическихъ въ отношеніи къ одному отдѣланному уголку его картины, а не къ цѣлому холсту, на которомъ задумывалась картина, есть одна, особенно поразительная своею глубокою вѣрою въ развитіе, въ силы; это — сцена свиданія Лаврецкаго и Михалевича, сцена, въ которой рисуется цѣлая эпоха, цѣлое поколѣніе съ его стремленіями, глубоко-знаменательная, *историческая* сцена, дополняющая изображеніе того міра, изъ котораго вышелъ „Рудинъ“... Вотъ она; я позволяю себѣ повторить ее вамъ и читателямъ, ибо въ ней все характеристично въ высочайшей степени

„Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на порогѣ гостиной человѣкъ высокаго роста и худой, въ затасканномъ синемъ

сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, длиннымъ, прямымъ носомъ и небольшими, воспаленными глазами. Это былъ Михалевичъ, бывшій его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо его обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя.—Они не видѣлись съ Москвы.—Посыпались восклицанія, разспросы; выступили на свѣтъ Божій давно заглохшія воспоминанія.—Торопливо выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевичъ разсказалъ Лаврецкому свои похожденія; въ нихъ не было ничего очень-веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ, — а онъ безпрестанно смѣялся сиплымъ, нервическимъ хохотомъ. Мѣсяцъ тому назадъ получилъ онъ мѣсто въ частной конторѣ богатаго откупщика, верстъ за 300 отъ города О... и узнавъ о возвращеніи Лаврецкаго изъ-за границы, свернулъ съ дороги, чтобы повидаться съ старымъ пріятелемъ. *Михалевичъ говорилъ такъ-же порывисто, какъ и въ молодости, шумѣлъ и кипѣлъ по-прежнему.* Лаврецкій упомянулъ-было о своихъ обстоятельствахъ, но Михалевичъ перебилъ его, поспѣшно пробормотавъ: „Слышалъ, братъ, слышалъ,— кто этого могъ ожидать?“—и *тотчасъ перевелъ разговоръ въ область общихъ разсужденій*“.

„— Я, братъ,—промолвилъ онъ,—завтра долженъ ѣхать; сегодня мы, ужъ ты извини меня, ляжемъ поздно. *Мнѣ хочется непремѣнно узнать, что ты, какія твои мнѣнія, убѣжденія, чѣмъ ты сталъ, чему жизнь тебя научила?* (Михалевичъ придерживался еще фразеологіи 30-хъ годовъ.) Что касается до меня, я во многомъ измѣнился, братъ; *волны жизни упали на мою грудь,—кто, бишь, это сказалъ?—хотя въ важномъ, въ существенномъ я не измѣнился; я, по прежнему, вѣрю въ добро, въ истину; но я не только вѣрю,—я вѣрую теперь, да—я вѣрую, вѣрую.* Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи; въ нихъ поэзіи нѣтъ, но есть правда Я тебѣ прочту мою послѣднюю піесу; въ ней я выразилъ самыя задушевныя мои убѣжденія. Слушай.—Михалевичъ принялся читать свое стихотвореніе; оно было довольно длинно и оканчивалось слѣдующими стихами:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душою я сталъ:
И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ“.

„Произнося послѣдніе два стиха, *Михалевичъ чуть не заплакалъ; легкія судороги—признакъ сильнаго чувства—пробѣжали по его широкимъ губамъ, некрасивое лицо его просвѣтлѣло.* Лаврецкій слушалъ его, слушалъ... *духъ противорѣчія зашевелился въ немъ;* его раздражала всегда готовая, постоянно-кипучая восторженность московскаго студента. Четверти часа не прошло, какъ

уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на который способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ—и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ; голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Леммъ, который съ самаго пріѣзда Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

„— Что-же ты послѣ этого? разочарованный?—кричалъ Михалевичъ въ первомъ часу ночи.

„— Развѣ разочарованные такіе бываютъ?—возражалъ Лаврецкій,—тѣ всѣ бываютъ блѣдные и больные,—а хочешь, я тебя одной рукой подниму?

„— Ну, если не *разочарованный*, то *скептыкъ*, это еще хуже (выговоръ Михалевича отзывался его родиной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ; въ этомъ твоей вины не было; *ты былъ рожденъ съ душой страстной, любящей,—а тебя насильственно отводили отъ женщинъ; первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть.*

„— Она и тебя обманула,—замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.

„— Положимъ, положимъ; я былъ тутъ орудіемъ судьбы,— *впрочемъ, что это я вру—судьбы нѣту;* старая привычка неточно выражаться.—Но чтожъ это доказываетъ?

„— *Доказываетъ то, что меня съ дѣтства вывихнули.*

„— А ты себя вправь! — на то ты человѣкъ, ты мужчина; энергіи тебѣ не занимать стать! Но какъ-бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно—частный, такъ сказать, фактъ возводить въ общій законъ, въ непреложное правило?

„— Какое тутъ правило?—перебилъ Лаврецкій; я не признаю...

„— Нѣтъ, это твое правило, правило,—перебивалъ его въ свою очередь Михалевичъ.

„— Ты эгоистъ, вотъ что!—гремѣлъ онъ часъ спустя,—ты желалъ самонаслажденья, ты желалъ счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя...

„— Что такое самонаслажденье?

„— И все тебя обмануло; все рухнуло подъ твоими ногами. И оно должно было рухнуть. Ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ее найти нельзя; ибо ты строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ.

„— Говори яснѣй, безъ сравненій, *ибо* я тебя не понимаю.

„— Ибо,—пожалуй, смѣйся,—ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только копѣечный умъ... ты, просто, жалкій *отсталый вольтеріянецъ—вотъ ты кто*".

„— *Кто,—я вольтеріянецъ?*

„— Да, *такой-же, какъ твой отецъ*,—и самъ того не подозрѣваешь.

„— Послѣ этого,—воскликнулъ Лаврецкій, —я вправѣ сказать, что-ты фанатикъ!

„— Увы!—возразилъ съ сокрушеніемъ Михалевичъ,—*я къ несчастью, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія...*

„— Я теперь нашелъ, какъ тебя назвать,—крикнулъ тотъ-же Михалевичъ въ 3-мъ часу ночи.—Ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтеріянецъ, *ты—байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаніемъ, не наивный байбакъ*. Наивные байбаки лежатъ-себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего;—а ты мыслящій человѣкъ—и лежишь; ты могъ-бы что-нибудь дѣлать—и ничего не дѣлаешь; лежишь сытымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ лежать-то, потому что все, что̀ люди ни дѣлаютъ,—все вздоръ и ни къ чему не ведущая чепуха.

„— Да съ чего ты взялъ, что я лежу?—твердилъ Лаврецкій,—почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?

„— А сверхъ-того вы всѣ, вся ваша братія,—продолжалъ неугомонный Михалевичъ, —*начитанные байбаки. Вы знаете, на какую ножку нѣмецъ хромаетъ, знаете, что̀ плохо у англичанъ и у французовъ,—и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лѣнь вашу постыдную, бездѣйствіе ваше гнусное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что я, молъ, вотъ, умница—лежу, а тѣ, дураки, хлопочутъ*. Да!—А то есть у насъ и такіе господа—впрочемъ, я это говорю не на твой счетъ—которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣніи скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней—какъ... какъ грыбъ въ сметанѣ,—подхватилъ Михалевичъ, и самъ засмѣялся своему сравненію.—О, это млѣніе скуки—гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать, противный байбакъ...

„— Да что-жь ты бранишься?—*вопилъ въ свою очередь* Лаврецкій.—Работать... дѣлать... Скажи лучше, что дѣлать, а не бранись, Демосѳенъ полтавскій!

„— Вишь, чего захотѣлъ!—Это я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать,—возражалъ съ ироніей Демосѳенъ.—Помѣщикъ!—дворянинъ! и не знаетъ, что дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то-бы зналъ; вѣры нѣтъ—и нѣтъ откровенія.

„— Дай-же, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, чортъ; дай оглядѣться,—молилъ Лаврецкій.

„— Ни минуты отдыха, ни секунды!—возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ.—Ни одной секунды! Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна.

„— И когда-же, гдѣ-же, вздумали люди обайбачиться?—крикнулъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько осипшимъ голосомъ,—у насъ! теперь! въ Россіи! *Когда на каждой отдѣльной*

личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ; а время уходитъ; мы спимъ...

„— Позволь мнѣ тебѣ замѣтить,—промолвилъ Лаврецкій,—что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, деремъ горло. Послушай-ка, это никакъ уже третьи кричатъ?

„Эта выходка разсмѣшила и успокоила Михалевича. „До завтра", проговорилъ онъ съ улыбкой—и всунулъ трубку въ кисетъ. „До завтра", повторилъ Лаврецкій; но друзья еще болѣе часу бесѣдовали... Впрочемъ, голоса ихъ не возвышались болѣе—и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

„Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Ѳедору Иванычу не удалось убѣдить его остаться; но наговорился онъ съ нимъ досыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душой не было. Лаврецкій уже наканунѣ съ сожалѣньемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности: сапоги у него были сбиты, сзади на сюртукѣ недоставало одной пуговицы, руки у него не вѣдали перчатокъ, въ волосахъ торчалъ пухъ; пріѣхавши, онъ и не подумалъ попросить умыться, а за ужиномъ ѣлъ, какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызая кости своими крѣпкими, черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, который взялъ его единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ „образованнаго человѣка". Со всѣмъ тѣмъ Михалевичъ не унывалъ и жилъ-себѣ—циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радѣя и сокрушаясь о судьбахъ человѣчества, о собственномъ призваніи, и весьма мало заботясь о томъ, какъ-бы не умереть съ голоду. Михалевичъ женатъ не былъ, но влюблялся безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; *особенно пылко воспѣлъ онъ одну таинственную, чернокудрую „панну"... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка, хорошо извѣстная многимъ кавалерійскимъ офицерамъ... Но какъ подумаешь—развѣ и это не все-равно?*

„Съ Леммомъ Михалевичъ не сошелся; нѣмца, съ непривычки, запугали его многошумныя рѣчи, его рѣзкія манеры... Горемыка издали и тотчасъ чуетъ другого горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ,—и это нисколько не удивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться,—даже надеждами.

„Передъ отъѣздомъ Михалевичъ еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилѣ бѣдъ,—и тутъ же нѣсколько разъ назвалъ себя счастливымъ человѣкомъ, сравнилъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины...

„— Съ черной лиліей, во всякомъ случаѣ,—замѣтилъ Лаврецкій.

„— Э, братъ! не аристократничай,—возразилъ добродушно Михалевичъ,—а лучше благодари Бога, что и въ твоихъ жилахъ течетъ честная, плебейская кровь. Но я вижу, тебѣ нужно теперь какое-нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло-бы тебя изъ твоей апатіи...

„— Спасибо, братъ,—промолвилъ Лаврецкій,—съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ.

„— Молчи, *цыпыкъ!*—воскликнулъ Михалевичъ.

„— „Циникъ“,—поправилъ его Лаврецкій.“

„— Именно цыпыкъ,—повторилъ не смущаясь, Михалевичъ. Даже, сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, желтый, до странности легкій чемоданъ, онъ еще говорилъ; *окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порыжѣлымъ воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развивалъ свои воззрѣнія на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ-бы разсѣевая сѣмена будущаго благоденствія. Лошади тронулись наконецъ... „Помни мои послѣднія три слова“, закричалъ онъ, высунувшись всѣмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансѣ: „религія, прогрессъ, человѣчность!—Прощай!“* Голова его съ нахлобученной на глаза фуражкой исчезла. Лаврецкій остался одинъ на крыльцѣ—и пристально глядѣлъ вдаль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. *„А вѣдь онъ, пожалуй, правъ“, думалъ онъ, возвращаясь въ домъ, „пожалуй, что я байбакъ“.* Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу, хоть онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ,—его никто отразить не можетъ“.

Этотъ небольшой эпизодъ, и самъ по себѣ, отдѣльно взятый,—мастерская историческая картина, долженствующая уцѣлѣть надолго, до тѣхъ поръ, пока будутъ водиться у насъ Лаврецкіе и Михалевичи; а они будутъ водиться еще очень долго, благодаря сильной закваскѣ, ихъ породившей... Въ этихъ двухъ лицахъ захвачены глубоко и стремленія, и формы стремленій цѣлой эпохи нашего развитія, эпохи могущественнаго вліянія философіи, которая въ новомъ мірѣ, только на своей родинѣ, въ Германіи, да у насъ пускала такіе глубокіе, жизненные корни; съ тѣмъ различіемъ, что въ Германіи постоянно, и стало быть органически, а у насъ, благодаря независящимъ отъ нея, философіи, обстоятельствамъ, порывами. Вслѣдствіе того, что ей удавалось дѣйствовать только порывами, и вслѣдствіе особенности русскаго ума, широко и смѣло захватывающаго мысль въ конечныхъ ея результатахъ, она быстро переходила въ практическое примѣненіе, быстро сообщала колоритъ, особенный отливъ эпохамъ умственной жизни. Русская сметливость подсказывала не только такой высокой натурѣ, какъ,

напримѣръ, натура Бѣлинскаго, конечные результаты гегелизма,— она даже самоучку Полевого ставила выше Кузена, изъ котораго почерпалъ онъ премудрость; а главное дѣло, что мысль, разъ сознанная, получала тотчасъ же практическое примѣненіе. Всякое вѣяніе переходило, такъ-сказать, въ религію, т.-е. въ связное, цѣльное бытіе идеала и дѣйствительности, мысли и жизни. Въ этомъ наша сила, но въ этомъ же, повторяю опять и повторю, вѣроятно, еще нѣсколько разъ, наша слабость. Книги для насъ не просто книги, предметы изученія или развлеченія: книги переходили и переходятъ у насъ непосредственно въ жизнь, въ плоть и кровь, измѣняли и измѣняютъ часто всю сущность нашего нравственнаго міра... Поэтому-то самому, всякое идеальное вѣяніе, переходя у насъ непосредственно въ нѣчто реальное, сообщаетъ умственнымъ эпохамъ развитія особый цвѣтъ и запахъ. Поэтому-то самому во всемъ отсталомъ нашего отечества и развито такое безсознательное отвращеніе къ мысли, болѣзнь мыслебоязни: но слѣпая отсталость, нравственное и умственное мѣщанство, не видятъ, по ограниченности своей, что, стараясь мѣшать мысли въ ея органической дѣятельности и заставляя ее такимъ образомъ вторгаться и дѣйствовать порывами, они сами виною того, что мысль ломаетъ, сокрушаетъ факты, вмѣсто того, чтобы распредѣлять и отстранять ихъ съ подобающею терпимостью.

Мысль, вторгаясь всегда порывомъ, дѣйствуетъ и дѣйствовала въ насъ мучительно и болѣзненно... Чтобы разомъ представить осязательно это болѣзненное дѣйствіе мысли, я опять обращусь къ единственному истолкованію тайнъ жизни, къ поэзіи, и укажу вамъ на дикіе результаты бурныхъ и слѣпыхъ стихійныхъ вѣяній романтизма въ поэзіи, въ натурѣ Полежаева, на страшную и холодно безпощадную послѣдовательность Лермонтова, на мучительныя „Думы“ самородка Кольцова, такъ разрушительно подѣйствовавшія въ натуру и жизнь нашего высокаго народнаго лирика, на глубокую религіозность поэзіи Тютчева, на скорбные стоны поэта „Монологовъ“. Послѣдняго въ особенности вспомнишь всегда и невольно, когда говоришь о дѣйствіи мысли на жизнь:

И ночь, и мракъ! Какъ все томительно пустынно!
Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,
Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,
И на сердцѣ печально и темно.

Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желаніе въ груди кипитъ невольно;
Но жизнь и мысль убили сны мои...
Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба.
Грозный небесныхъ бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, какъ сама судьба;
Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,
Меня навѣкъ въ броженье вовлекла,
За вѣрой вѣру ты въ душѣ моей сгубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.

Въ этомъ глубокомъ, искреннемъ и безыскусственномъ стонѣ — задушевная исповѣдь цѣлой эпохи, стонъ цѣлаго поколѣнія... Въ былые, блаженные дни юности, оно, это беззавѣтно отдавшееся мысли поколѣніе, толкуя, какъ кружокъ Гамлета Щигровскаго уѣзда, о вѣчномъ солнцѣ духа, „переходя ins Unendliche съ Гёте и сливаясь съ жизнію des absoluten Geistes, ликовало, торжествовало младенчески, трепетало отъ восторга въ сознаніи, что жизнь есть великое таинство...“ „Было время,“ — говорило оно тогда устами одного изъ высшихъ своихъ представителей, относясь съ озлобленіемъ и ожесточеніемъ неофитизма къ XVIII вѣку, своему великому предшественнику, котораго оно еще не понимало, въ чаду упоенія символами и мистеріями,—

„было время, когда думали, что конечная цѣль человѣческой жизни есть счастіе. Твердили о суетности, непрочности и непостоянствѣ всего подлуннаго, и взапуски спѣшили жить, пока жилось, и наслаждаться жизнію во что бы то ни стало. Разумѣется, всякій по своему понималъ и толковалъ счастіе жизни, но всѣ были согласны въ томъ, что оно состоитъ въ наслажденіи. Законы, совѣсть, нравственная свобода человѣческая, всѣ отношенія общественныя почитались не инымъ чѣмъ, какъ вещами, необходимыми для связи политическаго тѣла, но въ самихъ себѣ пустыми и ничтожными. Молились въ храмахъ и кощунствовали въ бесѣдахъ; заключали брачные контракты, совершали брачные обряды — и предавались всѣмъ неистовствамъ сладострастія; знали, вслѣдствіе вѣковыхъ опытовъ, что люди не звѣри, что ихъ должны соединять религія и законы, знали это хорошо — и приноровили религіозныя и гражданскія понятія къ своимъ понятіямъ о жизни, о счастіи: высочайшимъ и лучшимъ идеаломъ общественнаго зданія почиталось то политическое общество, котораго условія и основанія клонились къ тому, чтобы люди не мѣшали людямъ веселиться. Это была религія XVIII вѣка. Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка сказалъ:

„Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душею
Благословляй судебъ ударъ...
. . . . . .
. . . . . .
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно,
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ".

„Это была еще самая высочайшая нравственность; самые лучшіе люди того времени не могли возвыситься до высшаго идеала иной. Но вдругъ все измѣнилось: философовъ, пустившихъ въ оборотъ это понятіе, начали называть, говоря любимымъ словомъ барона Брамбеуса, надувателями человѣческаго рода. Явились новые надуватели—нѣмецкіе философы, къ которымъ, по справедливости, вышереченный мужъ питаетъ ужасную антипатію, которыхъ нѣкогда такъ прекрасно отшлифовалъ г. Масальскій, въ превосходной своей повѣсти: „Донъ-Кихотъ XIX вѣка"—этомъ истинномъ chef d'oeuvre русской литературы—и которыхъ, наконецъ, недавно убила наповалъ „Библіотека для Чтенія". Эти новые надуватели, съ удивительною наглостію и шарлатанствомъ, начали проповѣдывать самыя безнравственныя правила, вслѣдствіе коихъ цѣль бытія человѣческаго состоитъ, будто-бы, не въ счастіи, не въ наслажденіяхъ земными благами, а въ полномъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, въ гармоническомъ проявленіи сокровищъ своего духа. Но этимъ не кончалась дерзость жалкихъ вольнодумцевъ: *они стали еще утверждать, что будто только жизнь, исполненная безкорыстныхъ порывовъ къ добру, исполненная лишеній и страданій, можетъ назваться жизнію человѣческою, а всякая другая, есть большее или меньшее приближенье къ жизни животной.* Нѣкоторые поэты стали дѣйствовать какъ будто-бы по согласію съ сими злонамѣренными философами и распространять разныя вредныя идеи, какъ-то: *что человѣкъ непремѣнно долженъ выразить хоть какую-нибудь человѣческую сторону своего человѣческаго бытія, если не всѣ,* т.-е. или дѣйствовать практически на пользу общества, если онъ стоитъ на важной ступени онаго, безъ всякаго побужденія къ личному вознагражденію; или отдать всего себя знанію для самаго знанія, а не для денегъ и чиновъ; или посвятить себя наслажденію искусствомъ, въ качествѣ любителя, не для свѣтскаго образованія, какъ прежде, а для того, что искусство (будто-бы) есть одно изъ звеньевъ, соединяющихъ землю съ небомъ; или посвятить себя ему въ качествѣ дѣйствователя, если чувствуетъ на это призваніе свыше, но не призваніе кармана; или полюбить другую душу, чтобы каждая изъ земныхъ душъ имѣла право сказать:

Я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила,—

или, наконецъ, просто имѣть какой-нибудь высшій человѣческій интересъ въ жизни, только не наслажденіе, не объяденіе земными благами. Потомъ на помощь этимъ философамъ пришли историки, которые стали и теоріями и фактами доказывать, что будто не только каждый человѣкъ въ частности, но и весь родъ человѣческій стремится къ какому-то высшему проявленію и развитію человѣческаго совершенства; но зато и катаетъ же ихъ, озорниковъ, почтенный баронъ Брамбеусъ! Я, съ своей стороны, право, не знаю, кто правъ: прежніе ли французскіе философы или нынѣшніе нѣмецкіе; который лучше: XVIII или XIX вѣкъ; но знаю, что между тѣми и другими большая разница во многихъ отношеніяхъ"... (Сочин. В. Бѣлинскаго, Т. I, стр. 382).

Вотъ какими вѣрованіями была первоначально полна эпоха, которой два отсадка, два представителя изображены Тургеневымъ въ эпизодѣ задуманной имъ исторической картины. Приводимое мѣсто изъ Бѣлинскаго, одно изъ мѣстъ, наиболѣе характеризующихъ философско-лирическія увлеченія того времени, — показываетъ, въ какой степени сильна была закваска, сообщенная умственной жизни философіей...

Философскія вѣрованія были истинно вѣрованія, переходили въ жизнь, въ плоть и кровь. Нужды нѣтъ, что дѣло кончилось извѣстнымъ изображеніемъ змѣя, кусающаго свой собственный хвостъ—нужды нѣтъ, что въ концѣ-концовъ, идеализмъ XIX вѣка, гордо возставшій на XVIII вѣкъ, сошелся съ нимъ въ послѣднихъ результатахъ. Дѣло не въ результатахъ—дѣло въ процессѣ, который приводитъ къ результатамъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ учителей XIX вѣка въ своей Феноменологіи...

XVIII.

Два раза, и оба раза въ высшей степени удачно, изображалъ Тургеневъ отзывъ великихъ философскихъ вѣяній въ жизни: въ приведенномъ эпизодѣ его послѣдняго произведенія и въ эпилогѣ „Рудина"—эпилогѣ, который настолько же выше всей повѣсти, насколько повѣсть выше множества болѣе отдѣланныхъ и, повидимому, цѣльныхъ произведеній многихъ современныхъ писателей. Различіе между двумя этими изображеніями въ томъ, что Михалевичъ-Рудинъ—Донъ-Кихотъ, Донъ-Кихотъ почтенный, по все-

таки Донъ-Кихотъ, а Лаврецкій — Лежневъ опоэтизированный, Лежневъ, которому придано много качествъ Рудина.

Въ Лаврецкомъ и Лежневѣ философское направленіе кончаетъ смиреніемъ передъ дѣйствительностью, смиреніемъ передъ тѣмъ, что Лаврецкій называетъ въ другой эпизодической сценѣ „Дворянскаго гнѣзда“ *народною правдою*;—въ Михалевичѣ, хотя онъ и говоритъ о практической дѣятельности, и въ Рудинѣ, хотя онъ и бросался въ практическую дѣятельность, философское направленіе кончаетъ протестомъ, протестомъ вѣчнымъ, безвыходнымъ. Смиреніе Михалевича и Рудина — только логическое требованіе (постулатъ) имъ поставляемое, только смиреніе автора Монологовъ:

Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что-же?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ? Смиренье въ душу вложимъ
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ.

Смиреніе Лежнева и Лаврецкаго (послѣднимъ гораздо дороже, безъ сомнѣнія, пріобрѣтенное, чѣмъ первымъ) есть смиреніе дѣйствительное. Они по натурѣ тюфяки, пожалуй, байбаки, какъ зоветъ Лаврецкаго Михалевичъ, или тюлени, какъ зоветъ его Марья Дмитріевна,—но тюфяки не такіе, каковъ „Тюфякъ“ Писемскаго.

Смиреніемъ завершается ихъ умственный и нравственный процессъ потому, что въ нихъ больше натуры, больше, если хотите, физіологической личности, чѣмъ въ Рудинѣ и Михалевичѣ—больше внутреннихъ, физіологическихъ связей съ той почвою, которая произвела ихъ, съ той средой, которая воспитала ихъ первыя впечатлѣнія. Жертвы всякія имъ дороже достаются, чѣмъ Рудинымъ и Михалевичамъ — опять-таки потому, что въ нихъ больше натуры—и въ нихъ-то въ особенности совершается тотъ нравственный процессъ, который у высокаго представителя нашей физіономіи выразился въ Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ.

Они, если хотите — Обломовцы (такъ какъ слово Обломовцы стало на время моднымъ словомъ), во всякомъ случаѣ никакъ не Штольцы, что имъ, впрочемъ, дѣлаетъ большую честь, ибо Штольцы у насъ порожденіе искусственное. Только Тургеневъ, какъ истинный поэтъ по натурѣ и какъ одинъ изъ послѣднихъ могикановъ эпохи, созданной могущественными вѣяніями, не могъ никогда обособить такъ рѣзко этотъ типъ, какъ обособилъ его

Гончаровъ въ своемъ романѣ. Въ его Лаврецкаго вошло нѣсколько чертъ Рудина, такъ же какъ въ Рудина, наоборотъ, вошли двѣ-три черты Лаврецкаго,—хоть бы то, напримѣръ, что онъ, по справедливому приговору Пигасова, оказывается *кущымъ*.

Съ другой стороны, Тургеневъ, не умѣя или не желая сдѣлать изъ своего Лаврецкаго логическій фокусъ, въ которомъ сводились бы многоразличныя, общія тому, другому и третьему черты, не могъ взять его и въ исключительной зависимости отъ почвы и среды, какъ взятъ Писемскимъ Павелъ Бешметевъ... Разница между этими двумя личностями слишкомъ очевидна... Насколько въ Лаврецкомъ больше физіологической личности, чѣмъ въ Рудинѣ и Михалевичѣ, — настолько же меньше ея въ немъ, чѣмъ въ Тюфякѣ Писемскаго. Сравните сцены, гдѣ тотъ и другой убѣждаются въ невѣрности своихъ женъ; сравните всѣ ихъ послѣдующія отношенія къ невѣрнымъ женамъ, хотя въ этихъ пунктахъ Тургеневъ нисколько не уступаетъ Писемскому не только въ психологической правдѣ—что нисколько не удивительно,— но даже въ энергіи, которой достигаетъ онъ рѣдко. Я вновь обращаюсь къ выпискѣ:

„Войдя однажды въ отсутствіе Варвары Павловны въ ея кабинетъ, Лаврецкій увидалъ на полу маленькую, тщательно сложенную бумажку. Онъ машинально ее поднялъ, машинально развернулъ и прочелъ слѣдующее, написанное на французскомъ языкѣ:

„Милый ангелъ Бетти! (я никакъ не рѣшаюсь назвать тебя *Barbe* или Варвара *(Varvara)*). Я напрасно прождалъ тебя на углу бульвара; приходи завтра въ половинѣ второго на нашу квартирку. Твой добрый толстякъ *(ton gros bonhomme de mari)* объ эту пору обыкновенно зарывается въ свои книги; мы опять споемъ ту пѣсенку вашего поэта *Пускина (de votre poëte Pouskine)*, которой ты меня научила: Старый мужъ, грозный мужъ!—Тысячу поцѣлусвъ твоимъ ручкамъ и ножкамъ. Я жду тебя“.

„Эрнестъ“.

„Лаврецкій не сразу понялъ, что такое онъ прочелъ; прочелъ во-второй разъ—и голова у него закружилась, полъ заходилъ подъ ногами, какъ палуба корабля во время качки. Онъ и закричалъ, и задохнулся, и заплакалъ въ одно мгновенье. Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ, возможность обмана, измѣны никогда не представлялась его мысли. Этотъ Эрнестъ, этотъ любовникъ его жены, былъ бѣлокурый смазливый мальчикъ лѣтъ 23-хъ, со вздернутымъ носикомъ и тонкими усиками, сдва ли *не*

самый ничтожный изо всѣхъ ея знакомыхъ. *Прошло нѣсколько минутъ, прошло полчаса; Лаврецкій все стоялъ, стискивая роковую записку въ рукѣ и безсмысленно глядя на полъ; сквозь какой-то темный вихрь мерещились ему блѣдныя лица; мучительно замирало сердце; ему казалось, что онъ падалъ, падалъ, падалъ... и конца не было.* Знакомый, легкій шумъ шелковаго платья вывелъ его изъ оцѣпенѣнья; Варвара Павловна въ шляпѣ и шали торопливо возвращалась съ прогулки. *Лаврецкій затрепеталъ весь и бросился вонъ;* онъ почувствовалъ, *что въ это мгновенье онъ былъ въ состояніи истерзать ее, избить ее до полусмерти, по-мужицки, задушить ее своими руками.* Изумленная Варвара Павловна хотѣла остановить его; онъ только могъ прошептать: Бетти,—и выбѣжалъ изъ дому".

„Лаврецкій взялъ карету и велѣлъ везти себя за-городъ. Весь остатокъ дня и всю ночь до утра пробродилъ онъ, *безпрестанно останавливаясь и всплескивая руками: онъ то безумствовалъ, то ему становилось какъ-будто смѣшно, даже какъ-будто весело. Утромъ онъ прозябъ* и зашелъ въ дрянной загородный трактиръ, спросилъ комнату и сѣлъ на стулъ передъ окномъ. *Судорожная зѣвота напала на него.* Онъ едва держался на ногахъ, тѣло его изнемогало—а онъ и не чувствовалъ усталости. За то усталость брала свое: онъ сидѣлъ, глядѣлъ и ничего не понималъ; не понималъ, что съ нимъ такое случилось, отчего онъ очутился одинъ, съ одеревенѣлыми членами, съ горечью во рту, съ камнемъ на груди, въ пустой незнакомой комнатѣ; онъ не понималъ, что заставило ее, Варю, отдаться этому французу, *и какъ могла она, зная себя невѣрной, быть попрежнему спокойной, попрежнему ласковой и довѣрчивой съ нимъ!* — Ничего не понимаю! шептали его засохшія губы.—Кто мнѣ поручится теперь, что и въ Петербургѣ... *И онъ не доканчивалъ вопроса и зѣвалъ опять, дрожа и пожимаясь всѣмъ тѣломъ.* — Свѣтлыя и темныя воспоминанія одинаково его терзали; ему вдругъ пришло въ голову, что на дняхъ она при немъ и при Эрнестѣ сѣла за фортепьяно и спѣла: „Старый мужъ, грозный мужъ!" Онъ вспомнилъ выраженіе ея лица, странный блескъ глазъ и краску на щекахъ,—и онъ поднялся со стула, *онъ хотѣлъ пойти сказать имъ: „вы со мной напрасно пошутили; прадѣдъ мой круто расправлялся съ мужиками, а дѣдъ мой самъ былъ мужикъ"—да убить ихъ обоихъ.*— То вдругъ ему казалось, что все, что съ нимъ дѣлается — сонъ, и даже не сонъ—а такъ, вздоръ какой-то,—что стоитъ только встряхнуться, оглянуться... *Онъ оглядывался, и какъ ястребъ когтитъ пойманную птицу, глубже и глубже врѣзывалась тоска въ его сердце.*—Къ довершенію всего, Лаврецкій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ надѣялся быть отцомъ... Прошедшее, будущее—вся жизнь была отравлена.—Онъ вернулся наконецъ въ Парижъ, остановился въ гостинницѣ и послалъ Варварѣ Павловнѣ записку Эрнеста съ слѣдующимъ письмомъ:

„Прилагаемая бумажка вамъ объяснитъ все.—Кстати скажу вамъ, что я не узналъ васъ: вы, такая всегда аккуратная, роняете такія важныя бумаги". *(Эту фразу бѣдный Лаврецкій готовилъ и лелѣялъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ.)* „Я не могу больше васъ видѣть; полагаю, что и вы не должны желать свиданія со мною. Назначаю вамъ 15,000 франковъ въ годъ; больше дать не могу. Присылайте вашъ адресъ въ деревенскую контору. Дѣлайте, что хотите; живите, гдѣ хотите. Желаю вамъ счастья. Отвѣта не нужно".

„Лаврецкій написалъ женѣ, что не нуждается въ отвѣтѣ... *но онъ ждалъ, онъ жаждалъ отвѣта, объясненія этого непонятнаго, непостижимаго дѣла.*—Варвара Павловна въ тотъ же день прислала ему большое французское письмо. Оно его доконало; послѣднія его сомнѣнія исчезли,—и ему стало стыдно, что у него оставались еще сомнѣнія. Варвара Павловна не оправдывалась: она желала только увидать его, умоляла не осуждать ее безвозвратно. Письмо было холодно и напряженно, хотя кое-гдѣ виднѣлись пятна слезъ.—Лаврецкій усмѣхнулся горько и велѣлъ сказать черезъ посланнаго, что все очень хорошо. Три дня спустя его уже не было въ Парижѣ; но онъ поѣхалъ не въ Россію, а въ Италію.—Онъ самъ не зналъ, почему онъ выбралъ именно Италію; ему въ сущности было все равно, куда ни ѣхать,—лишь бы не домой. Онъ послалъ предписаніе своему бурмистру на счетъ женинои пенсіи, приказывая ему въ то же время немедленно принять отъ генерала Коробьина всѣ дѣла по имѣнію, не дожидаясь сдачи счетовъ, и распорядиться о выѣздѣ его превосходительства изъ Лавриковъ; живо представилъ онъ себѣ смущеніе, тщетную величавость изгоняемаго генерала, и, при всемъ своемъ горѣ, почувствовалъ нѣкоторое злобное удовольствіе. Тогда же попросилъ онъ въ письмѣ Глафиру Петровну вернуться въ Лаврики и отправилъ на ея имя довѣренность; но Глафира Петровна въ Лаврики не вернулась и сама пропечатала въ газетахъ объ уничтоженіи довѣренности, что было совершенно излишне. Скрываясь въ небольшомъ италіанскомъ городкѣ, Лаврецкій еще долго не могъ заставить себя не слѣдить за женою. Изъ газетъ онъ узналъ, что она изъ Парижа поѣхала, какъ располагала, въ Баденъ-Баденъ; имя ея скоро появилось въ статейкѣ, подписанной тѣмъ же мосье Жюлемъ. Въ этой статейкѣ сквозь обычную игривость проступало какое-то дружественное соболѣзнованіе; очень гадко сдѣлалось на душѣ Ѳедора Иваныча при чтеніи этой статейки. Потомъ онъ узналъ, что у него родилась дочь; мѣсяца черезъ два получилъ отъ бурмистра извѣщеніе о томъ, что Варвара Павловна вытребовала себѣ первую треть своего жалованья.—Потомъ стали ходить все болѣе и болѣе дурные слухи; наконецъ съ шумомъ пронеслась по всѣмъ журналамъ траги-комическая исторія, въ которой жена его играла незавидную роль. Все было кончено: Варвара Павловна стала „извѣстностью".

„Лаврецкій пересталъ слѣдить за нею; но не скоро могъ съ собою сладить. *Иногда такая брала его тоска по женѣ, что онъ, казалось, все бы отдалъ, даже, пожалуй... простилъ бы ее, лишь бы услышать снова ея ласковый голосъ, почувствовать снова ея руку въ своей рукѣ.* Однако время шло не даромъ. Онъ не былъ рожденъ страдальцемъ: его здоровая природа вступила въ свои права. Многое стало ему ясно; самый ударъ, поразившій его, не казался ему болѣе непредвидѣннымъ; *онъ понялъ свою жену,—близкаго человѣка только тогда и поймешь вполнѣ, когда съ нимъ разстанешься.* Онъ опять могъ заниматься, работать, хотя уже далеко не съ прежнимъ рвеніемъ; скептицизмъ, подготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу. Онъ сталъ очень равнодушенъ ко всему. Прошло года четыре, и онъ почувствовалъ себя въ силахъ возвратиться на родину, встрѣтиться со своими".

Въ этихъ двухъ какихъ-нибудь страницахъ—цѣлый адъ страданія—и какого страданія! Оно вполнѣ, глубоко человѣческое; оно соединено съ борьбою противъ стихійнаго, физіологическаго, борьбою натуры *сдѣланной*, созданной идеями, образованіемъ, съ натурой грубой, звѣриной. Правда, что приливы звѣриныхъ свойствъ натуры тутъ только пѣна, а не настоящее дѣло. Лаврецкій не только что не убилъ—не побилъ бы своей жены: за это можно отвѣчать. Даже въ другую минуту, когда долгая разлука уже раскрыла ему всю натуру Варвары Павловны, и когда другое, болѣе значительное и глубокое, чувство наполнило все его бытіе, въ минуту, когда Варвара Павловна разбиваетъ своимъ появленіемъ созданный имъ міръ прочнаго и поэтическаго блаженства; въ минуту, наконецъ, когда, вслѣдствіе противоположности, натура ея и всѣ свойства этой натуры должны быть ему въ высшей степени ненавистны—въ немъ только накипаетъ пѣна не больше. Помните это, тоже поразительное по своей психологической правдѣ, мѣсто:

„Онъ засталъ жену за завтракомъ; Ада, вся въ букляхъ, въ бѣленькомъ платьицѣ съ голубыми ленточками, кушала баранью котлетку. Варвара Павловна тотчасъ встала, какъ только Лаврецкій вошелъ въ комнату, *и съ покорностью на лицѣ* подошла къ нему. Онъ попросилъ ее послѣдовать за нимъ въ кабинетъ, заперъ за собою дверь и началъ ходить взадъ и впередъ; *она сѣла, скромно положила одну руку на другую и принялась слѣдить за нимъ своими, все еще прекрасными, хотя слегка подрисованными, глазами.*

„Лаврецкій долго не могъ заговорить: онъ чувствовалъ, что не

владѣлъ собою; *онъ видѣлъ ясно, что Варвара Павловна нисколько его не боялась, а показывала видъ, что вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ.*

„— Послушайте, сударыня, началъ онъ наконецъ, *тяжело дыша и по временамъ стискивая зубы:*—намъ нечего притворяться другъ передъ другомъ; я вашему раскаянію не вѣрю: да если бы оно и было искренно, сойтись снова съ вами, жить съ вами— мнѣ невозможно.

„Варвара Павловна сжала губы и прищурилась.—*Это отвращеніе,* подумала она; *кончено: я для него даже не женщина.*

„— Невозможно,—повторилъ Лаврецкій *и застегнулся до верху.*—Я не знаю, зачѣмъ вамъ угодно было пожаловать сюда: вѣроятно, у васъ денегъ больше не стало.

„— Увы! вы оскорбляете меня,—прошептала Варвара Павловна.

„— Какъ бы то ни было—вы все таки, къ сожалѣнію, моя жена.—Не могу же я васъ прогнать... и вотъ что я вамъ предлагаю. Вы можете сегодня же, если угодно, отправиться въ Лаврики; живите тамъ; тамъ, вы знаете, хорошій домъ; вы будете получать все нужное, сверхъ пенсіи... Согласны вы?

„Варвара Павловна поднесла вышитый платокъ къ лицу.

„— Я вамъ уже сказала,—промолвила она, нервически подергивая губами,—что я на все буду согласна, что бы вамъ ни угодно было сдѣлать со мной; на этотъ разъ остается мнѣ спросить у васъ: позволите ли вы мнѣ по крайней мѣрѣ поблагодарить васъ за ваше великодушіе?

„— Безъ благодарности, прошу васъ—этакъ лучше,—поспѣшно проговорилъ Лаврецкій.—Стало быть,—продолжалъ онъ, приближаясь къ двери:—я могу разсчитывать...

„— Завтра же я буду въ Лаврикахъ,—промолвила Варвара Павловна, почтительно поднимаясь съ мѣста.—Но, Ѳедоръ Иванычъ... (Теодоромъ она его больше не называла.)

„— Что вамъ угодно?

„— Я знаю, я еще ничѣмъ не заслужила своего прощенія; могу ли я надѣяться по крайней мѣрѣ, что со временемъ...

„— Эхъ, Варвара Павловна,—перебилъ ее Лаврецкій,—*вы умная женщина, да вѣдь и я не дуракъ; я знаю, что этого вамъ совсѣмъ не нужно.—А я давно васъ простилъ, но между нами всегда была бездна.*

„— Я сумѣю покориться,— возразила Варвара Павловна и склонила голову.—Я не забыла своей вины; я бы не удивилась, если бы узнала, что вы даже обрадовались извѣстію о моей смерти,—*кротко* прибавила она, слегка указывая рукой на лежащій на столѣ, забытый Лаврецкимъ, нумеръ журнала.

„Ѳедоръ Иванычъ дрогнулъ: фельетонъ былъ отмѣченъ карандашомъ. Варвара Павловна еще съ бо́льшимъ уничиженіемъ посмотрѣла на него.—Она была очень хороша въ это мгновенье. *Сѣрое парижское платье стройно охватывало ея гибкій, почти семнадцати-лѣтній станъ; ея тонкая, нѣжная шея, окруженная*

бѣлымъ воротникомъ, ровно дышавшая грудь, руки безъ браслетовъ и колецъ,—вся ея фигура, отъ лоснистыхъ волосъ до кончика едва выставленной ботинки, была такъ изящна...

„Лаврецкій окинулъ ее злобнымъ взглядомъ, чуть не воскликнулъ bravo! чуть не ударилъ ее кулакомъ по темени—и удалился“.

Вы понимаете, разумѣется, до какой степени должны быть Лаврецкому противны и эта кротость, и эта покорность, и это кокетство—вся бездна гнусной, неизлѣчимой моральной лжи. Вы понимаете также, какъ ему, слабому, но самолюбивому человѣку, должно быть ужасно сознаніе, что „Варвара Павловна нисколько его не боялась, а показывала видъ, что вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ“, а онъ только можетъ „тяжело дышать и по временамъ стискивать зубы“... Въ этой ужасной, по глубокой по истинности своей сценѣ слышенъ Огаревскій стонъ:

Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться...

больше еще,—вѣчные стоны Гамлета. Правда простирается тутъ до безпощадности, до подмѣтки въ Лаврецкомъ движенія чисто актерскаго, когда онъ *„застегивается до верху“*.

И между тѣмъ, этотъ же самый, подогрѣвающій въ себѣ душевныя движенія, Лаврецкій никогда—за это смѣло можно ручаться—не измѣнитъ принятому разъ, подъ вліяніемъ идей, рѣшенію, на что и хотѣлъ намекнуть Тургеневъ, и намекнулъ мастерски описаніемъ фигуры и позы Варвары Павловны; тогда какъ тюфякъ Писемскаго могъ бы помириться съ женою до возможности ближайшихъ отношеній, тогда какъ Волынскій *допотопнаго* Лажечникова (и это черта удивительная въ типическомъ изображеніи русскаго страстнаго характера) безсознательно отдастся страстному увлеченію съ пріѣхавшей женой, только-что, чуть не наканунѣ, погубивши Маріорицу. Правда, что Волынскій не можетъ ненавидѣть жены, потому что ему не за что и ненавидѣть. Лаврецкому послѣдовательность дается не одною лимфатическою натурою; ибо это еще вопросъ: лимфатическая у него натура, или натура переработанная глубоко захватившимъ ее могущественнымъ вліяніемъ идей? Положимъ, что нѣсколько слабая, или скорѣе переработанная, натура помогаетъ ему въ послѣдовательности; но основа послѣдовательности чисто духовная: въ принципы онъ вѣритъ, принципамъ служитъ, принципы стали для него жизнію, и вотъ въ какомъ смыслѣ говорю я, что Тургеневъ придалъ ему нѣкоторыя Рудинскія черты.

Какъ ошибка, или лучше сказать, tour de force въ созданіи Писемскимъ „Тюфяка“ заключается въ томъ, что онъ повелъ, можетъ-быть, слишкомъ далеко мысль о неотдѣлимости натуры отъ почвы и среды, и повѣрилъ только въ физіологическія черты, такъ ошибка—если только можно назвать это ошибкой—Тургенева заключается въ непослѣдовательности изображенія тюфяка, байбака, тюленя.

Я сказалъ: если можно назвать это ошибкой—ибо, не знаю, какъ вы, а я не люблю логической послѣдовательности въ художественномъ изображеніи, по той простой причинѣ, что не вижу ея нигдѣ въ жизни. Вся разница двухъ изображеній внѣшнесходнаго типа—въ разницѣ эпохъ, подъ вліяніемъ которыхъ они создались.

Вслѣдъ за философскою эпохою, т. е. вслѣдъ за эпохою могущественныхъ философскихъ вѣяній—въ нашей умственной жизни настала эпоха чисто аналитическая, эпоха оглядки на самихъ себя, эпоха повѣрки требованій жизнію, эпоха сомнѣнія въ силѣ вѣяній и законности порожденныхъ ими стремленій.

Талантъ по преимуществу впечатлительный, впечатлительный, какъ я уже нѣсколько разъ повторялъ, до женственности, Тургеневъ, храня, даже вопреки своимъ новымъ стремленіямъ, старыя вѣянія, но неспособный закалиться въ мрачномъ, хотя бы и лирическомъ отрицаніи, поддался и аналитическимъ вѣяніямъ новой эпохи. Смиреніе передъ почвою, передъ дѣйствительностью, возникло въ душѣ его, какъ душѣ поэта—не чисто логическимъ, Рудинскимъ или Михалевичевскимъ, требованіемъ,—а отсадкомъ самой почвы, самой среды, Пушкинскимъ Бѣлкинымъ.

Только талантъ, а не геній, не заклинатель,—онъ зашелъ слишкомъ далеко—

И онъ сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ...

XIX.

Какъ и вслѣдствіе чего совершился процессъ, послѣднимъ словомъ котораго было смиреніе, ясно для наблюдателя, какъ и во всей его дѣятельности, такъ и въ послѣднемъ его произведеніи.

Лаврецкому противопоставлено оттѣняющее его лицо—даже, можетъ быть, слишкомъ его оттѣняющее. Это—Паншинъ.

Значеніе фигуръ Лаврецкаго и Паншина въ концепціи большой задуманной исторической картины—ясно обозначается въ особенно-яркомъ эпизодѣ ихъ нравственнаго и умственнаго столкновенія.

„Однажды Лаврецкій, по обыкновенію своему, сидѣлъ у Калитиныхъ. Послѣ томительно-жаркаго дня наступилъ такой прекрасный вечеръ, что Марья Дмитріевна, несмотря на свое отвращеніе къ сквозному вѣтру, велѣла отворить всѣ окна и двери въ садъ и объявила, что въ карты играть не станетъ, что въ такую погоду въ карты играть грѣхъ, а должно наслаждаться природой. Изъ гостей былъ одинъ Паншинъ. Настроенный вечеромъ и не желая пѣть передъ Лаврецкимъ, но чувствуя приливъ художническихъ ощущеній, онъ пустился въ поэзію: прочелъ хорошо, *но слишкомъ старательно и съ ненужными тонкостями*, нѣсколько стихотвореній Лермонтова (тогда Пушкинъ не успѣлъ еще опять войти въ моду)—и вдругъ, какъ бы устыдясь своихъ изліяній, началъ по поводу извѣстной „Думы“ укорять и упрекать новѣйшія поколѣнія, при чемъ не упустилъ случая изложить, какъ бы онъ все перевернулъ по-своему, еслибъ власть у него была въ рукахъ. — „Россія, говорилъ онъ, — отстала отъ Европы; нужно подогнать ее. Увѣряютъ, что мы молоды—это вздоръ; да и притомъ у насъ изобрѣтательности нѣтъ; самъ Х-въ признается въ томъ, что мы даже мышеловки не выдумали. *Слѣдовательно, мы поневолѣ должны заимствовать у другихъ.* Мы больны,—говоритъ Лермонтовъ,—я согласенъ съ нимъ; *но мы больны оттого, что только наполовину сдѣлались европейцами; чѣмъ мы ушиблись, тѣмъ мы и лѣчиться должны* („*le cadastre*“ подумалъ Лаврецкій).—У насъ, продолжалъ онъ,—лучшія головы—*les meilleures têtes*—давно въ этомъ убѣдились; *всѣ народы въ сущности одинаковы; вводите только хорошія учрежденія—и дѣло съ концомъ.* Пожалуй, можно приноравливаться къ существующему народному быту; *это наше дѣло*, дѣло людей (онъ чуть не сказалъ: государственныхъ)—служащихъ; но въ случаѣ нужды, не безпокойтесь, учрежденія передѣлаютъ самый этотъ бытъ.“— Марья Дмитріевна съ умиленіемъ поддакивала Паншину: „вотъ какой, думала она,—умный человѣкъ у меня бесѣдуетъ“. Лиза молчала, прислонившись къ окну; Лаврецкій молчалъ тоже; Марѳа Тимоѳеевна, игравшая въ уголку въ карты съ своей пріятельницей, ворчала себѣ что-то подъ носъ. — Паншинъ расхаживалъ по комнатѣ и говорилъ красиво, *но съ тайнымъ озлобленьемъ: казалось, онъ бранилъ не цѣлое поколѣнье, а нѣсколькихъ извѣстныхъ ему людей.*— Въ саду Калитиныхъ, въ большомъ кустѣ сирени, жилъ соловей; его первые вечерніе звуки раздавались въ промежуткахъ краснорѣчивой рѣчи; первыя звѣзды зажигались на розовомъ небѣ надъ неподвижными верхушками липъ. Лаврецкій поднялся и началъ возражать Паншину; завязался споръ. *Лаврецкій отстаивалъ молодость и самостоятельность Россіи; отдавалъ себя и свое поко-*

лъніе на жертву,—но заступался за новыхъ людей, за ихъ убѣжденье и желанія; Паншинъ возражалъ раздражительно и рѣзко, объявилъ, что умные люди должны все передѣлать, и запесся наконецъ до того, что, забывъ свое камеръ-юнкерское званіе и чиновничью карьеру, *назвалъ Лаврецкаго отсталымъ консерваторомъ*, даже намекнулъ—правда, весьма отдаленно—на его ложное положеніе въ обществѣ.—Лаврецкій не разсердился, не возвысилъ голоса (онъ вспомнилъ, что Михалевичъ тоже называлъ его отсталымъ—только вольтеріянцемъ) — и спокойно разбилъ Паншина на всѣхъ пунктахъ. *Онъ доказалъ ему невозможность скачковъ и надменныхъ передълокъ, съ высоты чиновничьяго самосознанія—передълокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный; привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ прежде всего признанія народной правды и смиренія передъ нею—того смиренія, безъ котораго и смѣлость противу лжи невозможна;* не отклонился наконецъ отъ заслуженнаго, по его мнѣнію, упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ.

„— *Все это прекрасно!—воскликнулъ наконецъ раздосадованный Паншинъ,—вотъ вы вернулись въ Россію,—что же вы намѣрены дѣлать?*

„— *Пахать землю—отвѣчалъ Лаврецкій,—и стараться какъ можно лучше ее пахать.*

„— Это очень похвально, безспорно,—возразилъ Паншинъ,—и мнѣ сказывали, что вы уже большіе сдѣлали успѣхи по этой части: но согласитесь, что не всякій способенъ на такого рода занятія...

„— *Une nature poétique*, заговорила Марья Дмитріевна, — конечно, не можетъ пахать... *et puis*, вы призваны, Владиміръ Николаичъ, дѣлать все *en grand.*

„Этого было слишкомъ даже для Паншина: онъ замялся—и замялъ разговоръ. Онъ пытался перевести его на красоту звѣзднаго неба, на музыку Шуберта—все какъ-то не клеилось; онъ кончилъ тѣмъ, что предложилъ Марьѣ Дмитріевнѣ сыграть съ ней въ пикетъ.„—Какъ! въ такой вечеръ?—слабо возразила она, однако велѣла принести карты. Паншинъ съ трескомъ разорвалъ новую колоду, а Лиза и Лаврецкій, словно сговорившись, оба встали и помѣстились возлѣ Маріи Тимоѳеевны".

Не правда ли, что рѣзко, но въ высшей степени вѣрно очерченная здѣсь личность Паншина, человѣка теоріи, оттѣняетъ необыкновенно личность человѣка жизни, какимъ повсюду является у Тургенева его Лаврецкій?

Но сказать, что Паншинъ—человѣкъ теоріи, мало. И Рудинъ — нѣкоторымъ образомъ человѣкъ теоріи, и душу самого Лаврецкаго подчинили себѣ теоріи, въ извѣстныхъ по крайней мѣрѣ

пунктахъ. Паншинъ—тотъ *дѣятельный* человѣкъ, тотъ реформаторъ съ высоты чиновническаго воззрѣнія, тотъ нивелёръ, вѣрующій въ отвлеченный законъ, въ отвлеченную справедливость, который равно противенъ нашей русской душѣ, явится ли онъ въ исполненной претензій комедіи графа Соллогуба въ лицѣ Надимова, въ больномъ ли созданіи Гоголя въ лицѣ Констанжогло, въ посягающихъ ли на лавреатство драматическихъ произведеній г. Львова, или въ блестящемъ произведеніи любимаго и уважаемаго таланта, каковъ Писемскій, въ лицѣ Калиновича.

Отношеніе Тургенева къ этой личности—совершенно правильное и законное, но самая личность и недодумана, и неотдѣлана. Паншинъ—великолѣпенъ, когда онъ покровительственно любезничаетъ съ Гедеоновскимъ, великолѣпенъ въ сценахъ съ Лизою, великолѣпенъ, когда онъ граціозно играетъ въ пикетъ съ Марьей Дмитріевной, великолѣпенъ въ разговорахъ съ Лаврецкимъ: однимъ словомъ, всѣ наружныя стороны его личности отдѣланы художественно, но внутренне онъ долженъ былъ быть захваченъ и шире и крупнѣе. Вѣдь онъ—реформаторъ (пусть, вмѣстѣ съ тѣмъ и Иванъ Александровичъ Хлестаковъ въ сущности); онъ долженъ былъ совмѣстить въ себѣ цѣлый рядъ подобныхъ реформаторовъ, приглядясь къ дѣятельности которыхъ, люди жизни, люди съ широкими мечтами и планами, кончаютъ привязанностью къ почвѣ, смиреніемъ передъ народною правдою; онъ долженъ былъ войти въ картину такъ рельефно, чтобы видно было и то, какимъ путемъ онъ развился.

А то, что мы о немъ знаемъ?.. Ничего, кромѣ такихъ чертъ, которыя рисуютъ просто пустого и просто внѣшняго, безсодержательнаго человѣка, да и въ этихъ немногихъ чертахъ нѣкоторыя совершенно фальшивы.

„Онъ служилъ въ Петербургѣ *чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ*. Въ городъ О... онъ пріѣхалъ для исполненія временнаго казеннаго порученія и состоялъ въ распоряженіи губернатора, генерала Зонненберга, которому доводился дальнимъ родственникомъ. Отецъ Паншина, отставной штабъ-ротмистръ, извѣстный игрокъ, человѣкъ съ сладкими глазами, помятымъ лицомъ и нервической дерготней въ губахъ, весь свой вѣкъ терся между знатью, посѣщалъ англійскіе клубы обѣихъ столицъ и слылъ за ловкаго, не очень надежнаго, но милаго и задушевнаго малаго. Не смотря на всю свою ловкость, онъ находился почти постоянно на самомъ рубежѣ нищеты и оставилъ своему единственному сыну состояніе небольшое и разстро-

енное. Зато онъ, по-своему, позаботился объ его воспитаніи. Владиміръ Николаичъ говорилъ по-французски прекрасно, по-англійски хорошо, по-нѣмецки дурно. *Такъ оно и слѣдуетъ: порядочнымъ людямъ стыдно говорить хорошо по-нѣмецки; но пускать въ ходъ германское словцо въ нѣкоторыхъ, большей частью забавныхъ случаяхъ — можно; c'est même très chic, какъ выражаются петербургскіе парижане.* Владиміръ Николаичъ съ пятнадцатилѣтняго возраста уже умѣлъ, не смущаясь, войти въ любую гостиную, пріятно повертѣться въ ней и кстати удалиться. Отецъ Паншина доставилъ сыну своему много связей; тасуя карты между робберами, или послѣ удачнаго „большого шлема“, онъ не пропускалъ случая запустить словечко о своемъ „Володькѣ“ какому-нибудь важному лицу, охотнику до коммерческихъ игръ. Съ своей стороны, Владиміръ Николаичъ *во время пребыванія въ университетѣ, откуда онъ вышелъ съ чиномъ дѣйствительнаго студента,* познакомился съ нѣкоторыми знатными молодыми людьми и сталъ вхожъ въ лучшіе дома. Его вездѣ охотно принимали; онъ былъ очень недуренъ собою, развязенъ, забавенъ, всегда здоровъ и на все готовъ; гдѣ нужно—почтителенъ, гдѣ можно—дерзокъ, отличный товарищъ, *un charmant garçon.* Завѣтная область раскрылась передъ нимъ: Паншинъ скоро понялъ тайну свѣтской науки; онъ умѣлъ проникнуться дѣйствительнымъ уваженіемъ къ ея уставамъ, *умѣлъ съ полунасмѣшливой важностью заниматься вздоромъ, и показать видъ, что почитаетъ все важное за вздоръ,* — танцовалъ отлично, одѣвался по-англійски. Въ короткое время онъ прослылъ однимъ изъ самыхъ любезныхъ молодыхъ людей въ Петербургѣ. Паншинъ былъ дѣйствительно очень ловокъ,—не хуже отца; но онъ былъ очень даровитъ. *Все ему далось: онъ мило пѣлъ, бойко рисовалъ, писалъ стихи, весьма недурно игралъ на сценѣ.* Ему всего пошелъ двадцать-восьмой годъ, а онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ и чинъ имѣлъ весьма изрядный. Паншинъ твердо вѣрилъ въ себя, въ свой умъ, въ свою проницательность; онъ шелъ впередъ смѣло и весело полнымъ махомъ; жизнь его текла какъ по маслу. Онъ привыкъ нравиться всѣмъ, старому и малому, и *воображалъ,* что знаетъ людей, особенно женщинъ: онъ хорошо зналъ ихъ обыденныя слабости. *Какъ человѣкъ не чуждый художеству, онъ чувствовалъ въ себѣ жаръ, и нѣкоторое увлеченіе, и восторженность,* и вслѣдствіе этого позволялъ себѣ разныя отступленія отъ правилъ: кутилъ, знакомился съ лицами, непринадлежащими къ свѣту, и вообще держался вольно и просто; но въ душѣ онъ былъ холоденъ и хитеръ, и во время самаго буйнаго кутежа его умный карій глазокъ все караулилъ и высматривалъ; этотъ смѣлый, этотъ свободный юноша никогда не могъ забыться и увлечься вполнѣ“.

Во всемъ этомъ изображеніи видно какое-то художественное колебаніе между чертами, какая-то неясность очерка.

Вы остаетесь въ нѣкоторомъ недоумѣніи, что̀ именно хотѣлъ сказать Тургеневъ фигурою своего Паншина, и какими сторонами натуры оттѣняетъ Паншинъ лицо Лаврецкаго? Тѣмъ ли, что онъ—натура чисто внѣшняя, внѣшне-даровитая, внѣшне-блестящая и т. д., въ противоположность искренней и съ виду далеко неблестящей личности главнаго героя? Тѣмъ ли, что онъ одна изъ общихъ истертыхъ фигуръ свѣтскихъ героевъ, въ родѣ героевъ повѣстей графа Соллогуба и вообще повѣстей сороковыхъ годовъ? Или, наконецъ, тѣмъ, что онъ—холодная теоретическая натура, въ противоположность жизненной натурѣ Лаврецкаго?

Вы скажете: и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Такъ, но вѣдь въ отношеніи къ фигурѣ, которую онъ долженъ извѣстнымъ образомъ оттѣнять, поставленъ же онъ какими-либо сторонами рельефнѣе? Да, онъ явно и поставленъ такъ въ весьма знаменательной эпизодической сценѣ умственнаго столкновенія съ нимъ Лаврецкаго. Тутъ онъ рельефно поставленъ какъ человѣкъ теоріи въ контрастъ человѣку жизни и почвы. Я нисколько не отрицаю, что онъ можетъ быть и внѣшне-даровитымъ, и свѣтско-модникомъ господиномъ; но на сухой методизмъ его, на его реформаторскія замашки, художникъ долженъ былъ обратить болѣе вниманія, долженъ былъ показать, какъ въ немъ такой методизмъ создался и развился.

А этого мы не видимъ, или это самое тронуто, во-первыхъ, поверхностно, во-вторыхъ, фальшиво.

И прежде всего, я подымаю процессъ, начатый весьма справедливо однимъ изъ серьезныхъ нашихъ журналовъ съ Писемскимъ за его Калиновича, хотя это многимъ показалось и смѣшно: Владиміръ Николаевичъ Паншинъ, равно какъ и Калиновичъ, не могли выйти изъ университетовъ. Они продукты спеціальныхъ заведеній.

Изъ университетовъ нашихъ выходили: или Бельтовы и Рудины, т.-е. вообще лица, недослуживающія 14 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ до пряжки, потому что идеалы ихъ не мирятся съ практикой, а они упорно и сурово уходятъ въ свои идеалы; или Лаврецкіе и Лежневы, можетъ быть менѣе, но тоже не дослуживающіе до пряжки; или Досужевы „Доходнаго мѣста“, живущіе на счетъ „карасей“ и запросто съ карасями, т.-е. съ земщиной,—знаніемъ, съ одной стороны, нравовъ и обычаевъ „карасей“, а съ другой, знаніемъ отвлеченнаго и темнаго для „карасей“ закона и умѣньемъ справ-

ляться съ этимъ отвлеченнымъ для карасей міромъ въ пользу „карасей“, которые ихъ за то любятъ, холятъ, и уважаютъ, и ублажаютъ, т.-е. наши юристы въ настоящемъ смыслѣ этого слова; или, наконецъ, просто взяточники и подьячіе, — но никакъ не реформаторы съ высоты чиновничьяго величія.

Таковые могутъ образоваться только подъ вліяніемъ резонерства теорій, а не подъ вліяніемъ философіи и, болѣе или менѣе, но всегда энциклопедическаго университетскаго образованія.

Провести въ Паншинѣ идею теоретической чистоты и отвлеченности у Тургенева не достало послѣдовательности. А не достало этой послѣдовательности только потому, что къ самому Лаврецкому нѣтъ у него окончательно ясныхъ отношеній.

1) Ему непремѣнно хотѣлось сдѣлать Лаврецкаго тюфякомъ, тюленемъ, байбакомъ, изъ насильственной любви къ типу загнаннаго человѣка, любви, порожденной борьбою съ блестящимъ, нѣсколько хищнымъ типомъ. Тургеневъ

....сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

По дѣло въ томъ, что артистъ въ немъ сильнѣе мыслителя, и артистъ рисуетъ въ Лаврецкомъ, противъ воли мыслителя, да и слава Богу, вовсе не загнаннаго человѣка, а очеркъ чего-то оригинально живого. Намѣреніе художника сдѣлать Лаврецкаго тюфякомъ, байбакомъ, тюленемъ—жертва, принесенная имъ идеѣ загнаннаго типа, идеѣ, до которой довело его „сожженіе всего, чему онъ поклонялся“... Лаврецкій—тюфякъ и тюлень только для женщинъ, подобныхъ Варварѣ Павловнѣ и Марьѣ Дмитріевнѣ; но, развѣ только и свѣту, что въ окошко? только и натуръ, что натуры вышеупомянутыя...? Мнѣ кажется вообще, что, находясь въ нѣсколько неясныхъ отношеніяхъ къ своему герою, къ своему душевному типу, Тургеневъ упустилъ изъ виду нѣкоторыя отношенія его къ людямъ и неясно поставилъ другія... Какъ-будто кромѣ Лизы не находилось и прежде никакихъ натуръ, способныхъ и оцѣнить и полюбить его, и кромѣ Михалевича лицъ, которыя понимали его не такъ, какъ М-г Эрнестъ и М-г Jules?.. Судя по его натурѣ, можно съ достовѣрностью заключить противное, т.-е. по крайней мѣрѣ то, что были женщины, которыя любили его страстно, да можетъ быть не соотвѣтствовали его идеаламъ. Вѣдь женщинъ два рода—два типа, и стремленія этихъ

двухъ типовъ, между которыми есть, разумѣется, множество среднихъ терминовъ, діаметрально противоположны... А Тургеневъ — и это относится не къ Лаврецкому только, а ко множеству образовъ, проходящихъ передъ читателями въ его повѣстяхъ и разсказахъ—такъ запуганъ блестящимъ типомъ, хищнымъ типомъ, что другой типъ представляется ему въ видѣ загнаннаго, тщетно ищущаго симпатій: много-много что онъ даетъ ему въ Лежневѣ—половинную, лимфатическую симпатію... Въ Лаврецкомъ — и это уже огромный шагъ впередъ въ нравственномъ процессѣ — типъ переходитъ изъ загнаннаго въ имѣющій право гражданства, получаетъ своего рода поэтическую оболочку, но все еще въ отношеніяхъ къ нему автора видно много неопредѣленности, непослѣдовательности.

2) Вслѣдствіе этого, нѣкоторыя качества, свойственныя Лаврецкому, Тургеневъ придастъ Паншину, и наоборотъ.

Такъ, главнымъ образомъ, онъ совершенно ложно ставитъ между ними фигуру старика музыканта Лемма, главную повѣрку *чувства* (не только изящнаго, но вообще чувства) въ натурѣ того и другого. Дѣло въ томъ, что холодная, внѣшняя даровитость Паншина, даровитость, которой всѣ впечатлѣнія—заказныя, сдѣланныя, на первый разъ должна была непремѣнно *надуть* старика-нѣмца. Вѣдь тѣ Веретьевскія артистическія черты, которыя Тургеневъ придалъ Паншину, черты непосредственной даровитости, поэтическаго пониманія, вовсе нейдутъ къ нему: такимъ людямъ гораздо свойственнѣе *заказные* восторги Бетховеномъ и внѣшнее знаніе дѣла, съ приличнымъ толкованіемъ о дѣлѣ и даже съ приличнымъ исполненіемъ. Все Веретьевское скорѣе шло бы къ Лаврецкому, разумѣется, въ меньшей степени, нежели развито оно Тургеневымъ въ самомъ Веретьевѣ.

Ибо прежде всего у Лаврецкаго есть натура, прежде всего онъ дитя почвы—вслѣдствіе чего и кончаетъ нравственнымъ смиреніемъ передъ нею...

XX.

Чтобы покончить съ Лаврецкимъ, какъ съ идеалистомъ, и съ отношеніями его къ жизни, какъ идеалиста, а вмѣстѣ съ тѣмъ перейти къ другой половинѣ его существа, я долженъ напомнить объ одной старой вещи—не знаю, читали ли вы ее—которая невольно, какъ нѣчто въ отношеніи къ Тургеневскому произведенію

допотопное, приходила мнѣ въ голову въ томъ мѣстѣ, когда усталый, морально разбитый и смирившійся Лаврецкій возвращается въ свое родовое имѣніе и ставится Тургеневымъ съ очей на очи съ цѣлою галлерею его предковъ... Какъ это сопоставленіе, такъ и фантастическая бесѣда Лаврецкаго съ портретами его предковъ,—невольно напоминаютъ замѣчательную по мысли, но вовсе уже не художественную вещь, именно „Идеалиста“ А. В. Станкевича.

Важную и трудную для рѣшенія задачу избралъ себѣ авторъ этого разсказа; вотъ какія слова взялъ онъ эпиграфомъ къ своему произведенію—слова, замѣчательныя какъ motto, какъ чувство, проникающее все содержаніе. „Страшно подумать, что святое чувство любви истощится въ тщетномъ стремленіи къ необъятному, къ безотвѣтному. Не пожмешь руки великану, называемому вселенной, не дашь вселенной поцѣлуя, не подслушаешь, какъ бьется ея сердце“. Этими словами, которыя звучатъ одною тяжелою скорбію, не просвѣтленною разумнымъ сознаніемъ, объясняется многое въ вещи г. Станкевича, которую смѣшно какъ-то и назвать даже повѣстью: до такой степени она была „плѣнной мысли раздраженьемъ“.

Идеализмъ — одна изъ болѣзней нашего вѣка. Требовать отъ дѣйствительности не того, что она даетъ на самомъ дѣлѣ, а того, о чемъ мы напередъ гадали; приступать ко всякому живому явленію съ отвлеченною и слѣдовательно мертвою переднею мыслію; отшатнуться отъ дѣйствительности, какъ только она противопоставитъ отпоръ требованіемъ нашего *я*, и замкнуться гордо въ самого себя: таковы самые обыкновенные моменты этой болѣзни, ея неизбѣжныя схемы. Права ли дѣйствительность, правы ли требованія нашего *я*—вопросъ довольно щекотливый, и едва ли можемъ добросовѣстно рѣшить его мы, болѣе или менѣе страдавшіе или страдающіе этою болѣзнію. Тоска, которая грызла скептика Оберманна, романтика Рене, перешла и къ намъ по наслѣдству: мало людей, которыхъ бы не коснулось ея тлетворное дыханіе, да и тѣхъ не коснулось оно развѣ только потому, что вообще мало касались ихъ какіе либо интересы духа. Но передъ поколѣніемъ предшествовавшимъ имѣемъ мы то преимущество, что можемъ сколько-нибудь отрѣшиться отъ этой болѣзни, исторически добираться до ея корней. Историческій анализъ, по возможности спокойный и безпристрастный—наше единственное право, и имъ по-

камѣстъ должны мы ограничиться. Разрѣшить задачу окончательно— если только она разрѣшима—должно предоставить будущему времени. Одно только кажется намъ несомнѣннымъ—то, что поскольку съ участіемъ и даже уваженіемъ къ больнымъ мѣстамъ должна быть разсматриваема настоящая болѣзнь, поскольку же должна быть подвергаема посмѣянію и презрѣнію жалкая страсть къ ходульности, болѣзнь дешево купленнаго праздпаго разочарованія. Вотъ почему, смѣясь надъ Тамаринымъ, нельзя оскорбить какою-либо насмѣшкою героевъ, подобныхъ герою г. Станкевича, хотя многіе, привыкшіе видѣть только внѣшнее, только факты, готовы будутъ, пожалуй, смѣшать эти совершенно разнородныя лица. Съ перваго взгляда въ самомъ дѣлѣ представляется много сходнаго между Тамаринымъ и Левинымъ (герой разсказа г. Станкевича): тотъ и другой тратятъ душевную энергію на мелочи, тотъ и другой приступаютъ къ мелочамъ съ самыми широкими планами, упражняются въ нетрудномъ подвигѣ одурачить семпадцатилѣтнюю дѣвчонку; тотъ и другой равно далеки отъ мысли соединить на вѣки свою судьбу съ судьбою этой дѣвчонки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинаково мучатся, когда она освобождается изъ-подъ ихъ вліянія; но это только внѣшнее сходство, и было бы грубою ошибкою признать между ними внутреннее сродство.

Избѣгая отвлеченныхъ разсужденій, я передамъ содержаніе „Идеалиста“.

Въ селѣ Березовѣ ждутъ молодого помѣщика, еще не заглядывавшаго въ него ни разу съ того времени, какъ опо досталось ему по смерти отца. Левинъ проживалъ въ столицахъ, странствовалъ за границей, каждый годъ писалъ своему управляющему, что будетъ въ Березово, и всегда отлагалъ поѣздку туда до слѣдующаго года. Пріѣзжаетъ наконецъ помѣщикъ, вовсе не такой, какимъ воображала его себѣ дворня:

„Черезъ нѣсколько минутъ влетѣла на дворъ коляска, и лихой ямщикъ мастерски осадилъ у крыльца четверню свою. Въ коляскѣ сидѣлъ очень блѣдный господинъ въ парусинномъ пальто, бѣлой фуражкѣ и съ тростью въ рукахъ. Онъ раскланивался со встрѣчавшими его; *что-то, казалось, смутило его, яркая краска покрыла его блѣдныя щеки, и, потупивъ глаза, онъ съ какою-то неловкою поспѣшностью выскочилъ изъ коляски и вбѣжалъ въ домъ. Недостатокъ важности, приличный случаю и лицу, въ пріѣхавшемъ господинѣ былъ замѣченъ встрѣчавшими его, и дворня разбрелась въ какомъ-то недоумѣніи*“.

Нѣтъ! этотъ человѣкъ, такъ добросовѣстно смущающійся отъ сознанія своей несостоятельности въ столкновеніи со всякою, какою бы то ни было дѣйствительностію, не хочетъ изъ себя корчить ничего, ни имѣетъ претензіи на невозмутимое спокойствіе. Онъ самъ, съ глубокимъ прискорбіемъ, видитъ странность и фальшивость своего положенія, и только выходя изъ него, сосредоточиваясь снова въ самого себя, пріобрѣтаетъ гордо-спокойный взглядъ. Онъ самъ боленъ своимъ разобщеніемъ съ дѣйствительностію, самъ въ иныя минуты готовъ судить себя, какъ Гамлетъ, но, какъ Гамлету же, ему не остается ничего иного, какъ уходить въ самого себя. Вотъ онъ въ своемъ родовомъ наслѣдіи—въ домѣ своихъ предковъ, и предки смотрятъ на него изъ старинныхъ рамъ портретовъ. „Почти на всѣхъ лицахъ, мужескихъ и женскихъ, не смотря на различіе формъ и чертъ, лежала какая-то одна печать; всѣ они до того были лишены индивидуальности, рѣзко отличительнаго выраженія, что, казалось, память съ трудомъ могла бы сохранить какое-нибудь изъ этихъ лицъ, не смѣшивая его съ другимъ“.

Только два портрета поражаютъ Левина. Оба портрета изображали одну и ту же женщину въ разные годы ея жизни. Это была одна изъ бабокъ Левина, жившая во времена Екатерины II. Отецъ ея готовилъ ей супруга, но она бѣжала изъ родительнаго дома съ какимъ-то щеголемъ тогдашняго вѣка, скоро покинувшимъ ее; дѣдъ Левина далъ ей пріютъ и хлѣбъ въ своемъ домѣ, гдѣ она жила до конца дней своихъ, презираемая роднею, сварливая и озлобленная. Понятно, почему взглядъ Левина остановился преимущественно на двухъ изображеніяхъ этой „кометы въ кругу разчисленныхъ свѣтилъ“; понятно, что какъ-то неловко ему въ кругу этихъ безмятежныхъ, неподвижныхъ физіономій, что хоть чего-нибудь сходнаго съ собою ищетъ онъ въ ихъ кругу.

„Наступалъ вечеръ. Левинъ вошелъ въ гостиную и опустился въ кожаныя кресла у раскрытаго окна. Передъ нимъ былъ старый, тѣнистый садъ, спускавшійся къ рѣкѣ, за рѣкою лугъ, за лугомъ поля и лѣсъ. Тонкій, прозрачный туманъ весеннихъ сумерекъ одѣвалъ окрестности; рогъ молодой луны еще не ярко обозначился на небѣ, соловей пѣлъ въ саду. Дума овладѣла Левинымъ: онъ впалъ въ то состояніе, когда безчисленные образы, давнія желанія и стремленія, забытыя событія, даже мимолетныя впечатлѣнія, все, мгновенно ли, долго ли жившее внутри человѣка, все минувшее, опять произвольно возникаетъ въ душѣ его, и въ нѣсколько минутъ онъ вновь переживаетъ всю жизнь свою“.

И вотъ передъ Левинымъ проносятся дни дѣтства, и мелькаетъ образъ матери, нѣжно любящей, вѣчно лелѣющей...

„Вотъ онъ, наконецъ, юноша: душа полна стремленій разнообразныхъ и неопредѣленныхъ; для всего бьется сердце, за всѣмъ гоняется мысль, для всего есть восторгъ и жаръ; вокругъ юноши—свѣжія, мягкія лица, жизнь шумна и легка, а объ руку съ нимъ всегда братъ и другъ, и все раздѣлено, все пережито вмѣстѣ—и какъ полны всѣ дни, мгновенія! Непрерывно далѣе и далѣе стремится и работаетъ мысль юношей, и безконечность жизни и духа открылась передъ ними; смѣло и жадно рвутся они туда, и мощный, всеобъемлющій, великій идеалъ навсегда покорилъ ихъ молодыя души, приковалъ къ себѣ ихъ взоры...“

Да простятъ намъ читатели, что мы перервемъ эту нить воспоминаній Левина, что мы остановимся здѣсь на минуту. Левинъ, какъ всѣ мы, болѣе или менѣе, поразился грандіозностью чужого идеала, прямо, на вѣру, принялъ его за собственный, внутри души живущій. Идеалъ этотъ у него притомъ чисто-нѣмецкій. Все въ его воспоминаніяхъ отзывается мечтами Шиллера,—звучитъ великою пѣснію германскаго поэта о радости... Немудрено, что этотъ идеалъ самъ въ себѣ нашелъ начало раздвоенія, когда и у самого Шиллера всюду проходитъ одна мысль, что

Das Dort wird niemals Hier.

что

Ewig jung ist nur die Fantasie...

Немудрено, что такой неопредѣленный идеалъ не могъ перейти въ дѣло... Левинъ исключительно увлекся Шиллеровскимъ идеаломъ, и, понятно, что, какъ только проходитъ паръ энтузіастическаго упоенія, какъ только внезапная тишина объемлетъ его послѣ веселаго и шумнаго дружескаго пира, ему съ этой тишиной не ужиться. Энергія поддерживалась въ немъ внѣшними, нѣсколько насильственными средствами; въ немъ самомъ нѣтъ ничего опредѣленнаго, установленнаго.

„Потянулись другіе дни: *смущенъ, озадаченъ юноша представшею ему дѣйствительностью;* онъ всматривается въ жизнь *съ напряженіемъ*, прислушивается ко всѣмъ ея звукамъ, тревожно допрашивается смысла всѣхъ ея явленій; съ недоумѣніемъ и вопросомъ обращается онъ къ людямъ, ихъ дѣламъ и стремленіямъ, и представляется ему, что все шутка, что настоящій смыслъ жизни зачѣмъ-то скрытъ отъ него, что тайна и истина наконецъ откроются ему. Нетерпѣливо ждетъ онъ ихъ призыва, онъ ждетъ, а жизнь

несется мимо, и напрасны его усилія броситься въ ея волны; несокрушимы цѣпь и мощь овладѣвшаго имъ идеала. Поетъ и сохнетъ душа въ безплодной борьбѣ—и потянулись дни безчисленныхъ противорѣчій, безсильнаго бѣшенства, дни плача и проклятій, мучительныхъ сновъ и стоновъ".

Состояніе страшное, котораго долго не вынести душѣ человѣческой. Такъ или иначе, она должна выйти изъ него. Не для всякой натуры возможенъ тотъ желанный исходъ, на который указалъ Гёте въ одной пѣснѣ въ Wilhelm Meister's Wanderjahre:

Und den unbedingten Trieben
Folget Freude, folget Rath,
Und dein Streben sey's im Lieben,
Und dein Leben sey die That.

Не для всякаго возможно и Шиллеровское примиреніе im Reiche der ewig jungen Fantasie... Нѣтъ! обыкновенно бываетъ такъ, какъ съ Левинымъ:

„Тянутся дни безсильной тоски, затѣмъ дни равнодушія и безчувствія; замерло и притихло сердце, и голова начала свою вѣчную работу. Опять предстаетъ Левину безконечность жизни, но теперь она не пугаетъ его; гордо, съ поднятой головою смотритъ онъ въ безконечную даль ея; страданіе вызвало въ немъ прежде невѣдомую силу. Теперь нѣтъ въ немъ ни вопроса, ни желанія; ничего онъ не ищетъ, ничего не требуетъ отъ жизни, но спокойно и радушно встрѣчаетъ всѣ ея явленія".

Полно, такъ ли? Примиреніе ли это? Когда внутри шевелится сѣмя, брошенное матерью въ его душу, сѣмя любви и преданности—внезапно становится онъ разстроенъ, смущенъ и мраченъ. Странное спокойствіе, возмущаемое яснымъ небомъ, свѣтлымъ днемъ, видомъ счастливой четы! Странное спокойствіе, разрѣшающееся агоніею и гамлетовскими проклятіями на себя самого, бесѣдою съ призраками предковъ!

„Мы жили, слышишь ты, мы жили, а ты—ты только смотрѣлъ на жизнь. Куда ты рвался? чего хотѣлъ? Не по обычаю предковъ жилъ ты, не посмотрѣлъ себѣ подъ ноги, и вотъ, презрѣнный и жалкій, ты растерялся и заблудился. Презрѣнный, не срамилъ бы ты нашего дома и пропадалъ бы себѣ, гдѣ знаешь!"

Чѣмъ же кончится этотъ судъ человѣка надъ самимъ собою? Неужели голосъ предковъ, голосъ прошедшаго, вызваннаго имъ самимъ, голосъ отжившаго и умершаго восторжествуетъ безуслов-

но надъ нимъ, сыномъ настоящаго?.. Вопросъ не разрѣшенный г. Станкевичемъ, да не разрѣшенный доселѣ и никѣмъ еще.

Вотъ его герой бродитъ по своему имѣнію: все ему чуждо тутъ, все самое обыкновенное ему непонятно, или возмущаетъ его, потому что не согласно съ сложившимися въ его головѣ представленіями; а почему лучше его представленія того, что есть на самомъ дѣлѣ, и точно ли они лучше, и стоитъ ли окружающее его одного холоднаго презрѣнія или величаваго равнодушія,— онъ не хочетъ подумать.

„Онъ прошелъ по селу, замѣтилъ беззаботность и лѣнь на лицахъ мужиковъ, обратилъ вниманіе на дородство и ростъ бабъ, рѣшился спросить у возвратившагося водовоза, отчего скрипятъ колеса его бочки, и, получивъ отвѣтъ, что они не мазаны, побрелъ къ мельницѣ“.

И только подобное видитъ Левинъ, и только подобныхъ вопросовъ удостоиваетъ онъ окружающее его. Если онъ такъ *прислушивался ко всѣмъ звукамъ жизни,* если онъ такъ *допрашивался смысла всѣхъ ея явленій,* если никогда не сходилъ онъ съ своего карточнаго олимпа, то не мудрено, что настоящій смыслъ жизни скрытъ отъ него—и притомъ *не зачѣмъ-то,* а просто потому, что онъ, гордый и безстрастный идеалистъ, не въ силахъ принять его сердцемъ. Даже на счетъ сердца заблуждается онъ, даже о сердцѣ напоминаетъ ему вызванный имъ же призракъ бабки.

„Чѣмъ же ты такъ смущенъ,—заговорила прекрасная бабка тѣмъ мягкимъ и покоряющимъ голосомъ, который дается только сильной и страстной юности,—неужели рѣчами старика? Не слушай никого, слушайся только себя, покоряйся только своему сердцу. Ты задавилъ его, а отъ него только счастье. Дай ему волю, полную и безграничную волю“.

Левинъ повсюду слышитъ только рѣзкіе тоны, и призракъ вызванъ имъ, какъ представитель другой крайности—слѣпой стихіи, волнуемой жаждою наслажденій, точно такъ же неопредѣленною, какъ его жажда и его стремленія. Мудрено ли, что этотъ призракъ, весь кипящій страстными порывами, вдругъ превращается передъ нимъ въ старуху съ сморщеннымъ и потемнѣвшимъ лицомъ, какъ у Кальдерона въ „El Magico prodigioso“ [1])—красавица

[1]) Философская драма Кальдерона, герой которой напоминаетъ Гётевскаго Фауста. *Примѣчаніе В. С.*

мгновенно обращается въ скелетъ? И нечѣмъ тутъ смущаться, что распадается прахомъ созданное изъ праха. Уловить въ преходящемъ вѣчное и неперемѣнное, принять его въ себя не отвлеченно и искать его повсюду дѣятельно — вотъ правда, которая лежитъ подъ сердцемъ человѣческимъ, и тогда, по слову Гёте (Das Vermächtniss):

Внутри души своей живущей
Ты центръ увидишь вѣчно-сущій,
Въ которомъ нѣтъ сомнѣній намъ:
Тогда тебѣ не нужно правилъ,
Сознанья свѣтъ тебя наставилъ,
И солнцемъ сталъ твоимъ дѣламъ.
Вполнѣ твоими чувства станутъ,
Не будешь ими ты обманутъ,
Когда не дремлетъ разумъ твой,
И ты съ спокойствіемъ свободы,
Богатой нивами природы
Любуйся вѣчной красотой.
Но наслаждайся не безпечно,
Присущъ да будетъ разумъ вѣчно.
Гдѣ жизни въ радость жизнь дана.
Тогда былое удержимо,
Грядущее заранѣ зримо,
Минута съ вѣчностью равна.

Пожалуй, и Левинъ любуется вѣчной красотой, нивами природы, да не то разумѣлъ поэтъ подъ такимъ наслажденіемъ, что разумѣетъ Левинъ, замѣчающій только лѣнь и беззаботность на лицахъ мужиковъ, и углубляющійся въ созерцаніе муравейника. Нѣтъ! примиреніе, которое разумѣлъ Гёте (и до котораго дошелъ самъ онъ, впрочемъ, только сознаніемъ), и проще и выше; это — примиреніе въ дѣятельности, въ любви,—величіе въ маломъ, въ ежедневномъ, въ обыкновенномъ.

Dass wir uns in ihr zerstreuen,
Darum ist die Welt so gross.

говоритъ онъ въ той-же пѣснѣ, которую мы уже приводили, ободряя тутъ-же стремящагося тѣмъ, что

Kopf und Arm mit heitern Kräften
Ueberall sind sie zu Haus.

Но не таковы мы (разумѣя болящихъ болѣзнію героя г. Станкевича), чтобы дойти до такого здороваго и простого примире-

нія—и часто приходили мы къ горькому заключенію, что сами виноваты во всемъ томъ, въ чемъ такъ наивно, и вмѣстѣ такъ гордо винимъ переходную эпоху, что мы сами роемъ неизмѣримую пропасть между мыслію и дѣломъ, подрывая у первой всѣ основы, которыми бы она могла опереться на почву дѣйствительности, лишая послѣднее всякаго достоинства. И безсильна становится мысль, истощенная вращаніемъ въ одномъ и томъ же безъисходномъ околдованномъ кругѣ, тупѣя въ застоѣ, на который сама себя осудила,—и все постыднѣе и постыднѣе падаетъ дѣло,—и подъ гнетомъ безсильной, тяжелой мысли, которая что старѣетъ, то шалѣетъ, и все становится притязательнѣе, тащится человѣкъ по жизни, словно кляча, сбившаяся съ дороги. И пусть ищетъ онъ утѣшенія въ сравненіи съ гордыми и вольными орлами, какъ „идеалистъ“ г. Станкевича: утѣшенія эти кратковременны, какъ всякое самообольщеніе. Жаждѣ жизни нѣтъ иного исхода кромѣ жизни. Все насильственно задавленное уходитъ во внутрь, какъ червь точитъ внутренность, и живетъ, питаясь ея соками.

Я привелъ только первыя страницы разсказа г. Станкевича, потому что онѣ однѣ важны въ немъ. Впечатлѣніе, оставляемое ими—не художественное впечатлѣніе, потому что дѣйствуетъ болѣзненно, но тѣмъ не менѣе эти страницы—искреннія, патетическія.

Съ чисто-художественной стороны, и самыя эти страницы не имѣли большого достоинства. Онѣ повторяли только и, такъ сказать, распложали то чувство, которое прежде сильнѣе и лучше сказалось во многихъ стихотвореніяхъ; онѣ были навѣяны какъ будто „Старымъ домомъ“ Огарева—

Я ждалъ; знакомыхъ мертвецовъ
Не встанутъ ли вдругъ кости,
Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся ли въ гости...

Еще менѣе художественнаго таланта было во всемъ послѣдующемъ, въ самой драмѣ. Вездѣ виденъ былъ въ авторѣ человѣкъ мыслившій, жившій и глубоко чувствовавшій, вездѣ прекрасныя цѣли—и нигдѣ артистичности исполненія. Вся исторія представляла собою развитіе одного изъ Лермонтовскихъ стихотвореній, изъ которыхъ такъ многія высказали въ могучемъ образѣ страданія поэта и людей его поколѣнія. Всѣ знаютъ стихотвореніе:

Ночевала тучка золотая... и т. д.

Никто не станетъ отрицать, конечно, что вся трагическая сторона отношенія испытаннаго въ буряхъ жизни человѣка къ минутно посѣтившему его призраку молодости, обозначена въ этихъ стихахъ съ удивительною энергіею. Никто также не станетъ отрицать и того, что подражатели Лермонтова напрасно распространяли его стихи въ цѣлыя повѣсти,—что все, бывшее настоящею бурею въ душѣ поэта, обратилось у нихъ просто въ бурю въ стаканѣ воды. Лермонтовъ далъ много, но едва ли не одинъ онъ въ состояніи былъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, тѣмъ, что онъ далъ. Приложите извѣстное стихотвореніе его, взятое изъ Гейне:

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,

или стихотвореніе, выше нами приведенное, къ жизни какого-нибудь Ивана Иваныча или Марьи Петровны, выйдетъ нѣчто комическое. Что-то комическое же являлось въ повѣсти г. Станкевича, являлось противъ воли весьма серьезнаго автора,—наперекоръ желанію читателя, который видѣлъ въ „Идеалистѣ“ не Тамарина, а человѣка дѣйствительно мыслившаго и много страдавшаго. Въ особенности смѣшны были орлы, являвшіеся Левину и во снѣ и во очію на пароходѣ.

„Левинъ сидѣлъ на палубѣ, закутавшись въ плащъ свой, и смотрѣлъ на безбрежную, движущуюся передъ глазами его пустыню. Вдали показался островъ, и когда пароходъ приблизился къ нему, Левинъ увидалъ большого орла, поднимавшагося со скалы его. Онъ вспомнилъ другую пустыню, другого орла, и слова, слышанныя отъ него во снѣ: „парп, и гордо созерцай до послѣдней минуты своей“. Онъ поднялъ взоръ свой за орломъ, поднявшимся и исчезнувшимъ въ полетѣ къ небу, и ему почудилось, что вѣчность представилась ему во образѣ безпредѣльнаго неба и безпредѣльной движущейся пустыни—и онъ услышалъ ея мощный призывъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Левина. Онъ чувствовалъ, какъ душа его *расширилась и порвала цѣпь любви, страданія и страсти, въ которыхъ томилась она* (?). Радостно почувствовалъ онъ вновь свою свободу. Гордо поднялась опять голова его, смѣло и спокойно смотрѣлъ взоръ,—и съ этой минуты въ Левинѣ воскресъ и жилъ прежній *холодный, безстрастный идеалистъ*. Опять странствовалъ, онъ, учился, смотрѣлъ, останавливался и задумывался передъ безчисленными явленіями; но въ немъ все болѣе изощрялась и развивалась несчастная способность видѣть отрицательную сторону предметовъ и лицъ,—и онъ никогда ничему не предавался и ни съ чѣмъ не заключалъ союза. *Жизнь его навсегда осталась, какъ и была, пустою и праздною*“.

„Идеалистъ“ г. Станкевича былъ напечатанъ въ 1851 году въ сборникѣ „Комета“; Тургеневское „Дворянское гнѣздо“ написано въ 1858 году. Этимъ сопоставленіемъ я уже конечно не хочу и не думаю сказать, чтобы артистъ Тургеневъ что-либо взялъ у г. Станкевича, который явился вовсе не артистомъ, а только мыслящимъ человѣкомъ и лирикомъ въ своемъ произведеніи; но для меня подобныя сближенія суть наглядныя указанія на процессы воплощеній всякой поэтической мысли или поэтическаго намѣренія. Такъ, здѣсь мысль является сперва чисто лирически, какъ музыкальный мотивъ въ удивительномъ стихотвореніи Огарева „Nocturno“, принимаетъ фантастически-странныя и непомѣрно-рѣзкія формы въ „Идеалистѣ“, этомъ лирическомъ результатѣ печальной и серьезной думы о жизни, лишенномъ художественной оболочки, соразмѣрной, гармонической плоти,—и наконецъ поэтъ истинный, какъ Тургеневъ, приводитъ въ гармонію поэтическое намѣреніе и поэтическое исполненіе.

Больше еще. Есть внутреннее сродство въ идеѣ, породившей Левина, и въ идеѣ, породившей Лаврецкаго. Идея шла даже однимъ процессомъ, дошла въ „Идеалистѣ“ до сознанія и только перешла въ *дѣло* въ Лаврецкомъ. Левинъ г. Станкевича понялъ свою несостоятельность въ отношеніи къ дѣйствительности; но его смиреніе передъ нею, передъ правдою жизни, выражается только въ ожесточеніи, окаменѣніи, въ изолированности: такой конецъ процесса въ „Идеалистѣ“ г. Станкевича, какъ порожденіи „раздраженія плѣнной мысли“, какъ произведеніи рѣзкомъ и нагомъ, вопреки намѣреніямъ автора, доходитъ до комизма. Лаврецкій Тургенева такой же идеалистъ, но въ немъ есть плоть, кровь, натура: у него сознаніе не ограничилось однимъ отрицаніемъ и перешло въ дѣло... Въ немъ столько же натуры и привязанности къ почвѣ, сколько идеализма. Въ его душѣ глубоко отзываются и воспоминанія дѣтства, и семейныя преданія, и бытъ родного края, и даже суевѣрія. Онъ человѣкъ почвы, онъ, если хотите, изъ обломовцевъ, къ которымъ недавно проникся такою враждою замѣчательно даровитый публицистъ „Современника [1])“. Въ этомъ его слабость, но въ этомъ и его сила; слабость, разумѣется, въ настоящемъ, сила въ будущемъ. Онъ *нашъ*, онъ *намъ* родной, намъ, русскимъ людямъ, какими сдѣлала насъ реформа.

[1]) Т.-е. Н. А. Добролюбовъ, посвятившій роману Гончарова свою знаменитую статью: „Что такое обломовщина“. *Примѣч. В. С.*

Покамѣстъ, онъ точно, какъ обломовецъ, ни въ какое дѣло не годится; но онъ наша эгида противъ реформаторовъ Паншиныхъ, противъ устроителей Констанжогло, наконецъ, противъ этой безцѣльной дѣятельности, которая математически-рѣзко, но вѣрно представлена Гончаровымъ въ фокусѣ (ибо личностью назвать не могу) Штольца.

Тутъ бы и слѣдовало мнѣ покончить съ Лаврецкимъ и съ самымъ произведеніемъ Тургенева, если бы я былъ публицистомъ, а не критикомъ.

Но художественное произведеніе для меня есть откровеніе великихъ тайнъ души и жизни, единственное порѣшеніе общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ. Въ первый разъ въ литературѣ нашей, въ лицѣ Лаврецкаго, нашъ Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ вышелъ изъ своего запуганнаго, чисто отрицательнаго состоянія. Пусть онъ явился въ произведеніи явно неоконченномъ, пусть самъ поэтъ стоитъ къ нему еще въ нерѣшительныхъ отношеніяхъ; но эти нерѣшительныя отношенія уже видимо не тѣ, въ которыхъ стоялъ Тургеневъ къ типу въ „Дневникѣ лишняго человѣка“, въ „Двухъ пріятеляхъ“, въ „Рудинѣ“, рисуя Лежнева... Лаврецкій существуетъ уже самъ по себѣ, не составляя контраста Рудину, какъ Лежневъ, ибо въ немъ самомъ есть черты Рудинскія, для него самого необходимъ въ картинѣ контрастъ, не совсѣмъ еще удавшійся поэту въ Паншинѣ отъ нерѣшительныхъ отношеній къ главному герою... Онъ уже, какъ сказано, и не „идеалистъ“, не гордо и ожесточенно замкнувшійся человѣкъ.

Когда онъ, усталый отъ жизни, полуразбитый жизнію, возвращается въ міръ старыхъ преданій, на родную, взростившую его почву, онъ возвращается туда не умирать, какъ г. Чулкатуринъ въ свои „Овечьи воды“... Онъ живетъ, и живетъ впервые полною гармоническою жизнію.

Высокая поэтическая идея, за которую одну можно простить Тургеневу всю неоконченность созданія!..

Съ самой минуты появленія Лаврецкаго, вы знаете, вы чувствуете, что этотъ человѣкъ будетъ *жить*, что ему *слѣдуетъ жить*. При первомъ столкновеніи его съ Лизой и съ неоцѣненной старушкой, составляющей художественный перлъ „Дворянскаго гнѣзда“ и всей нашей современной литературы,—вы знаете это; потому что въ первый же вечеръ своего появленія—„на верху, въ комнатѣ Марьи Тимоѳеевны, при свѣтѣ лампадки, висѣвшей пе-

редъ тусклыми старинными образами, Лаврецкій сидѣлъ на креслахъ, облокотившись на колѣна и положивъ лицо на руки: старушка, стоя передъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ"... Сохранившаяся въ душѣ его способность сочувствовать этой старушкѣ, физіологическая связь между этими двумя, столь раздѣленными и годами и образованіемъ существами, это—святая связь Пушкинской натуры съ Ириной Родіоновной, святая любовь къ почвѣ, къ преданіямъ, къ родному быту, наша эгида противъ сухой практичности и суроваго методизма!

Вы знаете, что онъ будетъ жить, что онъ уже живетъ, этотъ полуразбитый сердцемъ и въ высшей степени развитый умомъ человѣкъ, какъ только обхватило его вѣяніе воздуха родного края.

„Часа четыре спустя онъ ѣхалъ домой. Тарантасъ его быстро катился по проселочной, мягкой дорогѣ. Недѣли двѣ какъ стояла засуха; тонкій туманъ разливался молокомъ въ воздухѣ и застилалъ отдаленные лѣса; онъ него пахло гарью. Множество темноватыхъ тучекъ съ неясно обрисованными краями расползались по блѣдно-голубому небу; довольно крѣпкій вѣтеръ мчался сухой, непрерывной струей, не разгоняя зноя. Приложившись головой къ подушкѣ и скрестивъ на груди руки, Лаврецкій глядѣлъ на пробѣгавшіе вѣеромъ загоны полей, на медленно мелькавшія ракиты, на глупыхъ воронъ и грачей, съ тупой подозрительностью взиравшихъ бокомъ на проѣзжавшій экипажъ, на длинныя межи, заросшія чернобыльникомъ, полынью и полевой рябинкой. Онъ глядѣлъ... и эта свѣжая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги съ приземистыми дубовыми кустами, сѣрыя деревеньки, жидкія березы—вся эта, давно имъ невиданная, русская картина навѣвала на его душу сладкія и въ то же время почти скорбныя чувства, давила грудь какимъ-то пріятнымъ давленіемъ. Мысли его медленно бродили: очертанія ихъ были такъ же неясны и смутны, какъ очертанія тѣхъ высокихъ, тоже какъ будто бы бродившихъ, тучекъ. Вспомнилъ онъ свое дѣтство, свою мать, вспомнилъ, какъ она умирала, какъ поднесли его къ ней, и какъ она, прижимая его голову къ своей груди, начала-было слабо голосить надъ нимъ, да взглянула на Глафиру Петровну—и умолкла. Вспомнилъ онъ отца, сперва бодраго, всѣмъ недовольнаго, съ мѣднымъ голосомъ,—потомъ слѣпого, плаксиваго, съ неопрятной сѣдой бородой; вспомнилъ, какъ онъ однажды за столомъ, выпивъ лишнюю рюмку вина и заливъ себѣ салфетку соусомъ, вдругъ засмѣялся и началъ, мигая ничего не видѣвшими глазами и краснѣя, разсказывать про свои побѣды; вспомнилъ Варвару Павловну—и невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли, и встряхнулъ головой. Потомъ мысль его остановилась на Лизѣ..."

И скучаетъ-то онъ въ родномъ захолустьѣ не такъ, какъ скучали другіе идеалисты:

„Лаврецкій всталъ довольно рано, потолковалъ со старостой, побывалъ на гумнѣ, велѣлъ спять цѣпь съ дворной собаки, которая только полаяла немного, но даже не отошла отъ своей конуры,—и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣпенѣніе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. „Вотъ когда я попалъ на самое дно рѣки“, сказалъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подъ окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченію тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивой кто-то напѣваетъ тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь дружное, назойливо-жалобное жужжанье мухъ раздается гудѣнье толстаго шмеля, который то и дѣло стучится головой о потолокъ; пѣтухъ на улицѣ закричалъ, хрипло вытягивая послѣднюю ноту, простучала телѣга, на деревнѣ скрипятъ ворота. „Чего“? задребезжалъ вдругъ бабій голосъ. „Охъ ты, мой сударикъ“, говоритъ Антонъ двухъ-лѣтней дѣвочкѣ, которую няпчитъ на рукахъ. „Квасъ неси“, повторяетъ тотъ же бабій голосъ,—и вдругъ находитъ тишина мертвая; ничего не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевельнетъ; ласточки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, — и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго лета. „Вотъ когда я на днѣ рѣки“, думаетъ опять Лаврецкій. „И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь“, думаетъ онъ: „кто входитъ въ ея кругъ—покоряйся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подъ окномъ корепастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой стебель; богородицыны слёзки еще выше выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальше, въ поляхъ лоснится рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. На женскую любовь ушли мои лучшіе годы,—продолжаетъ думать Лаврецкій; „пусть же вытрезвитъ меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовитъ къ тому, чтобы я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло.“ И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая,—и въ то же время, какъ будто безпрестанно ожидая чего-то. Тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ; солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по нему: кажется, они знаютъ, куда и зачѣмъ они плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ на землѣ кипѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь та же жизнь текла неслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ

отерваться онъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ весенній снѣгъ,— и странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины".

А между тѣмъ, онъ все-таки разбитъ, этотъ живущій и способный жить человѣкъ, и въ трагическую минуту онъ такъ же осужденъ

...надъ своимъ безсиліемъ смѣяться,
И видѣть вкругъ себя безсиліе людей.

И вотъ почему, какъ „Идеалистъ" г. Станкевича, ставится опъ поэтомъ на очную ставку съ его просто, дико, грубо-развратно или тонко-развратно, но безъ заднихъ мыслей жившими предками...

„Лаврецкій провелъ полтора дня въ Васильевскомъ, и почти все время пробродилъ въ окрестностяхъ. Онъ не могъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ: тоска его грызла; онъ испытывалъ всѣ терзанья непрестанныхъ, стремительныхъ и безсильныхъ порывовъ. Вспомнилъ онъ чувство, охватившее его душу на другой день послѣ пріѣзда въ деревню; вспомнилъ свои тогдашнія намѣренія, и сильно негодовалъ на себя. Что могло оторвать его отъ того, что онъ призналъ своимъ долгомъ, единственной задачей своей будущности? Жажда счастья—опять-таки жажда счастья!— „Вѣрно Михалевичъ правъ", думалъ онъ.—„Ты захотѣлъ вторично извѣдать счастья въ жизни", говорилъ опъ самъ себѣ,— „ты позабылъ, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посѣтитъ человѣка. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да предъяви же свои права на полное, истинное счастье! Оглянись,—кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто наслаждается? Вонъ мужикъ ѣдетъ на косьбу; можетъ быть, онъ доволенъ своей судьбою... Что-жъ? захотѣлъ ли бы ты помѣняться съ нимъ? Вспомни мать свою: какъ ничтожно-малы были ея требованія, и какова ей выпала доля? Ты видно только похвастался передъ Паншинымъ, когда сказалъ ему, что пріѣхалъ въ Россію затѣмъ, чтобы пахать землю; ты пріѣхалъ волочиться на старости лѣтъ за дѣвочками. Пришла вѣсть о твоей свободѣ, и ты все бросилъ, все забылъ, ты побѣжалъ, какъ мальчикъ, за бабочкой"... Образъ Лизы безпрестанно представлялся ему посреди его размышленій; онъ съ усиліемъ изгонялъ его, какъ и другой неотвязный образъ, другія, невозмутимо-лукавыя, красивыя и ненавистныя черты. Старикъ Антонъ замѣтилъ, что барину не по себѣ; вздохнувши нѣсколько разъ за дверью, да нѣсколько разъ на порогѣ, онъ рѣшился подойти къ нему, посовѣтовалъ ему напиться чего-нибудь тепленькаго. Лаврецкій закричалъ на него, велѣлъ ему выйти, а потомъ извинился передъ нимъ; но Антонъ отъ этого еще больше опечалился. Лаврецкій

не могъ сидѣть въ гостиной; ему такъ и чудилось, что прадѣдъ Андрей презрительно глядитъ съ полотна на хилаго своего потомка. -„Эхъ ты! мелко плаваешь!“—казалось, говорили его, на бокъ скрученыя, губы. „Неужели же“ думалъ онъ, „я не слажу съ собою,—поддамся этому вздору?“ (Тяжело раненые на войнѣ всегда называютъ „вздоромъ“ свои раны. Не обманывать себя человѣку—не жить ему на землѣ.) „Мальчишка я, что ли, въ самомъ дѣлѣ? Ну, да: увидалъ вблизи, въ рукахъ почти держалъ возможность счастія на всю жизнь—оно вдругъ исчезло; да вѣдь и въ лотереѣ—повернись колесо еще немного, и бѣднякъ пожалуй сталъ бы богачомъ. Не бывать, такъ не бывать—и кончено. Возьмусь за дѣло, стиснувъ зубы, да и велю себѣ молчать; благо мнѣ не въ первый разъ брать себя въ руки. И для чего я бѣжалъ, зачѣмъ сижу здѣсь, забившись, какъ страусъ, голову въ кустъ? Страшно бѣдѣ въ глаза взглянуть—вздоръ“!—„Антонъ!“ закричалъ онъ громко, „прикажи сейчасъ закладывать тарантасъ“.—Да, подумалъ онъ опять,—надо велѣть себѣ молчать, надо взять себя въ ежовыя руковицы“...

„Такими-то разсужденіями старался помочь Лаврецкій своему горю; но оно было велико и сильно; и сама, выжившая не столько изъ ума, сколько изо всякаго чувства, Апраксѣя покачала головой и печально проводила его глазами, когда онъ сѣлъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ городъ. Лошади скакали; онъ сидѣлъ неподвижно и прямо, и неподвижно глядѣлъ впередъ на дорогу“.

И всѣми этими чертами онъ нашъ... чуть было не сказалъ *герой*, но спохватился, что героевъ нѣтъ и не можетъ быть изъ обломовцевъ...

И вотъ почему я, разъяснивши его историческое и общественное значеніе, не кончаю еще статьи о „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и о Тургеневѣ...

XXI.

Разсмотрѣвши одну сторону характера Лаврецкаго—многозначительную по ея исторической задачѣ, я заключилъ свои разсужденія указаніемъ на черты, которыя дѣлаютъ его нашимъ общимъ представителемъ, на его жизненную сторону, на его глубокую физіологическую связь съ почвою, съ преданіями, съ жизнію родной стороны.

Высокое значеніе этого лица, не смотря на всю неполноту его изображенія, на всю болѣзненную неопредѣленность отношеній къ нему автора,—прежде всего въ томъ, что это лицо—не сухой логическій выводъ, не итогъ, подведенный искусственно подъ из-

вѣстными данными, а живорожденное, выношенное въ душѣ созданіе поэта, что онъ—лицо художественное... По общему и непреложному закону, чѣмъ лицо художественнѣе, т.-е. чѣмъ зачатіе его въ душѣ поэта и рожденіе на свѣтъ совершаются свободнѣе, тѣмъ болѣе отражаетъ оно въ себѣ результаты жизни, тѣмъ болѣе оразумливаетъ оно высшимъ смысломъ цѣлыя группы явленій—тѣмъ болѣе раскрываетъ оно міросозерцаніе современной ему эпохи. Ни Обломовъ Гончарова, этотъ отвлеченный математическій итогъ недостатковъ или дефицитовъ того, что авторъ романа называетъ „Обломовкой", ни Калиновичъ Писемскаго, эта программа—изо всѣхъ другихъ программъ самая, впрочемъ, живая—отвлеченной дѣятельности, не говорятъ собою и въ сотую долю того, что говоритъ неполный, неопредѣленный образъ Лаврецкаго.

А между тѣмъ, Лаврецкій не хочетъ ничего сказать собою. Онъ родился, а не сочинился—и Тургеневъ нисколько не виноватъ въ его рожденіи.

Творчество—я принужденъ напоминать и повторять для ясности дѣла принципы и положенія уже не разъ мной высказанные—творчество, каково-бы оно ни было, субъективное или объективное, все равно,—есть результатъ внутренняго побужденія творить, т.-е. выражать въ образахъ прирожденныя стремленія или благопріобрѣтенныя созерцанія своего внутренняго міра,—и даже границы между творчествомъ субъективнымъ и творчествомъ объективнымъ не могутъ быть рѣзко установлены: наблюденіями біографовъ и изслѣдованіями критико-психологовъ доказана связь многихъ, видимо объективнѣйшихъ, созданій съ личною жизнію ихъ творцовъ. Да оно иначе и быть не можетъ: что бы ни выражалъ человѣкъ, онъ выражаетъ только самого себя. Большая степень способности сообщать свои личныя впечатлѣнія и свои душевные опыты, отвлекая ихъ отъ частныхъ явленій и перенося ихъ на однородныя же, но другія явленія, есть объективность: меньшая степень такой способности—субъективность. Дѣло въ томъ только, что субъективнѣйшіе-ли изъ призраковъ Байрона, объективнѣйшіе-ли изъ вѣчныхъ типовъ Шекспира—равно не хотятъ собою что-либо намѣренно сказать, а если и говорятъ, то вотъ что: „Берите насъ, каковы мы родились, берите насъ, какъ примете вы орла, любящаго вершины горъ и утесы, какъ примете вы голубой василекъ въ широкомъ, желтоводномъ морѣ

колыхающейся ржи: мы васъ ничему не учимъ и ни въ чемъ не виноваты; мы—дѣти любви нашихъ творцовъ, плоть отъ плоти ихъ, кровь отъ крови; насъ, какъ мать, выносила въ себѣ ихъ натура, и мы рождены, какъ рождены вы сами, а не сдѣланы, какъ сдѣланы предметы вашей роскоши или вашего испорченнаго вкуса. Примите насъ — если мы родились даже не совсѣмъ допошенныя; примите насъ, если мы родились даже съ какими-либо органическими недостатками; примите насъ, потому что и такими-то насъ вамъ не сдѣлать, потому что есть великая тайна въ нашемъ рожденіи, тайна, которой вы не услѣдите и не объясните. Мы не то, что сама жизнь, ибо мы не сколки съ нея; жизнь сама-по-себѣ, а мы сами-по-себѣ;—но мы такъ же самостоятельны, и необходимы, и живы, какъ самостоятельны, необходимы и живы ея вѣянія. Вы насъ не встрѣчали нигдѣ, и между тѣмъ—мы ваши старые знакомцы, вы насъ знаете: таково свойство нашего таинственнаго происхожденія, вслѣдствіе котораго мы существуемъ, не существуя, существуемъ явно, видимо, безспорно". Вотъ что сказали бы созданія искусства и что говорятъ они любящимъ ихъ, съ которыми бесѣдуютъ они такъ, какъ, иногда-же, равнодушная природа съ своими жрецами, съ тѣми, которые слышатъ

И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Но, не говоря ничего намѣренно, произведенія искусства связаны тѣмъ не менѣе органически съ жизнію творцовъ ихъ, и посредствомъ этого съ жизнію эпохи; какъ живыя порожденія, они выражаютъ собою то, что есть живого въ эпохѣ, часто какъ-бы предугадываютъ вдаль, разъясняютъ или опредѣляютъ смутные вопросы, сами нисколько, однако, не поставляя себѣ такого разъясненія задачею. Все *новое* вносится въ жизнь только искусствомъ: оно одно воплощаетъ въ созданіяхъ своихъ то, что невидимо присутствуетъ въ воздухѣ эпохи. Больше еще: искусство часто заранѣе чувствуетъ приближающееся будущее, какъ птицы заранѣе чувствуютъ ведро или ненастье: трагическая черта въ величавыхъ ликахъ олимпійскихъ изваяній, глубоко подмѣченная Гегелемъ, или, что все-равно, таинственныя и грозныя для Олимпійцевъ провѣщанія Эсхиловскаго Промиѳея — одно изъ ручательствъ за непосредственную прозорливость искусства, за его

истинно божественное происхожденіе. Великій поэтъ-философъ призналъ его поэтому за единственный истинный органъ даже своей трансцендентальной философіи. „Искусство“, говоритъ Шеллингъ, „отверзаетъ святилище, въ которомъ горитъ единымъ огнемъ, сливаясь въ первобытное и вѣчное единство — то, что раздѣлено въ природѣ и въ исторіи, что постоянно расходится въ жизни и въ интеллигенціи [1]). Для художника, равно какъ и для философа, природа является ни чѣмъ инымъ, какъ идеальнымъ міромъ, безконечно проявляющимся въ конечныхъ формахъ, отраженіемъ міра, имѣющаго только въ мысли полную реальность“... Искусство, связанное съ жизнію—видитъ, однако, дальше, нежели жизнь сама видитъ; а то, что уже есть въ жизни, то, что носится въ воздухѣ эпохи—постоянное или преходящее—оно отразитъ, какъ фокусъ, и отразитъ такъ, что всякій почувствуетъ правду отраженія, что всякій готовъ дивиться, какъ ему самому эта высшая правда жизни не представала прежде столь же ярко. Искусство уловляетъ вѣчно-текущую, вѣчно-несущуюся впередъ жизнь, отливаетъ моменты ея въ вѣковѣчныя формы, связывая ихъ процессомъ—опять-таки таинственнымъ—съ общею идеею души человѣческой...

Я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ этимъ общимъ положеніямъ, къ этому философско-эстетическому profession de foi—по крайней необходимости. Все, что нѣкогда блистательно было высказано по этому поводу Бѣлинскимъ, въ наше время какъ-будто забыто. Отъ великаго учителя нашего мы какъ-будто наслѣдовали только его вражды и симпатіи, вовсе забывши ихъ источники. Поневолѣ приходится повторять и повторяться, когда положенія, высказанныя разъ—да и высказанныя могущественнымъ борцомъ,— положенія, долженствовавшія стать навѣки нерушимыми, на время позабыты, заслонены вопросами минуты. Дурно ли, хорошо ли—я продолжаю въ этомъ отношеніи дѣло Бѣлинскаго, и горжусь этимъ смиреннымъ назначеніемъ,—не отвѣчая ни на цинническія выходки невѣжества, ни даже на минутныя требованія современности, предоставляя будущему разсудить, что̀ право: вѣрованіе ли въ жизнь и искусство, или вѣрованіе въ теорію и вопросы минуты?

Возвращаясь опять на почву фактовъ, я снова позволяю себѣ спросить: что многозначительнѣе по своему содержанію, глубже

[1]) Т.-е. въ разумѣ, въ сознаніи (Intelligenz). *Примѣч. В. С.*

по своему взгляду и даже выше по общественному, соціальному значенію,—неоконченныя ли и неполно высказанныя задачи „Дворянскаго гнѣзда“, или итоги Обломовки и программа „Тысячи душъ?“ Въ чемъ больше истиннаго пониманія окружающей насъ жизни и менѣе спорнаго, гдѣ вопросы поставлены проще и общѣе,—въ этомъ ли художественномъ недоноскѣ, или во множествѣ умно и гладко составленныхъ произведеній?

И прежде всего, позволяю себѣ сопоставить художественную идею „Дворянскаго гнѣзда“ съ идеею Обломова, произведенія уже успѣвшаго надѣлать много шуму, произведенія огромнаго, но чисто внѣшняго художественнаго дарованія. Весь Обломовъ построенъ на азбучномъ правилѣ: „возлюби трудъ и избѣгай праздности и лѣности—иначе впадешь въ обломовщину и кончишь, какъ Захаръ и его баринъ“. Не спорю, что это правило очень хорошее; не спорю, что и напоминать его весьма полезно намъ, ибо насъ, къ сожалѣнію, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ нашего тупого сна, слѣдуетъ обучать даже такимъ простымъ истинамъ, что воровать не хорошо и что лѣниться скверно. Понимаю также и то, что люди, живущіе исключительно вопросами минуты, люди честные и благородные, но недальновидные, должны были обрадоваться этой темѣ, какъ публицистъ „Современника“, и съ яростію накинуться вмѣстѣ съ авторомъ „Обломова“—и даже больше, чѣмъ самъ авторъ, на Обломовку и обломовщину. Не обвиняю ихъ и въ увлеченіяхъ, заставившихъ ихъ въ ряды обломовцевъ включить и Онѣгина, и Печорина, и Бельтова, и Рудина—приписываю этимъ невольнымъ увлеченіямъ самые лучшіе, самые благородные источники—и знаю, насколько обусловлена современными обстоятельствами отрицательная сторона этихъ увлеченій, т.-е. сторона вражды къ Обломовкѣ и обломовщинѣ. Но вѣдь азбучное правило, за которое онъ такъ ратоборствуетъ и которому пожертвовалъ романистъ даже граціознѣйшимъ созданіемъ — Ольгою, справедливо только, отвлеченно взятое. Какъ только вы имъ, этимъ достойнымъ, впрочемъ, всякой похвалы правиломъ, станете, какъ анатомическимъ ножомъ, разсѣкать то, что вы называете Обломовкой и обломовщиной, бѣдная обиженная Обломовка заговоритъ въ васъ самихъ, если только вы живой человѣкъ, органическій продуктъ почвы и народности. Пусть она погубила Захара и его барина; но вѣдь передъ ней же склоняется въ смиреніи Лаврецкій, въ ней же обрѣтаетъ онъ новыя

силы любить, жить и мыслить. Онъ долго сближался съ нею, шляясь охотникомъ по полямъ, по трясинамъ и болотамъ; онъ съ болью сердца (да простится мнѣ, что я начинаю уже смѣшивать самого поэта съ героемъ его послѣдняго произведенія) видѣлъ и видитъ ея больныя мѣста, ея запущенныя язвы; но онъ видитъ и то, что она неотдѣлима органически отъ его собственнаго бытія, что только на ея почвѣ можетъ онъ жить не искусственною, не гальваническою жизнію, и полный такого искренняго сознанія, готовъ скорѣе идти въ крайность положительнаго смиренія передъ нею, чѣмъ въ противоположную крайность азбучнаго правила.

А все оттого, что Лаврецкій живое, съ муками и болью выношенное въ душѣ поэта, лицо, а не холодное отвлеченіе различныхъ однородныхъ свойствъ и качествъ въ пользу теоріи.

Я оговаривался не разъ и оговорюсь еще теперь, что разсужденія о Тургеневѣ и его романѣ вовлекаютъ меня неминуемо почти во всѣ вопросы современности и во множество отступленій къ прошедшимъ эпохамъ... Какъ прикажете, напримѣръ, избѣгнуть вопроса о романѣ Гончарова, когда это послѣднее произведеніе своимъ мірозерцаніемъ представляетъ явный контрастъ произведеніямъ Тургенева вообще и послѣднему его произведенію въ особенности? Отношеніе къ почвѣ, къ жизни, къ вопросамъ жизни, стоитъ на первомъ планѣ какъ въ дѣятельности Гончарова, такъ и въ дѣятельности Тургенева, и необходимость параллели вытекаетъ изъ самой сущности дѣла, съ тѣмъ только различіемъ, что, говоря о Тургеневѣ, необходимо говорить о многомъ другомъ, кромѣ Гончарова, а говоря о Гончаровѣ, можно удовлетвориться только сопоставленіемъ съ нимъ Тургенева.

XXII.

Яркія достоинства таланта г. Гончарова признаны были безъ исключенія всѣми при появленіи его перваго романа: „Обыкновенной исторіи“. Разсказъ его „Иванъ Савичъ Поджабринъ“, написанный, какъ говорятъ, прежде, но напечатанный послѣ „Обыкновенной исторіи“, многимъ показался недостойнымъ писателя, такъ блестяще выступившаго на литературное поприще — хотя, признаюсь откровенно, я никогда не раздѣлялъ этого мнѣнія. Въ „Поджабринѣ“ точно такъ же, какъ и въ „Обыкновенной исторіи“,

обнаруживались почти одинаково всѣ данныя таланта г. Гончарова, и какъ то, такъ и другое произведеніе страдали равными, хотя и противоположными недостатками. Въ „Обыкновенной исторіи“ голый скелетъ психологической задачи слишкомъ рѣзко выдается изъ-за подробностей: въ „Поджабринѣ“ частныя, внѣшнія подробности совершенно поглощаютъ и безъ того уже небогатое содержаніе; оттого-то оба эти произведенія—собственно не художественныя созданія, а этюды, хотя, правда, этюды блестящіе яркимъ жизненнымъ колоритомъ, выказывающіе несомнѣнный талантъ высокаго художника, но художника, у котораго анализъ, и притомъ очень дешевый и поверхностный анализъ, подъѣлъ всѣ основы, всѣ корни дѣятельности. Сухой догматизмъ постройки „Обыкновенной исторіи“ кидается въ глаза всякому. Достоинство „Обыкновенной исторіи“ заключается въ отдѣльныхъ художественно обработанныхъ частностяхъ, а не въ цѣломъ, которое всякому, даже самому пристрастному читателю представляется какимъ-то натянутымъ развитіемъ напередъ заданной темы. Кому не явно, что Петръ Ивановичъ, съ его безпощаднымъ практическимъ взглядомъ, не лицо дѣйствительно существующее, а олицетвореніе извѣстнаго взгляда на вещи, нѣчто въ родѣ Стародумовъ, Здравомысловъ и Правосудовыхъ старинныхъ комедій—съ тѣмъ только различіемъ, что Стародумы, Здравомыслы и Правосудовы, при всей нелѣпости ихъ, были представителями убѣжденій гораздо болѣе благородныхъ и гуманныхъ, нежели узкая практическая теорія Петра Иваповича Адуева? Что, съ другой стороны, Александръ Адуевъ слишкомъ намѣренно выставленъ авторомъ и слабѣе и мельче своего дядюшки, что на днѣ всего лежитъ такая анти-поэтическая тема, такая пошлая мысль, которыхъ не выкупаютъ блестящія подробности?.. Замѣчательно въ высшей степени, что „Обыкновенная исторія“ понравилась даже отжившему поколѣнію, даже старичкамъ, даже помнится... „Сѣверной Пчелѣ“ (съ позволенія сказать!); это свидѣтельствовало не объ особенномъ ея художественномъ достоинствѣ, а просто о томъ, что воззрѣніе, подъ вліяніемъ котораго она написана, было не выше обычнаго уровня.

Та же самая анти-поэтичность мысли сказывается и въ „Снѣ Обломова“, этомъ зернѣ, изъ котораго родился весь Обломовъ, этомъ фокусѣ, къ которому онъ весь приводится, для котораго чуть ли не весь онъ написался... Анти-поэтичность азбучно-прак-

тической темы тѣмъ непріятнѣе подѣйствовала на безпристрастныхъ читателей, что внѣшнія силы таланта выступили тутъ съ необычайною яркостью. Вы помните, что прежде чѣмъ авторъ переноситъ васъ въ „райскій уголокъ земли“, созданный сномъ Обломова, онъ нѣсколькими штрихами мастерского карандаша рисуетъ иной край, иную жизнь, совершенно противоположные тѣмъ, въ которые переноситъ насъ сонъ героя... Вы чувствуете въ манерѣ изложенія присутствіе того истиннаго, спокойнаго творчества, которое, по волѣ своей, переноситъ васъ въ тотъ или другой міръ и каждому сочувствуетъ съ равною любовію... И потомъ, передъ вами до мелкихъ оттѣнковъ создается знакомый вамъ съ дѣтства бытъ, міръ тишины и невозмутимаго спокойствія, во всей его непосредственности. Авторъ становится истиннымъ поэтомъ— и, какъ поэтъ, умѣетъ стоять въ уровень съ создаваемымъ имъ міромъ, быть комически наивнымъ въ разсказѣ о чудовищѣ, найденномъ въ оврагѣ обитателями Обломовки, и глубоко трогательнымъ въ созданіи матери Обломова, и истиннымъ психологомъ въ исторіи съ письмомъ, которое такъ страшно было распечатать мирнымъ жителямъ „райскаго уголка земли“, и, наконецъ, эпически-объективнымъ художникомъ въ изображеніи того послѣобѣденнаго сна, который объемлетъ всю Обломовку. Помните еще мѣсто о сказкахъ, которыя повѣствовались Ильѣ Ильичу и, конечно, всѣмъ намъ болѣе или менѣе, которыхъ пеструю и широко фантастическую канву поэтъ развертываетъ съ такою силою фантазіи? Помните еще остальныя подробности: семейный разговоръ въ сумерки, негодованіе жены Ильи Ивановича на его безпамятство въ отношеніи къ разнымъ примѣтамъ, сборы его отвѣчать на письмо, составлявшее нѣсколько времени предметъ тревожнаго страха?.. Все это полный, художнически созданный міръ, влекущій васъ неодолимо въ свой очарованный кругъ...

И для чего же *гибель сія бысть?* Для чего же поднятъ весь этотъ міръ, для чего объективно изображенъ онъ съ его настоящимъ и съ его преданіями? Для того, чтобъ наругаться надъ нимъ во имя практически-азбучнаго правила, во имя китайскихъ воззрѣній Петра Ивановича Адуева, или во имя татарско-нѣмецкаго воззрѣнія Штольца; ибо Штольцъ все-таки татаринъ, хоть и нѣмецъ, татаринъ по душѣ и по дѣлу въ своей раздѣлкѣ съ кредиторомъ Ильи Ильича... Для чего въ самомъ „Снѣ“ — непріятно-

рѣзкая струя иронія въ отношеніи къ тому, что̀ все-таки выше Штольцовщины и Адуевщины?

Странныя задачи представляютъ произведенія нашего времени. Какъ, читая произведенія г. Гончарова не скажешь, что талантъ ихъ автора неизмѣримо выше воззрѣній, ихъ породившихъ!

Но все имѣетъ свои историческія причины.

Отношеніе къ дѣйствительности Гоголя, выразившееся по преимуществу въ юморѣ—этотъ горькій смѣхъ, карающій какъ Немезида, потому что въ немъ слышится стонъ по идеалѣ, смѣхъ, полный любви и симпатіи, смѣхъ, возвышающій моральное существо человѣка,—такое отношеніе могло явиться правымъ и цѣломудреннымъ только въ цѣльной натурѣ истиннаго художника. Не всѣ даже уразумѣли тогда вполнѣ эту любовь, дѣйствующую посредствомъ смѣха, это горячее стремленіе къ идеалу. Для многихъ, даже для большей части, понятна была только форма произведеній Гоголя; очевидно было только то, что новая руда открыта великимъ поэтомъ, руда анализа повседневной, обычной дѣйствительности; и на то самое, на что̀ Гоголь смотрѣлъ съ любовью къ неперемѣнной правдѣ, къ идеалу, — на то другіе, даже весьма даровитые люди, взглянули только съ личнымъ убѣжденіемъ или съ предубѣжденіемъ. Отсюда ведутъ свое начало разныя сатирическія очерки и безконечное множество повѣстей литературы сороковыхъ годовъ, кончавшихся вѣчнымъ припѣвомъ: „и вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка!“—повѣстей, въ которыхъ, по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, съ героями и героинями, задыхавшимися въ *грязной* дѣйствительности, совершались самыя удивительныя *превращенія,* въ которыхъ все, окружавшее героя или героиню, намѣренно изображалось карикатурно. Произведенія съ такимъ направленіемъ писались въ былую пору въ безчисленномъ количествѣ; ложь ихъ заключалась преимущественно въ томъ, что они запутывали читателя подробностями, взятыми повидимому изъ простой повседневной дѣйствительности, доказывающими въ авторахъ ихъ несомнѣнный талантъ наблюдательности, и вводили людей несвѣдущихъ, незнакомыхъ съ бытомъ, въ заблужденіе. Безспорно, что была и хорошая сторона и своего рода заслуга въ этой чисто-отрицательной манерѣ—но односторонность и ложь ея скоро обнаружились весьма явно. Забавнѣе всего было то, что никогда такъ сильно не бранили романтизма, какъ въ эту эпоху самыхъ романтическихъ отношеній авторовъ въ дѣйствительности.

Такое отношеніе къ дѣйствительности не могло быть продолжительно по самымъ основнымъ своимъ началамъ. Примиреніе, т.-е. ясное разумѣніе дѣйствительности, необходимо человѣческой душѣ, и искать его приходилось поневолѣ въ той же самой дѣйствительности,—тѣмъ болѣе, что находилось много людей, которые съ сомнѣніемъ качали головою, читая разныя карикатурныя изображенія дѣйствительности, и дерзали думать, что слишкомъ мрачныя или слишкомъ грубыя краски употреблялись на картинѣ, что живописцы видимо находятся въ припадкѣ *меланхоліи*, что *родственники* разныхъ барышень вовсе не такіе звѣри, какими они кажутся писателямъ, что даже и особенно грязны являются они только потому, что какому-нибудь *меланхолическому* автору хотѣлось, въ видѣ особенной добродѣтели, выставить *чистоплотность* какой-нибудь Наташи... Усомнились, однимъ словомъ, въ томъ, чтобы дѣйствительность была такъ грязна и черна, а романтическая личность такъ права въ своихъ требованіяхъ, какъ угодно было ту и другую показывать повѣствователямъ. Русскій человѣкъ отличается, какъ извѣстно, особенною смѣтливостію: онъ готовъ признать всѣ свои дѣйствительные недостатки—но не станетъ ихъ преувеличивать и не впадетъ поэтому въ мрачное мистическое отчаяніе.

Въ общемъ убѣжденіи образовался протестъ противъ исключительныхъ требованій романтической личности — за дѣйствительность.

Но за какую дѣйствительность?

Вѣдь у насъ ихъ, дѣйствительностей, видимымъ образомъ — двѣ. Одна на показъ—оффиціальная, другая подъ спудомъ—бытовая... Разъяснить этой мысли здѣсь нѣтъ необходимости. Протестъ поднимался тогда еще смутно, самъ для себя неясный — въ первый разъ даже болѣе за внѣшнюю, показную дѣйствительность.

Въ отвѣтъ на этотъ смутный, неопредѣленный протестъ, явилось примѣчательно яркое, но чисто внѣшнее дарованіе, безъ глубокаго содержанія, безъ стремленія къ идеалу, — дарованіе г. Гончарова. На требованіе оно отвѣтило, какъ могло и какъ умѣло, „Обыкновенной исторіей“, этой эпопеей чиновническаго воззрѣнія и азбучной мудрости, стоявшей совершенно въ уровень съ первыми, поверхностными началами протеста за дѣйствительность противъ романтической личности. Дарованіе г. Гончарова не пошло по новой дорогѣ: оно вышло цѣликомъ изъ той же

самой категоріи произведеній, и было только ея цвѣтомъ. Примиреніе выразилось въ „Обыкновенной исторіи“ ироніею какого-то отчаянія, смѣхомъ надъ протестомъ личности съ одной стороны, и апооеозою торжества сухой, безжизненной, безъосновной практичности. Все было тутъ принесено въ жертву этой иронiи. Авторъ вывелъ двѣ фигуры: одну — жиденькую, худенькую, слабенькую съ ярлыкомъ на лбу: „романтизмъ quasi-молодого поколѣнія“, и другую—крѣпкую, спокойную и опредѣленную, какъ математика, съ ярлыкомъ на лбу: „практическій умъ“; сей послѣдній, разумѣется, торжествовалъ въ своихъ разсчетахъ, какъ добродѣтельная любовь въ старинныхъ романахъ и комедіяхъ. Такова была мысль произведенія г. Гончарова, мысль ни мало не скрытая, а, напротивъ, просившаяся наружу, кричавшая въ каждой фигурѣ романа. Мнѣого нужно было таланта для того, чтобы читатели забывали явно искусственную постройку произведенія, — но, кромѣ силы таланта, мысль отвѣтила на требованіе большинства, т.-е. моральнаго и общественнаго мѣщанства. Романъ—повторяю я—понравился всѣмъ такъ-называемымъ практическимъ людямъ, которые всегда любятъ, когда бранятъ молодое поколѣніе за разныя *несообразныя* и *неподобныя* стремленія, понравился даже тѣмъ господамъ, которые косо посматривали на „Мертвыя души“, или издѣвались надъ ними. Въ наивной радости своей — протестъ за внѣшнюю, показную дѣйствительность не замѣчалъ, что иронія романа пропадала задаромъ, что романтическое стремленіе не признавало, не признаётъ и не признаётъ въ жиденькомъ Александрѣ Адуевѣ своего питомца.

Прошло много времени, пока протестъ за дѣйствительность выросъ и окрѣпъ до сознанія. Въ теченіе всего этого времени талантъ г. Гончарова напомнилъ о себѣ только кругосвѣтнымъ путешествіемъ на фрегатѣ Паллада,—и въ этой книгѣ остался вѣренъ самому себѣ, или, лучше-сказать, тому низменному уровню, до котораго онъ себя умалилъ. Поразительно яркія описанія природы, мастерство отдѣлки мелочныхъ подробностей, наблюдательность остроумная и мѣткая, и положительное отсутствіе идеала во взглядѣ,—вотъ что явилось въ этой книгѣ, которую опять-таки съ жадностью прочла вся публика—она вѣдь у насъ нѣсколько охотница до японскихъ воззрѣній, особенно, если этимъ воззрѣніямъ обрекъ себя на служеніе талантъ безспорно-сильный.

Явился наконецъ давно жданный „Обломовъ“. Прежде всего, онъ

не сказалъ ничего новаго. Все его новое высказано было гораздо прежде въ „Снѣ Обломова“—я разумѣю все существенно-новое, такое, что возбуждаетъ толки, возбуждаетъ вражды и симпатіи. Успѣхъ „Обломова“—что̀ ни говорите—былъ уже спорный, вовсе не то, что̀ успѣхъ „Обыкновенной исторіи“. Да оно такъ и должно было быть. Эпоха другая—сознаніе выросло. „Обыкновенная исторія“ польстила требованію минуты, требованію большинства, чиновничества, моральнаго мѣщанства. „Обломовъ“ ничему не польстилъ—и опоздалъ по крайней мѣрѣ пятью или шестью годами... Въ „Обломовѣ“ Гончаровъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ „Обыкновенной исторіи“, и построенъ его „Обломовъ“ по такимъ же сухимъ догматическимъ темамъ, какъ „Обыкновенная исторія“. Въ подробностяхъ своихъ онъ, если хотите, еще выше „Обыкновенной исторіи“, психологическимъ анализомъ еще глубже; но наше сознаніе, сознаніе эпохи, шло впередъ, а сознаніе автора „Обыкновенной исторіи“ застряло въ Японіи. Польстилъ Обломовъ только весьма небольшому кружку людей, которые вѣрятъ еще тому, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія — наша собственная натура, наши существенно бытовыя черты, и что все спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узенькой теоріи... Воззрѣнія этого небольшого кружка тоже далеко отстали отъ вопросовъ эпохи.

Герои нашей эпохи—не Штольцъ Гончарова и не его Петръ Ивановичъ Адуевъ,—да и героиня нашей эпохи тоже—не его Ольга, изъ которой подъ старость, если она точно такова, какою, вопреки многимъ граціознымъ сторонамъ ея натуры, показываетъ ее намъ авторъ, выйдетъ преотвратительная барыня, съ вѣчною и безцѣльною нервною тревожностью, истинная мучительница всего окружающаго, одна изъ жертвъ Богъ знаетъ чего-то. Я почти увѣренъ, что она будетъ умирать какъ барыня въ „Трехъ смертяхъ“ Толстого... Ужъ если между женскими лицами г. Гончарова придется выбирать непремѣнно героиню, безпристрастный и непотемнѣнный теоріями умъ выберетъ, какъ выбралъ Обломовъ, Агаѳью Ѳедосѣевну,—не потому только, что у нея локти соблазнительны и что она хорошо готовитъ пироги, а потому, что она гораздо болѣе женщина, чѣмъ Ольга.

Дѣло въ томъ, что у самого автора „Обломова“—какъ у таланта все-таки огромнаго, стало быть живого—сердце лежитъ гораздо больше къ Обломову и къ Агаѳьѣ, чѣмъ къ Штольцу и къ

Ольгѣ. За надгробное слово Обломову и его хорошимъ сторонамъ—его чуть-что не упрекнули ярые гонители обломовщины, которымъ онъ польстилъ и которые—plus royalistes que le roi—яростно накинулись не только на Обломова, но, по поводу его, на Онѣгина, Печорина, Бельтова и Рудина, во имя Штольца, и самого Штольца принесли въ очистительную жертву Ольгѣ. Въ послѣднемъ нельзя съ ними не согласиться: Ольга, точно, умнѣе Штольца: онъ ей, съ одной стороны, надоѣстъ, а съ другой—попадетъ къ ней подъ башмакъ, и дѣйствительно будетъ жертвою того духа нервнаго *самогрызенія*, которое эффектно въ ней только пока еще она молода, а подъ старость обратится на мелочи и станетъ однимъ изъ обычныхъ физіологическихъ отправленій.

XXIII.

Инымъ путемъ шелъ Тургеневъ: его произведенія, какъ я уже сказалъ, представляютъ собой развитіе всей нашей эпохи. Съ нею вмѣстѣ онъ любилъ, вѣрилъ, сомнѣвался, проклиналъ, вновь надѣялся и вновь вѣрилъ — не боясь никакихъ крайнихъ граней мысли, или, лучше сказать, увлекаясь самъ мыслію до крайнихъ ея граней и беззавѣтно отдаваясь всѣмъ увлеченіямъ. Отъ этого, читая его послѣднее произведеніе, вы, что ни шагъ—повѣряете процессъ, который совершался въ цѣлой эпохѣ, что ни шагъ—сталкиваетесь съ образами, возродившимися, пожалуй, въ новыхъ и лучшихъ формахъ, но которыхъ сѣмена и даже зародыши коренятся въ далекомъ прошедшемъ. Вы поднимаете слой за слоемъ—и болѣе всего поражаетесь органическою связью слоевъ между собою...

Доказательствомъ этой органической связи служитъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ въ особенности исторія отца и дѣда Лаврецкаго, мѣсто, которое одному критику, въ числѣ многихъ другихъ мѣстъ, показалось, какъ онъ выразился, ретроспективнымъ. Критикъ, сильно хлопочущій объ освобожденіи искусства отъ порабощенія, въ увлеченіи своемъ исключительно-эстетическимъ взглядомъ—не замѣтилъ того весьма яваго и существеннаго недостатка „Дворянскаго гнѣзда“, о которомъ я говорилъ въ началѣ предшествовавшей статьи. Только слѣпому развѣ не видно того, что на огромномъ холстѣ, натянутомъ для огромной исторической картины, нарисовался одинъ центръ драмы, да по мѣстамъ отдѣланы эпизоды, да остались тоже по мѣстамъ очерки.

Типъ, котораго послѣднимъ выраженіемъ у Тургенева является Лаврецкій, создавался долгимъ процессомъ, долженъ былъ воплотить въ себѣ весь этотъ процессъ, процессъ нашей, послѣ-Пушкинской эпохи. Но между тѣмъ, что должно было быть, и тѣмъ, что есть, что намъ дано—значительная разница. Судить о типѣ по тому, какъ онъ явился въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, и на этомъ только основаніи заключать о художественности или нехудожественности его выполненія, и цѣлаго произведенія, въ которомъ онъ является,—значитъ положительно не понять дѣла по отношенію къ Тургеневу, не понять задачъ, внутренняго смысла его поэтической дѣятельности.

Что главнымъ образомъ *сказалось* въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“?

Знаете-ли, что отвѣчать на этотъ вопросъ—*потрудные*, чѣмъ отвѣчать на вопросъ, что *сказалось* въ Обломовѣ? Никакимъ нравственнымъ правиломъ, никакою сентенціей вы на этотъ вопросъ не отвѣтите. Что сказалось? Да мало-ли что тутъ сказалось! Вся эпоха отъ смерти Пушкина до нашихъ дней тутъ сказалась: весь Пушкинскій процессъ, который я называю нашимъ душевнымъ Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ, тутъ сказался; ибо весь этотъ процессъ долженъ былъ повториться въ Тургеневѣ для того, чтобы — худо-ли, хорошо-ли, но — создался новый, живой типъ, уже не отрицательный только, а положительный; загнанный, смиренный, простой человѣкъ, доселѣ только позволявшій себѣ изрѣдка критическое или комическое отношеніе къ блестящему, хищному человѣку, и большею частію то подбиравшій чужую любовь, да и то не впопадъ, то смѣявшійся судорожнымъ смѣхомъ „Гамлета Щигровскаго уѣзда“ надъ своимъ безсиліемъ, то плакавшій горькимъ плачемъ „лишняго человѣка“,— переходитъ въ живой, положительный образъ.

Что сказалось „Дворянскимъ гнѣздомъ“? Вся умственная жизнь послѣ—Пушкинской эпохи, отъ туманныхъ еще началъ ея въ кружкѣ Станкевича, до рѣзкаго постановленія вопросовъ Бѣлинскимъ, и отъ рѣзкости Бѣлинскаго до уступокъ—весьма значительныхъ—сдѣланныхъ мыслію жизни и почвѣ... Борьба славянофильства и западничества, и борьба жизни съ теоріею—славянофильскою или западною, все равно—завершается въ поэтическихъ задачахъ Тургеневскаго типа побѣдою жизни надъ теоріями...

Опять повторяю: Лаврецкій пріѣхалъ не умирать, а жить на свою родную почву,—и родная жизнь встрѣчаетъ его сразу сво-

имъ міромъ, и этотъ міръ—его же собственный міръ, съ которымъ ему нельзя, да и незачѣмъ раздѣляться.

„Образы прошедшаго, попрежнему, не спѣша, поднимались, всплывали въ его душѣ, мѣшаясь и путаясь съ другими представленіями. Лаврецкій, Богъ знаетъ почему, сталъ думать о Робертѣ Пилѣ... о французской исторіи... о томъ, какъ бы онъ выигралъ сраженіе, еслибъ онъ былъ генераломъ; ему чудились выстрѣлы и крики... Голова его скользила на бокъ, онъ открывалъ глаза... Тѣ же поля, тѣ же степные виды; стертыя подковы пристяжныхъ попеременно сверкаютъ сквозь волнистую пыль; рубаха ямщика, желтая, съ красными ластовицами, надувается отъ вѣтра... „Хорошъ возвращаюсь я на родину“—промелькнуло у Лаврецкаго въ головѣ, и онъ закричалъ: „пошелъ!“ запахнулся въ шинель и плотнѣе прижался къ подушкѣ. Тарантасъ толкнуло: Лаврецкій выпрямился и широко раскрылъ глаза. Передъ нимъ на пригоркѣ тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднѣлся ветхій господскій домикъ, съ закрытыми ставнями и кривымъ крылечкомъ; по широкому двору отъ самыхъ воротъ росла крапива, зеленая и густая, какъ конопля; тутъ же стоялъ дубовый, еще крѣпкій амбарчикъ. Это было Васильевское.

„Ямщикъ повернулъ къ воротамъ, остановилъ лошадей; лакей Лаврецкаго приподнялся на козлахъ и, какъ бы готовясь соскочить, закричалъ: гей! Раздался сиплый, глухой лай, но даже собаки не показались. Лакей снова приготовился соскочить и закричалъ: гей! Повторился дряхлый лай, и спустя мгновенье на дворъ, неизвѣстно откуда, выбѣжалъ человѣкъ въ нанковомъ кафтанѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, головой; онъ посмотрѣлъ, защищая глаза отъ солнца, на тарантасъ, ударилъ вдругъ себя обѣими руками по ляжкамъ, сперва немного заметался на мѣстѣ, потомъ бросился отворять ворота. Тарантасъ въѣхалъ во дворъ, шурша колесами по крапивѣ, и остановился передъ крыльцомъ. Бѣлоголовый человѣкъ, весьма повидимому юркій, уже стоялъ, широко и криво разставивъ ноги, на послѣдней ступенькѣ, отстегнулъ передокъ, судорожно дернувъ къ верху кожу, и помогая барину спуститься на землю, поцѣловалъ у него руку.

„— Здравствуй, здравствуй, братъ,—проговорилъ Лаврецкій,—тебя, кажется, Антономъ зовутъ? Ты живъ еще?

„Старикъ молча поклонился и побѣжалъ за ключами. Пока онъ бѣгалъ, ямщикъ сидѣлъ неподвижно, сбочась и поглядывая на запертую дверь; а лакей Лаврецкаго, какъ спрыгнулъ, такъ и остался въ живописной позѣ, закинувъ одну руку на козлы. Старикъ принесъ ключи и, безо всякой нужды изгибаясь, какъ змѣя, и высоко поднимая локти, отперъ дверь, посторонился и опять поклонился въ поясъ.

„Вотъ я и дома, вотъ я и вернулся, подумалъ Лаврецкій, входя въ крошечную переднюю, между тѣмъ, какъ ставни со

стукомъ и визгомъ отворялись одинъ за другимъ, и дневной свѣтъ проникалъ въ опустѣлые покои".

Онъ дома—онъ вернулся и, по слову поэта

Минувшее меня объемлетъ живо,
И, кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ... Вотъ смиренный домикъ, и т. д.

Связи его съ этимъ міромъ—родныя, коренныя, кровныя.

„Небольшой домикъ, куда пріѣхалъ Лаврецкій, и гдѣ два года тому назадъ скончалась Глафира Петровна, былъ выстроенъ въ прошломъ столѣтіи изъ прочнаго сосноваго лѣсу; онъ на видъ казался ветхимъ, но могъ простоять еще лѣтъ пятьдесятъ или болѣе. Лаврецкій обошелъ всѣ комнаты и, къ великому безпокойству старыхъ, вялыхъ мухъ съ бѣлою пылью на спинѣ, неподвижно сидѣвшихъ подъ приголоками, велѣлъ всюду открыть окна: съ самой смерти Глафиры Петровны никто не отпиралъ ихъ. Все въ домѣ осталось, какъ было: тонконогіе бѣлые диванчики въ гостиной, обитые глянцовитымъ сѣрымъ штофомъ, протертые и продавленные, живо напоминали Екатерининскія времена; въ гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, съ высокой и прямой спинкой, къ которой она и въ старости не прислонялась. На главной стѣнѣ висѣлъ старинный портретъ Ѳедорова прадѣда, Андрея Лаврецкаго; темное, желчное лицо едва отдѣлялось отъ почернѣвшаго и покороблена го фона; небольшіе злые глаза угрюмо глядѣли изъ-подъ нависшихъ, словно опухшихъ вѣкъ; черные волосы безъ пудры щеткой вздымались надъ тяжелымъ, изрытымъ лбомъ. На углѣ портрета висѣлъ вѣнокъ изъ запыленныхъ иммортелей: „Сами Глафира Петровна изволили плести", доложилъ Антонъ. Въ спальнѣ возвышалась узкая кровать подъ пологомъ изъ стародавней, весьма добротной полосатой матеріи; горка полинялыхъ подушекъ и стеганое жидкое одѣяльце лежали на кроватп, а у изголовья висѣлъ образъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, тотъ самый образъ, къ которому старая дѣвица, умирая одна и всѣми забытая, въ послѣдній разъ приложилась уже хладѣющими губами. Туалетный столикъ изъ штучнаго дерева, съ мѣдными бляхами и кривымъ зеркальцемъ, съ почернѣлой позолотой, стоялъ у окна. Рядомъ съ спальней находилась образная, маленькая комнатка, съ голыми стѣнами и тяжелымъ кіотомъ въ углѣ; на полу лежалъ истертый и закапанный воскомъ коверчикъ; Глафира Петровна клала на немъ земные поклоны. Антонъ отправился съ лакеемъ Лаврецкаго отпирать конюшню и сарай; на мѣсто его явилась старушка, чуть ли не ровесница ему, повязанная платкомъ по самыя брови; голова ея тряслась и глаза глядѣли тупо, но выражали усердіе, давнишнюю привычку служить безотвѣтно, и въ то же время—какое-то почтительное сожалѣніе. Она подошла къ рукѣ Лаврецкаго и остановилась у двери, въ ожиданіи приказа-

ній. Онъ рѣшительно не помнилъ, какъ ее звали, не помнилъ даже, видѣлъ ли ее когда-нибудь. Оказалось, что ее звали Апраксѣей; лѣтъ сорокъ тому назадъ, та же Глафира Петровна сослала ее съ барскаго двора и велѣла ей быть птичницей; впрочемъ, она говорила мало,—словно изъ ума выжила,—а глядѣла подобострастно. Кромѣ этихъ двухъ стариковъ да трехъ пузатыхъ ребятишекъ въ длинныхъ рубашонкахъ, Антоновыхъ правнуковъ, жилъ еще на барскомъ дворѣ однорукій безтягольный мужичонка; онъ бормоталъ, какъ тетеревъ, и не былъ способенъ ни на что; не многимъ полезнѣе его была дряхлая собака, привѣтствовавшая лаемъ возвращеніе Лаврецкаго: она уже лѣтъ десять сидѣла на тяжелой цѣпи, купленной по распоряженію Глафиры Петровны, и едва-едва была въ состояніи двигаться и влачить свою пошу. Осмотрѣвъ домъ, Лаврецкій вышелъ въ садъ, и остался имъ доволенъ. Онъ весь заросъ бурьяномъ, лопухами, крыжовникомъ и малиной; но въ немъ было много старыхъ липъ, которыя поражали своею громадностью и страннымъ расположеніемъ сучьевъ: они были слишкомъ тѣсно посажены и когда-то—лѣтъ сто тому назадъ—стрижены. Садъ оканчивался небольшимъ свѣтлымъ прудомъ съ каймою изъ высокаго красноватого тростника. Слѣды человѣческой жизни глохнутъ очень скоро: усадьба Глафиры Петровны не успѣла одичать, но уже казалась погруженной въ ту тихую дрему, которою дремлетъ все на землѣ, гдѣ только нѣтъ людской, безпокойной заразы. Осдоръ Ивановичъ прошелся также по деревнѣ; бабы глядѣли на него съ порога своихъ избъ, подпирая щеку рукою; мужики издали кланялись, дѣти бѣжали прочь, собаки равнодушно лаяли. Ему наконецъ захотѣлось ѣсть; но онъ ожидалъ свою прислугу и повара только къ вечеру; обозъ съ провизіей изъ Лаврикова еще не прибывалъ,—пришлось обратиться къ Антону. Антонъ сейчасъ распорядился: поймалъ, зарѣзалъ и ощипалъ старую курицу; Апраксѣя долго терла и мыла ее, какъ бѣлье, прежде чѣмъ положила въ кострюлю; когда она наконецъ сварилась, Антонъ накрылъ и убралъ столъ, поставилъ передъ приборомъ почернѣвшую солонку аплике о трехъ ножкахъ и граненый графинчикъ съ круглой стеклянной пробкой и узкимъ горлышкомъ; потомъ доложилъ Лаврецкому пѣвучимъ голосомъ, что кушанье готово,—и самъ сталъ за его стуломъ, обернувъ правый кулакъ салфеткой и распространяя какой-то крѣпкій, древній запахъ, подобный запаху кипарисоваго дерева. Лаврецкій отвѣдалъ супу и досталъ курицу; кожа ея была вся покрыта крупными пупырышками; толстая жила шла по каждой ногѣ, мясо отзывалось древесиной и щёлокомъ. Пообѣдавъ, Лаврецкій сказалъ, что выпилъ бы чаю, если... „Сею минутою-съ подамъ-съ“, перебилъ его старикъ,—и сдержалъ свое обѣщаніе. Сыскалась щепотка чаю, завернутая въ клочокъ красной бумажки; сыскался небольшой, но прорьяный и шумливый самоварчикъ; сыскался и сахаръ, въ очень маленькихъ, словно обтаявшихъ

кускахъ. Лаврецкій напился чаю изъ большой чашки; онъ еще съ дѣтства помнилъ эту чашку: игорныя карты были изображены на ней, изъ нея пили только гости,—и онъ пилъ изъ нея, словно гость. Къ вечеру прибыла прислуга.—Лаврецкому не захотѣлось лечь въ теткиной кровати; онъ велѣлъ постлать себѣ постель въ столовой. Погасивъ свѣчку, онъ долго глядѣлъ вокругъ себя и думалъ невеселую думу; онъ испытывалъ чувство, знакомое каждому человѣку, которому приходится въ первый разъ почевать въ давно необитаемомъ мѣстѣ; ему казалось, что обступившая его со всѣхъ сторонъ темнота не могла привыкнуть къ новому жильцу, что самыя стѣны недоумѣваютъ. Наконецъ онъ вздохнулъ, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ. Антонъ дольше всѣхъ остался на ногахъ; онъ много шептался съ Аксѣей, охалъ въ полъ-голоса, раза два перекрестился; они оба не ожидали, чтобы баринъ поселился у нихъ въ Васильевскомъ, когда у него подъ бокомъ было такое славное имѣнье съ отлично-устроенной усадьбой; они и не подозрѣвали, что самая эта усадьба была противна Лаврецкому: она возбуждала въ немъ тягостныя воспоминанія. Нашептавшись вдоволь, Антонъ взялъ палку, поколотилъ по висячей, давно безмолвной доскѣ у амбара и тутъ же прикорнулъ на дворѣ, ничѣмъ не прикрывъ свою бѣлую голову. Майская ночь была тиха и ласкова,—и сладко спалось старику".

Пусть противна Лаврецкому эта усадьба, возбуждающая въ немъ тягостныя воспоминанія. Въ воспоминаніяхъ виновата не она, эта усадьба—виноватъ онъ самъ. Отъ воспоминаній этихъ, еще прежде, возвращаясь только домой, онъ невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли и встряхнулъ головой... Не съ чувствомъ гордости или вражды вступаетъ онъ снова въ старый, съ дѣтства знакомый міръ:

„Въ теченіе двухъ недѣль Ѳедоръ Ивановичъ привелъ домикъ Глафиры Петровны въ порядокъ; расчистилъ дворъ, садъ; изъ Лавриковъ привезли ему удобную мебель, изъ города вино, книги, журналы; на конюшнѣ появились лошади; словомъ, Ѳедоръ Иванычъ обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить—не то помѣщикомъ, не то отшельникомъ. Дни его проходили однообразно; но онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ; онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, читалъ. Впрочемъ, онъ читалъ мало: ему пріятнѣе было слушать разсказы старика Антона. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холоднаго чая къ окну; Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ руки,—и начиналъ свои неторопливые разсказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавали не мѣрками, а

въ большихъ мѣшкахъ, по двѣ и по три копѣйки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны даже подъ городомъ тянулись непроходимые лѣса, нетронутыя степи. „А теперь“, жаловался старикъ, которому уже стукнуло лѣтъ за восемьдесятъ,—„такъ все вырубили да распахали, что проѣхать негдѣ“. Также разсказывалъ Антонъ много о своей госпожѣ, Глафирѣ Петровнѣ: какія онѣ были разсудительныя и бережливыя; какъ нѣкоторый господинъ, молодой сосѣдъ, поддѣлывался было къ нимъ, часто сталъ наѣзжать,—и какъ онѣ для него изволили даже надѣвать свой праздничный чепецъ съ лентами, какъ потомъ, разгнѣвавшись на господина сосѣда за неприличный вопросъ: „что, молъ, должонъ быть у васъ, сударыня, капиталъ?“ приказали ему отъ дому отказать, и какъ онѣ тогда же приказали, чтобъ все послѣ ихъ кончины, даже до самомалѣйшей тряпицы, было предоставлено Ѳедору Ивановичу. И точно: Лаврецкій нашелъ весь тетькинъ скарбъ въ цѣлости, не выключая праздничнаго чепца съ лентами цвѣта массака и желтаго платья изъ трю-трю-левантина. Старинныхъ бумагъ, любопытныхъ документовъ, на которые разсчитывалъ Лаврецкій, не оказалось никакихъ, кромѣ одной ветхой книжки, въ которую дѣдушка его Петръ Андреичъ вписывалъ—то: „Празднованіе въ городѣ Санктпетербургѣ замиренія, заключеннаго съ Турецкой имперіей его сіятельствомъ княземъ Александромъ Александровичемъ Прозоровскимъ“; то рецептъ грудного декохта съ примѣчаніемъ: „Сіе наставленіе дано генеральшѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой отъ протопресвитера церкви Живоначальныя Троицы Ѳеодора Авксентіевича“; политическую новость слѣдующаго рода: „О тиграхъ французахъ что-то замолкло“:—и тутъ же рядомъ: „Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ показано, что скончался господинъ премiеръ-маіоръ Михаилъ Петровичъ Колычевъ. Не Петра ли Васильевича Колычева сынъ?“ Лаврецкій нашелъ также нѣсколько старыхъ календарей и сонниковъ и таинственное сочиненіе г. Амбодика; воспоминанія возбудили въ немъ давно забытыя, но знакомыя „Символы и Эмблемы“. Въ туалетномъ столикѣ Глафиры Петровны Лаврецкій нашелъ небольшой пакетъ, завязанный черной ленточкой, запечатанный чернымъ сургучомъ и засунутый въ самую глубь ящика. Въ пакетѣ лежали лицомъ къ лицу пастелевый портретъ его отца въ молодости, съ мягкими кудрями, разсыпанными по лбу, съ длинными, томными глазами и полураскрытымъ ртомъ,—и почти стертый портретъ блѣдной женщины въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ розаномъ въ рукѣ,—его матери. Съ самой себя Глафира Петровна никогда не позволяла снять портрета. „Я батюшка, Ѳедоръ Иванычъ“, говаривалъ Лаврецкому Антонъ,—„хоша и въ господскихъ хоромахъ тогда жительства не имѣлъ, а вашего прадѣдушку, Андрея Аоанасьича помню—какъ же: мнѣ, когда они скончались, восемнадцатый годочекъ пошелъ. Разъ я имъ въ саду встрѣлся,—такъ даже поджилки затряслися; однако они ни-

чего, только спросили, какъ зовутъ,—и въ свой покой за носовымъ платкомъ послали. *Баринъ былъ, что и говорить—и старшаго надъ собой не зналъ. Потому была, доложу вамъ, у вашего прадѣдушки чудная такая ладонка; съ Аѳонской горы имъ монахъ ту ладонку подарилъ. И сказалъ онъ ему этта, монахъ-то: за твое, баринъ, радушіе сіе тебѣ дарю; носи—и суда не бойся.* Ну, да вѣдь, тогда, батюшка, извѣстно, какія были времена: что баринъ восхотѣлъ, то и творилъ. Бывало, кто даже изъ господъ вздумаетъ имъ перечить, такъ они только посмотрятъ на него да скажутъ: мелко плаваешь; — самое это у нихъ было любимое слово. И жилъ онъ, вашъ блаженныя памяти прадѣдушка въ хоромахъ деревянныхъ малыхъ; а что добра послѣ себя оставилъ, серебра что, всякихъ запасовъ, — всѣ подвалы биткомъ набиты были. Хозяинъ былъ. Тотъ-то графинчикъ, что вы похвалить изволили,—ихъ былъ: изъ него водку кушали. *А вотъ дѣдушка вашъ, Петръ Андреичъ, и палаты себѣ поставилъ каменныя, а добра не нажилъ; все у нихъ пошло хинею; и жили они хуже папенькинаго, и удовольствій никакихъ себѣ не производили, — а денежки всѣ порѣшилъ, и помянуть его нечѣмъ;* ложки серебряной отъ нихъ не осталось,—и то еще спасибо, Глафира Петровна порадѣла".

„— А правда ли,—перебивалъ его Лаврецкій,—ее старой колотовкой звали?

„— Да вѣдь кто звалъ!—возражалъ съ неудовольствіемъ Антонъ...

„— А что, батюшка,—рѣшился спросить однажды старикъ,—что наша барыня, гдѣ изволитъ свое пребываніе имѣть?

„— Я развелся съ женою,—проговорилъ съ усиліемъ Лаврецкій.—Пожалуйста, не спрашивай о ней.

„— Слушаю-съ, печально возразилъ старикъ".

Какая огромная разница между этими мягкими отношеніями къ дѣйствительности, между этимъ симпатическимъ ея представленіемъ—и между отрицательною манерою литературы сороковыхъ годовъ, т.-е. между первоначальными отношеніями самого Тургенева къ дѣйствительности! Какъ много было ложнаго въ этихъ первоначальныхъ отношеніяхъ поэта къ жизни, къ дѣйствительному быту,—ложнаго до комизма! Вѣдь было время, когда рисовалъ онъ, напримѣръ, такъ образъ помѣщика:

Онъ съ дѣтства не любилъ подтяжекъ;
Любилъ просторъ, любилъ покой
И лѣнь: но страненъ былъ покрой
Его затѣйливыхъ фуражекъ;
Любилъ онъ жирные блины, и т. д.

Удивительная была вражда къ простору и, главнымъ образомъ, къ здоровью въ былые годы литературы. Случалось ли автору (я беру всѣ примѣры изъ самого Тургенева) попасть на провинціальный балъ, ему становилось несносно видѣть здоровыя и простодушныя дѣвическія физіономіи:

Вотъ *чисто-русская* красотка:
Одѣта плохо, *тяжела* (?)
И *неловка*, но весела,
Добра, болтлива какъ трещотка.

Вѣдь, собственно говоря, если бы наши яростные враги „обломовщины“ хотѣли и могли быть послѣдовательны, они должны бы были съ ужасомъ отвернуться отъ теперешняго Тургенева, въ пользу Тургенева прежняго. Вѣдь ни больше ни меньше какъ къ тому, что они называютъ Обломовкой и обломовщиной—относится онъ теперь съ художническою симпатіею.—Вѣдь и Лаврецкій, и его Лиза, и неоцѣненная Марѳа Тимоѳеевна, все это—обломовщина, Обломовцы, да еще какіе, еще какъ тѣсно, физіологически связанные не только съ настоящимъ и будущимъ, но съ далекимъ прошедшимъ Обломовки!

XXIV.

Наше время есть время всеобщихъ исповѣдей, и такую искреннюю, полную исповѣдь болѣе всего представляютъ произведенія Тургенева вообще и „Дворянское гнѣздо“ въ особенности.

Для того, чтобы понять послѣдніе результаты этой искренней исповѣди въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“—нужно было прослѣдить всю борьбу, высказывающуюся въ произведеніяхъ Тургенева. Только зная эту борьбу, можно понять все значеніе стиховъ, которые онъ влагаетъ въ уста Михалевичу, и весь смыслъ того смиренія передъ народною правдою, которое проповѣдуетъ Лаврецкій въ разговорѣ съ Паншинымъ.

Изъ этого не слѣдуетъ заключать однако, чтобы Тургеневъ отъ одной теоріи перешелъ къ другой. Славянофильство съ восторгомъ привѣтствовало нѣкоторыя его произведенія, особенно „Хоря и Калиныча“, „Муму“; но поэтъ способенъ столько же мало поддаться и этому воззрѣнію, поколику оно только воззрѣніе, какъ и другому, противоположному. Въ немъ повторился только „бѣлкинскій“ процессъ Пушкинской натуры, съ расширеннымъ сообразно

требованіямъ эпохи требованіями. И, какъ Пушкинъ, уходя въ свое отрицательное *я*, въ жизненные взгляды своего Ивана Петровича Бѣлкина, однако, не отрекался, какъ „отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его“, отъ прежнихъ идеаловъ, отъ *силъ* своей природы, извѣдавшихъ уже *добрая* и *злая*, а только давалъ права и почвѣ наравнѣ съ силами,—такъ, съ меньшимъ самообладаніемъ, Тургеневъ кончилъ анализъ натуры Рудина апоѳеозою его личности, дѣйствительно поэтической и грандіозной. Чувство поэта ставитъ его въ разрѣзъ со всякою теоріею—и оно-то сообщаетъ его произведеніямъ такую неотразимую, обаятельную силу, не смотря на ихъ постоянную недодѣланность.

Лаврецкій, даже такъ, какъ онъ является въ видимо-недодѣланномъ „Дворянскомъ гнѣздѣ“,—представитель (хотя никакъ не преднамѣренный) сознанія нашей эпохи. Лаврецкій — уже не Рудинъ, отрѣшенный отъ всякой почвы, отъ всякой дѣйствительности,—но, съ другой стороны, уже и не Бѣлкинъ, стоящій съ дѣйствительностью въ уровень. Лаврецкій—живой человѣкъ, связанный съ жизнію, почвою, преданіями, но прошедшій бездны сомнѣнія, внутреннихъ страданій, совершившій нѣсколько моральныхъ скачковъ. Отсюда выходитъ весь его душевный процессъ, вся драма его отношеній.

Онъ представитель *нашей* эпохи, эпохи самой близкой къ намъ—и, какъ такового, его надобно было отдѣлить, оттѣнить отъ представителей эпохъ предшествовавшихъ. Средство для такого отдѣленія Тургеневъ избралъ самое естественное—его родословную, образы его дѣда и отца.

Не смотря на то, что пріемъ этотъ не новъ, не смотря на то, что въ наше время, въ особенности послѣ романа „Кто виноватъ?“ и послѣ „Семейной хроники“, онъ повторяется довольно часто,—родословная Лаврецкаго блещетъ такими яркими чертами, такъ мастерски схвачено въ ней существенное и типическое, что на нее можно смѣло указать какъ на chef d'oeuvre въ своемъ родѣ...

„Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Ѳедора Иваныча, Андрей, человѣкъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкла молва объ его самоуправствѣ, о бѣшеномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смуглъ и безбородъ, картавилъ и казался сонливымъ; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него.

Онъ и жену досталъ себѣ подъ-стать. Пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ее и котораго она не пережила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Ѳедоровъ дѣдъ, не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольной взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосолъ и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ въ отличномъ порядкѣ; но онъ скоро распустилъ, частью продалъ свое имѣніе. дворню избаловалъ. Какъ тараканы сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя, теплыя и неопрятныя хоромы; все это наѣдалось, чѣмъ попало, по досыта, напивалось до пьяна, и тащило вонъ, что могло, прославляя и величая ласковаго хозяина; и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андрепча была смиренница; онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства, по отцовскому выбору и приказанію; звали се Анной Павловной. Она ни во что не вмѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертью. „Поставятъ тебѣ“, разсказывала она въ старости, „войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплютъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ, — не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя, обидятся,— мука!“—Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера, и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копѣечный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу; а все свое приданое, всѣ деньги отдала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Ѳедорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ бы его не отпустилъ); одѣвала его какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, приставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего *M-r Courtin de Vauselles*, ловкаго и топкаго проныру,—самую, какъ она выражалась, *fine fleur* эмиграціи, и кончила тѣмъ, что чуть не 70-ти лѣтъ вышла замужъ за этого финъ-флёра, перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ, разрумяненная, раздушенная амброй *à la Richelieu*, окруженная арапченками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Людовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петитô въ рукахъ,—и умерла, оставленная мужемъ: вкрадчивый господинъ Куртенъ предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану пошелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ надъ нимъ разразился; онъ не захотѣлъ остать-

ся въ теткиномъ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наслѣдника внезапно превратился въ приживальщика. — Въ Петербургѣ, общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; къ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра);—пришлось ему по неволѣ вернуться въ деревню къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось ему его родимое гнѣздо; глушь и копоть степного житья-бытья на каждомъ шагу его оскорбляли; скука его грызла; за то и на него всѣ въ домѣ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичныя привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой не даромъ чуялась ему гадливость; онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына.—„Все здѣсь не по немъ“, говаривалъ, — „за столомъ привередничаетъ, не ѣстъ, людского запаху, духоты переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстраиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ, слабъ, вишь, здоровьемъ; фу ты, нѣженка эдакой! А все оттого, что Вóлтеръ въ головѣ сидитъ“. Старикъ особенно не жаловалъ Вольтера, да еще „изувѣра“ Дидерота, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части.—Петръ Андреичъ не ошибался; точно—и Дидеротъ и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не они одни — и Руссо, и Рейналь, и Гельвецій, и много другихъ подобныхъ имъ сочинителей сидѣли въ его головѣ,—но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ удовольствовался тѣмъ что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость 18-го вѣка,—*и онъ такъ и ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденіемъ*... Да и возможно ли было требовать убѣжденій отъ молодого малаго 50 лѣтъ тому назадъ, когда мы еще и теперь не доросли до нихъ? Посѣтителей отцовскаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ; онъ ими гнушался, они его боялись, — а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатью годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была странное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широко-раскрытыми, строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, угловатыми быстрыми движеніями, напоминала свою бабку, цыганку, жену Андрея. Настойчивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось не по нутру; пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить по крайней мѣрѣ половину отцовскаго имѣнія: она и по скупости вышла въ бабку. Сверхъ того, Глафира завидовала брату; онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла сказать: бонжуръ, да команъ ву порте ву? Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли, — да отъ этого ей не было лег-

че.—Иванъ Петровичъ не зналъ, куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ провелъ онъ въ деревнѣ, да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу, и по цѣлымъ часамъ сиживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незатѣйливую болтовню доброй женщины и наѣдаясь вареньемъ".

Насколько этотъ типъ изъ предшествовавшаго поколѣнія необходимъ для освѣщенія фигуры Оедора Лаврецкаго — очевидно. Здѣсь сопоставлены двѣ эпохи въ ихъ существенныхъ отличіяхъ: развитія чисто внѣшняго и развитія внутренняго.

Особенно замѣчательно еще то, что типъ Ивана Петровича напоминаетъ типъ Василья Лучинова—но уже отношеніе автора къ этому типу совершенно измѣнилось. Изъ трагическаго оно перешло почти-что въ комическое.

Когда Иванъ Петровичъ связался съ дѣвкой Маланьей, вѣсть объ этомъ скоро дошла до Петра Андреича.

„Въ другое время онъ, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на такое маловажное дѣло; но онъ давно злился на сына и обрадовался случаю пристыдить петербургскаго мудреца и франта. Поднялся гвалтъ, крикъ и гамъ; Маланью заперли въ чуланъ; Ивана Петровича потребовали къ родителю. Анна Павловна тоже прибѣжала на шумъ. Она пыталась было укротить мужа, но Петръ Андреичъ уже ничего не слушалъ. Ястребомъ напустился онъ на сына, упрекалъ его въ безнравственности, въ безбожіи, въ притворствѣ; кстати вымѣстилъ на немъ всю накипѣвшую досаду противъ княжны Кубенской, осыпалъ его обидными словами. Сначала Иванъ Петровичъ молчалъ и крѣпился, но когда отецъ вздумалъ грозить ему постыднымъ наказаньемъ, онъ не вытерпѣлъ. „Изувѣръ Дидеротъ опять на сценѣ,—подумалъ онъ,—такъ пущу же я его въ дѣло, постойте; я васъ всѣхъ удивлю." И тутъ же спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, хоть съ внутренней дрожью во всѣхъ членахъ, Иванъ Петровичъ объявилъ отцу, что онъ напрасно укорялъ его въ безнравственности; что хотя онъ не намѣренъ оправдывать свою вину, но готовъ ее исправить, и тѣмъ охотнѣе, что чувствуетъ себя выше всякихъ предразсудковъ, а именно — готовъ жениться на Маланьѣ. Произнеся эти слова, Иванъ Петровичъ, безспорно, достигъ своей цѣли; онъ до того изумилъ Петра Андреича, что тотъ глаза вытаращилъ и онѣмѣлъ на мгновенье; но тотчасъ же опомнился и, какъ былъ въ тулупчикѣ на бѣличьемъ мѣху и въ башмакахъ на босу ногу, такъ и бросился съ кулаками на Ивана Петровича, который какъ нарочно въ тотъ день причесался *à la Titus* и надѣлъ новый англійскій синій фракъ, сапоги съ кисточками и щегольскіе лосиные панталоны въ обтяжку. Анна Павловна закричала благимъ матомъ

и закрыла лицо руками, а сынъ ея побѣжалъ, побѣжалъ черезъ весь домъ, выскочилъ на дворъ, бросился въ огородъ, въ садъ, черезъ садъ вылетѣлъ на дорогу, и все бѣжалъ безъ оглядки, пока наконецъ пересталъ слышать за собою тяжелый топотъ отцовскихъ шаговъ и его усиленные, прерывистые крики.—Стой мошенникъ! вопилъ онъ,—стой! прокляну!—Иванъ Петровичъ спрятался у сосѣдняго однодворца, а Петръ Андреичъ вернулся домой весь изнеможенный, въ поту, объявилъ, едва переводя дыханіе, что лишаетъ сына благословенія, *приказалъ сжечь всѣ его дурацкія книги*, а дѣвку Маланью немедленно сослать въ дальнюю деревню".

Если вы хорошо помните сцену съ отцомъ Василія Лучинова—эту великолѣпную, до трагизма возвышающуюся сцену—вы, вѣроятно, соглашаетесь со мною и въ великомъ сходствѣ этихъ двухъ сценъ, и въ различіи отношенія къ нимъ Тургенева. Но—на новую манеру изображенія вовсе не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на покаяніе поэта въ прежней. „Изувѣръ Дидеротъ", *внѣшне* подѣйствовавшій на Ивана Петровича, въѣлся въ Василія Лучинова до мозга костей, потому что природа послѣдняго—исключительнѣе и богаче; вотъ и вся разница. Иванъ Петровичъ и Василій Лучиновъ—двѣ разныя стороны одного и того же типа, какъ Чацкій и Репетиловъ, напримѣръ, въ отношеніи къ людямъ эпохи двадцатыхъ годовъ — двѣ разныя стороны типа. Ни больше, ни меньше. Какъ въ „Трехъ портретахъ" манера изображенія—истинная,—такъ и въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ „Дворянскаго гнѣзда" манера изображенія истинная, а вовсе не покаятельная.

XXV.

Ѳедоръ Лаврецкій—герой „Дворянскаго гнѣзда"—и отецъ его, Иванъ Петровичъ, оба разрознились, раздѣлились съ окружавшею ихъ дѣйствительностью; но огромная бездна лежитъ между ними. Иванъ Петровичъ, усвоивній себѣ внѣшнимъ образомъ ученіе „изувѣра Дидерота", такъ и остается на цѣлую жизнь холоднымъ, отрѣшившимся отъ связи съ жизнію—да отрѣшившимся не вслѣдствіе какого-либо убѣжденія, а по привычкѣ и по эгоистической прихоти—методистомъ.

Анализъ жизни этого типичнаго лица по-истинѣ глубокъ у Тургенева. Поразительная правдивость анализа высказывается въ особенности въ двухъ мѣстахъ. Когда, послѣ ссоры съ отцомъ и послѣ брака своего съ Маланьею, Иванъ Петровичъ уѣхалъ въ

Петербургъ, онъ, по словамъ автора, „отправился съ легкимъ сердцемъ". „Неизвѣстная будущность его ожидала; бѣдность, быть можетъ, грозила ему; *но онъ разстался съ ненавистной ему жизнію,* а главное—не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно *пустилъ въ ходъ* и оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота, La Déclaration des droits de l'homme. *Чувство совершеннаго долга, торжества, чувство гордости наполнило его душу...*" Замѣтка истинно художническая, безпристрастіе истиннаго поэта!.. Вѣдь онъ тоже не совсѣмъ изъ дюжинныхъ, этотъ Иванъ Петровичъ: кряжевая, крѣпкая натура отца и дѣда въ немъ таки сидитъ, только она обернулась въ другую сторону... Съ другой стороны,—двѣнадцатый годъ вызываетъ его изъ-за границы—черта, исторически вѣрная въ отношеніи къ людямъ той эпохи... „Увидавшись въ первый разъ послѣ шестилѣтней разлуки, отецъ съ сыномъ обнялись *и даже словомъ не помянули о прежнихъ раздорахъ*; не до того было тогда: вся Россія поднималась на врага—и оба они почувствовали, что русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ..." Это въ высочайшей степени вѣрно исторически и правдиво художественно. Личность у насъ всегда и во всѣ эпохи удивительно способна расти съ событіями, хотя, къ сожалѣнію, такъ же легко и сокрушается подъ гнетомъ событій — и разъ сокрушившись, начинаетъ идти съ горы, да какъ еще: не успѣешь оглянуться — она уже на крайней степени паденія... Такъ было по крайней мѣрѣ до конца той эпохи, которой типически обыкновеннымъ представителемъ является отецъ Ѳедора Лаврецкаго. Я говорю типически обыкновеннымъ — ибо за что же обижать верхи всякой эпохи? Василій Лучиновъ, разбитый параличомъ, но умирающій сурово и гордо, Владиміръ Дубровскій, повершающій трагически, старикъ Алексѣй Ивановичъ, братъ *сенатора*, до конца выдерживающій по убѣжденію свой холодный методизмъ—вотъ верхи эпохи, души, въ которыя ученіе „изувѣра Дидерота" или Бентама проникало глубоко; да за то вѣдь и дѣтьми ихъ, если таковыя у нихъ были, были не Лаврецкіе, а Печорины и Бельтовы... Иванъ же Петровичъ непремѣнно долженъ былъ кончить такъ, какъ кончаетъ онъ у Тургенева, и мастерски ведетъ его авторъ къ этому обычному концу.

„Иванъ Петровичъ", говоритъ онъ, „вернулся въ Россію англоманомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртукъ съ множествомъ воротничковъ, кислое

выраженіе лица, что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обращеніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ, страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну, — все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей, весь онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но—чудное дѣло!—превратившись въ англомана, Иванъ Петровичъ сталъ въ то же время патріотомъ,— по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя патріотомъ, хотя Россію зналъ плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; *но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ, — у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родѣ: „оказать новые опыты самоусердія“; „сіе не согласуется съ самою натурою обстоятельства“*. Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшенія государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что̀ видѣлъ, — отсутствіе системы въ особенности возбуждало его желчь. При свиданіи съ сестрою онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что онъ намѣренъ ввести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по новой системѣ. Глафира Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: „Куда же я-то дѣнусь?“—Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась.—*Въ домѣ, точно, произошли нѣкоторыя перемѣны: приживальщики и тунеядцы подверглись немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадали двѣ старухи, одна—слѣпая, другая — разбитая параличомъ, да еще дряхлый маіоръ очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ его дѣйствительно замѣчательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей.* Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнилъ дальній сосѣдъ, какой-то бѣлокурый золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глупый человѣкъ. Появились новыя мебели изъ Москвы; завелись плевательницы, колокольчики, умывальные столики; завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки; людямъ пошили новыя ливреи; къ фамильному гербу прибавилась подпись: „in recto virtus...“ Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась; всѣ выдачи, покупки попрежнему отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ пытался было съ нею потягаться,—и лишился мѣста, несмотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же касается до хозяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла), то, несмотря на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ, — все осталось по-старому,—*только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣй, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу.* Па-

тріотъ очень ужъ презиралъ своихъ согражданъ. Система Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена была только къ Ѳедѣ: воспитаніе его дѣйствительно подверглось „коренному преобразованію“,—отецъ исключительно занялся имъ“.

Такова *реформаторская* дѣятельность Ивана Петровича. Пропуская, какъ эта реформаторская дѣятельность обращается на воспитаніе Ѳеди, я переношусь прямо къ перелому, совершающемуся въ этой натурѣ. „Пасталъ“, говоритъ авторъ, „1825 годъ „и много принесъ съ собою горя. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ „удалиться въ деревню и заперся въ своемъ домѣ. Прошелъ „еще годъ, и Иванъ Петровичъ вдругъ захилѣлъ, ослабѣлъ, опу„стился: здоровье ему измѣнило. Вольнодумецъ началъ ходить въ „церковь и заказывать молебны; европеецъ сталъ париться въ „банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать подъ „болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ сжегъ „всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ „и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленной волей „хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ вередъ, когда „ему подавали тарелку холоднаго супа...“

Увы! это не повѣсть съ подробностями, нарочно придуманными для того, чтобы въ концѣ ея можно было воскликнуть: „и вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка!“—это нагая, безпощадная, да вдобавокъ еще историческая правда. Вспомните, какъ умиралъ одинъ изъ передовыхъ людей своей эпохи, фонъ-Визинъ, какъ умирали многіе изъ такъ называемыхъ вольнодумцевъ и учениковъ „изувѣра Дидерота“.

Смерть Ивана Петровича — такая же типическая, въ смыслѣ типически-обыкновеннаго, какъ и вся жизнь его, какъ и переломъ съ нимъ совершившійся, — именно съ нимъ, а не въ немъ, ибо въ немъ собственно ничего не совершалось.

„Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына, и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая изъ города въ городъ, и приводя въ отчаянье врачей, сына, прислугу своимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ. Совершенной тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денечки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ; все остальное время онъ ни себѣ, ни кому

не давалъ покоя. Онъ молился, роптalъ на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣритъ,—и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенья одиночества и требовалъ отъ своихъ домашнихъ, чтобы они постоянно, днемъ и ночью сидѣли возлѣ его кресель и занимали его разсказами, которые онъ то и дѣло прерывалъ восклицаніями: вы все врете,—экая чепуха!"

„Особенно доставалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойтись безъ нея; и она до конца исполняла всѣ прихоти больного, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злобы. Такъ проскрипѣлъ онъ еще два года, и умеръ, въ первыхъ числахъ мая, выпесенный на балконъ, на солнце. „Глаша, Глашка! бульонцу, бульонцу, старая дур..." пролепеталъ его коснѣющій языкъ и, не договоривъ послѣдняго слова, умолкъ навѣки. Глафира Петровна, которая только-что выхватила чашку бульону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказалъ, оперся на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовонный и зеленый, весь блестѣвшій въ лучахъ золотого весенняго солнца. Ему было двадцать-три года: какъ страшно, какъ незамѣтно скоро пронеслись эти двадцать-три года!.. Жизнь открывалась передъ нимъ."

Таковъ—отецъ Лаврецкаго, представитель обыкновенныхъ образованныхъ людей предшествовавшей двадцатымъ годамъ эпохи XIX вѣка, эпохи, которой корни не въ XIX, а въ XVIII вѣкѣ.

Равнодушіе, если не озлобленіе, должны были мы всѣ, дѣти XIX вѣка, чувствовать первоначально къ XVIII-му вѣку, являвшемуся намъ всѣмъ болѣе или менѣе въ подобныхъ представителяхъ... Хорошо художнику и его читателямъ относиться къ подобнымъ личностямъ, какъ къ типамъ, — но кто, какъ Ѳедоръ Лаврецкій, вынесъ на себѣ всю тяжесть зависимости отъ подобнаго типа въ жизни, — тотъ, по освобожденіи изъ-подъ гнета, законно могъ почувствовать, что жизнь передъ нимъ открывается.

Вѣдь это типъ не простой, а типъ реформаторскій. Вѣдь онъ ломаетъ жизнь по своему личному капризу, гдѣ только можетъ,— вѣдь онъ своими безтолковыми реформаторскими замашками и оскорбляетъ, и,—когда эти реформаторскія замашки оказываются мыльными пузырями,—возбуждаетъ къ себѣ невольное презрѣніе. Вѣдь когда переломъ совершился съ Иваномъ Петровичемъ — „сыну его уже пошелъ девятнадцатый годъ, и онъ начиналъ раз-

мышлять и высвобождаться изъ-подъ гнета давившей его руки; онъ и прежде замѣчалъ разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями, и черствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутого перелома. Застарѣлый эгоистъ вдругъ выказался весь"...

Естественно, что въ душѣ его глубоко должна была залечь любовь къ тому именно, что̀ ломалъ, или пускался ломать его отецъ, — естественно, что онъ, человѣкъ страстный, впечатлительный и вмѣстѣ мягкій, останется на всю жизнь романтикомъ, т.-е. человѣкомъ волненія, сумерекъ, переходной эпохи.

Когда Иванъ Петровичъ принялся за его воспитаніе, онъ уже не былъ то, что называется tabula rasa—онъ уже напитался воздухомъ окружавшаго его быта, подъ деспотическимъ, но все-таки менѣе давящимъ вліяніемъ „колотовки" Глафиры Петровны.

„Въ обществѣ этой наставницы, тетки, да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Ѳедя цѣлыхъ четыре года. *Бывало, сидитъ онъ въ уголку съ своими „Эмблемами" — сидитъ, сидитъ; въ низкой комнатѣ пахнетъ геранiумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣча, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скучаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышь украдкой скребется и грызетъ за обоями,* — а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами; тѣни отъ рукъ ихъ то бѣгаютъ, то странно дрожатъ въ полутьмѣ,—и странныя, также полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Ѳедю интереснымъ дитятей; онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, нескладно сложенъ и неловокъ,—настоящій мужикъ, по выраженію Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, еслибъ его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; зато по временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Ѳедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его... Горе сердцу, не любившему съ молоду!"

Когда уже есть подобныя заложенія въ натурѣ, — то никакая система воспитанія не истребитъ ихъ. А система воспитанія приложена была притомъ совсѣмъ противоположная натурѣ ребенка:

„Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему. — Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, un homme, сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ, — и не только человѣка, но спартанца. — Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски; двѣнадцати-лѣтній малый сталъ ходить съ

обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившій всѣ тонкости гимнастики; музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ, — вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій „человѣкъ“; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодной водой и заставляли бѣгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день, по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли, и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ со своей стороны писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ называлъ его mon fils и говорилъ ему vous. По-русски Оедя говорилъ отцу: ты, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. „Система“ сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула ее; но зато на его здоровье новый образъ жизни благодѣтельно подѣйствовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ оправился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился имъ и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчіи: сынъ натуры, произведеніе мое. Когда Оедѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу, — и молодой спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.“

Результатовъ система чисто внѣшняя могла добиться только внѣшнихъ, да и то на время... Въ гнетѣ „колотовки“ была своего рода поэзія, въ гнетѣ Ивана Петровича никакой, — и когда умираетъ Иванъ Петровичъ, *жизнь открывается впервые передъ Лаврецкимъ!*

XXVI.

Спартанская система воспитанія, какъ всякая теорія, нисколько не приготовила Лаврецкаго къ жизни... Лучшее, что дала ему жизнь, было сознаніе недостатковъ воспитанія. Превосходно характеризуетъ Тургеневъ умственное и нравственное состояніе своего героя въ эту эпоху развитія. „Въ послѣднія пять лѣтъ“,— говоритъ онъ о Лаврецкомъ, „онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ то же время, онъ не зналъ *многаго*, что каждому гимназисту давнымъ-давно

извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ, онъ втайнѣ сознавалъ себя чудакомъ.“ Опять вѣрная художественно, и въ высочайшей степени вѣрная же исторически черта, характеризующая множество людей послѣ-Пушкинской эпохи. Это уже не та эпоха, когда

...учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Нѣтъ—это эпоха серьезныхъ знаній съ огромными пробѣлами, знаній, пріобрѣтенныхъ большею частію саморазвитіемъ, самомышленіемъ—эпоха Бѣлинскихъ, Кольцовыхъ и многихъ, весьма многихъ изъ насъ, если не всѣхъ поголовно...

Особенность Лаврецкаго въ томъ еще, что надъ нимъ тяготѣетъ совершенно уродливое воспитаніе.

„Недобрую шутку сыгралъ англоманъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ отцомъ своимъ; когда же наконецъ онъ разгадалъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычки вкоренились. *Онъ не умѣлъ сходиться съ людьми; двадцати трехъ лѣтъ отъ роду,* съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщинѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ, ясномъ и здравомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ *упрямству, созерцанію и лѣни,* ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи“...

Не одна теоретически-спартанская система воспитанія можетъ произвести подобный результатъ... Всякій гнетъ, всякій деспотизмъ произвелъ бы подобный же, съ другими можетъ-быть оттѣнками, но подобный же. Я разумѣю, впрочемъ, гнетъ деспотизма домашняго, а не общественнаго воспитанія: послѣдній производитъ другіе, столь же горькіе, но совершенно другіе результаты.

Дѣло въ томъ только, что Лаврецкій, вступая въ жизнь съ жаждою жить, лишенъ всякаго пониманія жизни, всякихъ средствъ прямого сближенія съ жизнію; и что онъ долженъ непремѣнно разбиться при столкновеніи съ жизнію.

Съ поразительною логичностью,—вовсе не имѣя въ виду заданной напередъ темы,—ведетъ художникъ создаваемый имъ характеръ...

Жажда любви томитъ Лаврецкаго, но дѣло въ томъ,—чего, къ сожалѣнію, не развилъ и не досказалъ Тургеневъ,—дѣло въ томъ, что самая жажда любви носитъ у Лаврецкаго характеръ любви той эпохи, къ которой онъ принадлежитъ. Предметъ любви Тур-

геневъ указалъ своему Лаврецкому совершенно вѣрно, но мало остановился на причинахъ любви. Лаврецкій *долженъ* былъ необходимо влюбиться въ Варвару Павловну, о которой энтузіастъ-Михалевичъ выражается такъ: „Это, братъ ты мой—эта дѣвушка изумительное, геніальное существо, артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, и притомъ предобрая“... Но *почему* жажда любви у него устремилась не на первую хорошенькую женщину, хоть бы она была горничная, а непремѣнно на исключительную, по крайней мѣрѣ, на кажущуюся исключительною женскую личность, и личность тонко развитую, — почему первое чувство любви есть у Лаврецкаго нѣкоторымъ образомъ *сдѣланное,* искусственное, подготовленное мечтами объ идеалѣ—не показано,—хотя изъ намека, что появленіе Михалевича подлѣ этой женщины показалось Лаврецкому „знаменательно и странно“, изъ этого намека очевидно, что передъ авторомъ носилась *типическая* любовь людей эпохи, которой Лаврецкій является представителемъ...

Вообще вся эпоха саморазвитія Лаврецкаго очерчена только вѣрно въ своихъ основахъ, но не художественно-полно, набросана, видимо, на-скоро. Самыя главы, въ которыхъ разсказывается эта эпоха и завязывается трагическій узелъ, судьба Лаврецкаго, странно коротки въ сравненіи съ другими главами.

Самое лицо Варвары Павловны, глубоко понятное и, по возвращеніи ея изъ-за границы, очерченное рельефно—здѣсь только набросано. Вслѣдствіе такой наброски въ ея личности есть явныя противорѣчія.

Вспомните, какою она является въ первый разъ:

„Ноги подкашивались у спартанца, когда Михалевичъ ввелъ его въ довольно плохо убранную гостиную Коробьиныхъ и представилъ хозяевамъ. Но овладѣвшее имъ чувство робости скоро исчезло: въ генералѣ врожденное всѣмъ русскимъ добродушіе еще усугублялось тою особеннаго рода привѣтливостью, которая свойственна всѣмъ немного замаранымъ людямъ; генеральша какъ-то скоро стушевалась;—что же касается до Варвары Павловны, то она была такъ спокойна и самоувѣренно-ласкова, что всякій въ ея присутствіи тотчасъ чувствовалъ себя какъ бы дома; притомъ отъ всего ея плѣнительнаго тѣла, отъ улыбавшихся глазъ, отъ невинно-покатыхъ плечей и блѣдно-розовыхъ рукъ, отъ легкой и въ то же время какъ бы усталой походки, отъ самаго звука ея голоса, замедленнаго, сладкаго,—вѣяло неуловимой, какъ тонкій запахъ, вкрадчивой прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, нѣгой, чѣмъ-то такимъ, что словами передать трудно, но что тро-

гало и возбуждало, — и уже, конечно, возбуждало не робость. *Лаврецкій навелъ рѣчь на театръ, на вчерашнее представленіе; она тотчасъ сама заговорила о Мочаловѣ и не ограничилась однимъ восклицаніями и вздохами, но произнесла нѣсколько вѣрныхъ и женски-проницательныхъ замѣчаній на счетъ его игры.* Михалевичъ упомянулъ о музыкѣ; она, не чинясь, сѣла за фортепьяно и отчетливо сыграла нѣсколько Шопеновскихъ мазурокъ, тогда только что входившихъ въ моду."

Сличите это съ изображеніемъ Варвары Павловны по возвращеніи ея изъ-за границы... Въ бесѣдѣ съ Паншинымъ: „Варвара Павловна показала себя большой философкой: на все у нея являлся готовый отвѣтъ, она ни надъ чѣмъ не колебалась, не сомнѣвалась ни въ чемъ; замѣтно было, что она много и часто бесѣдовала съ умными людьми разныхъ разборовъ. Всѣ ея мысли, чувства вращались около Парижа. Паншинъ навелъ разговоръ на литературу,—оказалось, *что она, такъ же какъ и онъ, читала одни французскія книжки: Жоржъ-Зандъ приводилъ ее въ негодованіе, Бальзака она уважала, хотя онъ ее утомлялъ, въ Сю и Скрибѣ видѣла великихъ сердцевѣдцевъ, обожала Дюма и Феваля; въ душѣ она имъ всѣмъ предпочитала Поль-де-Кока, хотя даже имени его не упоминала.*"

Тутъ очевидное противорѣчіе съ прежней Варварой Павловной, сочувствующей Мочалову, артисткой по натурѣ.

Вообще изображеніе Варвары Павловны страждетъ тѣми же недостатками противъ художественной правды, какъ изображеніе Паншина. Какъ къ Паншину больше бы шло внѣшнее пониманіе Бетховена, такъ къ Варварѣ Павловнѣ внѣшнее пониманіе Ж. Санда. Образъ вышелъ бы менѣе рѣзкій, но за то несравненно болѣе правдивый.

XXVII.

Рѣзкость или, лучше сказать, недодѣланность художественнаго представленія типа Варвары Павловны, есть, впрочемъ, рѣзкость только по отношенію къ Тургеневу; ибо, сравните Варвару Павловну хоть, напримѣръ, съ барыней, выведенной въ повѣсти г. Крестовскаго: „Фразы".—Варвара Павловна выиграетъ на сто процентовъ относительной мягкостью изображенія.

Дѣло только въ томъ, что Варвара Павловна, какъ и Паншинъ,—лица не центральныя, даже не самостоятельныя лица картины, а оттѣняющія: одинъ Лаврецкаго, другая Лизу. Дѣло все

въ Лаврецкомъ и въ Лизѣ—узелъ драмы въ ихъ отношеніяхъ. Смыслъ этихъ отношеній слишкомъ ясенъ, чтобы о немъ надобно было толковать долго. Человѣкъ, жившій долго мечтательными, сдѣланными идеалами, разбившійся на этихъ идеалахъ, встрѣчаетъ, но поздно, въ своей бытовой дѣйствительности простую, цѣльную, цѣломудренную женскую натуру, всю изъ покорности долгу, изъ глубокихъ сердечныхъ вѣрованій, женской преданности, изъ самопожертвованія, простирающагося до всего, кромѣ забвенія долга... Женщина съ мечтательнымъ, сосредоточеннымъ и затаенно-страстнымъ характеромъ встрѣчаетъ человѣка простого и цѣломудреннаго по натурѣ, но пережившаго много, пугающаго ее пережитою имъ жизнію, въ которой сокрушилось у него множество вѣрованій, и влекущаго ее къ себѣ неотразимо. Влечетъ ее къ нему и сожалѣніе къ нему, и непосредственное, простое пониманіе его простого благородства... Драма ихъ ведена съ такимъ высокимъ художническимъ искусствомъ, съ такою глубиною анализа, съ такою сердечностью—какимъ до сихъ поръ не было примѣра... Слѣдить за этою драмою во всѣхъ ея явленіяхъ значило бы разсказывать содержаніе „Дворянскаго гнѣзда“, всѣмъ давно извѣстное, всѣми чувствующими людьми давно перечувствованное,—да было бы и внѣ моей задачи, задачи истолкованія типовъ, являющихся вообще въ дѣятельности Тургенева и въ послѣднемъ произведеніи его въ особенности.

Кончаю поэтому мои длинныя рапсодіи по поводу Тургенева и „Дворянскаго гнѣзда“ анализомъ типа Лизы. Въ отношеніи къ самой драмѣ выскажу только два замѣчанія,—1) относительно Лемма уже мной высказанное: что Леммъ видимо придѣланъ къ драмѣ для того только, чтобы выражалось поэтически-лирическое настроеніе Лаврецкаго въ иныя минуты, и 2) высказанное мною самому поэту тотчасъ же по прочтеніи „Дворянскаго гнѣзда“: это то, что онъ слишкомъ поторопился ложнымъ извѣстіемъ о смерти жены Лаврецкаго—недостаточно затянулъ, завлекъ Лаврецкаго и Лизу въ психически-безвыходное положеніе. Недостатокъ силы, энергіи въ манерѣ—результатъ женственно-мягкой впечатлительности Тургеневскаго творчества—сказался и здѣсь, какъ повсюду.

Обращаясь къ типу Лизы, я прежде всего скажу о важности и значеніи этого типа въ нашей современной жизни.

Русскій идеалъ женщины до сихъ поръ, увы! выразился вполнѣ

только въ Татьянѣ, да кажется—дальше этихъ граней пока и не пойдетъ.

Прежде всего, гдѣ и у кого, кромѣ Пушкина, явилась русская женщина, т.-е. русская идеальная женщина?.. Положительно нигдѣ. Княжна Мери Лермонтова—экзотическое растеніе; прелестный образъ, мелькающій у него въ „Сказкѣ для дѣтей“, эта „маленькая Нина“, съ одной стороны—высокопоэтическій капризъ, съ другой—выраженіе трагическаго протеста; женщина, которая

ускользнетъ какъ змѣя,
Вспорхнетъ и умчится какъ птичка,

столь ясная въ лирическомъ стихотвореніи его—тоже капризъ великой поэтической личности, а не идеалъ общій, объективный.

Гоголь не создалъ ни одного женскаго идеала, а принялся было создавать—вышла чудовищная Улинька. Островскій тоньше и глубже всѣхъ подмѣтилъ нѣкоторыя особенности русскаго идеала женщины, и въ своей Любови Гордѣевнѣ, и въ своей Грушѣ,—но это только черты, намеки, мастерскіе, тонкіе, прелестные, но все-таки намеки и очерки. Въ самомъ полномъ женскомъ лицѣ своемъ, въ Марьѣ Андреевнѣ—типѣ высокомъ по поэтической задачѣ, оригинально задуманномъ и оригинально поставленномъ, но не выразившемся живыми чертами, живою рѣчью—отразился опять образъ Татьяны. Передъ Толстымъ, въ его „Двухъ гусарахъ“, во второй половинѣ этого этюда, мелькаетъ прелестный, самобытный, объективно-идеальный женскій образъ, да такъ и промелькнулъ этюдомъ, ничего не сказавши собою. Самые лирики наши въ этомъ отношеніи то причудливо капризничаютъ, какъ Фетъ въ своемъ идеалѣ, созданномъ изъ игры лунныхъ лучей, или изъ блестящей пыли снѣговъ, то, какъ Полонскій, туманно любятъ „ложь въ видѣ женщины милой“, то, какъ Майковъ, рисуютъ по какой-то обязанности идеалы пластическіе и классическіе, нося искренно въ душѣ совершенно иные, то, какъ Некрасовъ, всю силу таланта и всю накипѣвшую горечь души употребляютъ на то, чтобы повторять Лермонтовскую „Сосѣдку“.

А требованіе идеала, требованіе женщины, русской женщины слышно отовсюду. Первое, что заговорили о послѣднемъ романѣ Гончарова его жаркіе поклонники, было то, что здѣсь, въ этомъ романѣ, *впервые* послѣ Татьяны является русскій идеалъ женщины. Этому *впервые* нечего удивляться, особенно мнѣ, провозглашав-

шему нѣкогда о новомъ словѣ по поводу Марьи Андреевны Островскаго. Наши различныя провозглашенія, не смотря на свои смѣшныя стороны—имѣютъ и стороны очень серьезныя. Мы ждемъ отъ нашихъ художниковъ разрѣшенія волнующихъ насъ вопросовъ и исканій: мы жадно хватаемся за всякую попытку художественнаго разрѣшенія, и до сихъ поръ, всѣ разрѣшенія, кромѣ Татьяны, Марьи Андреевны, да Тургеневской Лизы—оказываются болѣе или менѣе несостоятельными передъ судомъ общаго сознанія.

Гончаровская Ольга... Да сохранитъ Господь Богъ отъ Гончаровской Ольги въ ея зрѣлыхъ, а тѣмъ болѣе почтенныхъ лѣтахъ, самыхъ жаркихъ ея поклонниковъ—вотъ вѣдь все, что скажетъ русскій человѣкъ объ этомъ хитро, умно и граціозно нарисованномъ женскомъ образѣ. Съ одной стороны — она чуть-что не Улинька, *подымающая* падшаго Тентетникова, съ другой—холодная и расчетливая резонерка, будущая чиновница, директорша департамента или, по крайней мѣрѣ, начальница отдѣленія, отъ которой „убѣгомъ уйдешь—въ Сибирь Тобольскій“, не-то-что на Выборгскую сторону, гдѣ спасся отъ нея Обломовъ. У русскаго человѣка есть непобѣдимое отвращеніе къ *подымающимъ* его до вершины своего развитія женщинамъ, да и вообще замѣчено, что таковыхъ любятъ только мальчики, едва скинувшіе курточки. Отъ такого идеала непосредственное чувство дѣйствительно прямо повлечетъ къ Агаѳьѣ Ѳедосѣевнѣ, которая далеко не идеалъ, но въ которой есть нѣсколько чертъ, свойственныхъ нашему идеалу—и явилось бы болѣе, если бы авторъ „Обыкновенной исторіи“ и „Обломова“ былъ побольше поэтъ, вѣрилъ бы больше своимъ душевнымъ сочувствіямъ, а не сочинялъ бы себѣ изъ этихъ сочувствій какого-то пугала, которое надобно преслѣдовать.

Кого же еще прикажете вспомнить изъ нашихъ женщинъ? Любовь Александровну Круциферскую? Опять не идеалъ, а исключительное трагическое положеніе.

Остается положительно только Татьяна Пушкинская съ ея отраженіями. *Отраженіями* — и задачу Марьи Андреевны, и художественно-созданный образъ Лизы называю я, конечно, не въ смыслѣ копій. Насколько оригинальны и дѣйствительны положенія, въ которыя поставлена Марья Андреевна, и которыя говорятъ за нее гораздо лучше, чѣмъ она сама говоритъ, насколько

оригинально лицо Лизы — всѣ знаютъ. Но ни Марья Андреевна, ни Лиза нейдутъ дальше того идеала, который самъ поэтъ называлъ

Татьяны милый идеалъ...

въ который положилъ онъ всѣ сочувствія своей великой души, умѣвшей на все отзываться жарко—и на пластическіе образы, и на ту красоту, передъ которой

Ты остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты...

и на трагически капризныя существованія, которыя совершаютъ свой путь,

Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ...

Дальше его мы пока не пошли, и словомъ о немъ заключаю я разсужденія о поэтѣ нашей эпохи, въ которомъ съ наибольшею полнотою, хотя въ иныхъ, соотвѣтственныхъ нашей эпохѣ формахъ, повторился почти всесторонне его нравственный процессъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей **В. Ѳ. Саводника.**

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе выпуски:

Выпускъ 1-й. Автобіографія Апол. Григорьева: „Мои литературныя и нравственныя скитальчества“ (съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника). Ц. 60 к.

Выпускъ 3-й. Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина. Ц. 50 к.

Выпускъ 5-й. „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Ц. 15 к.

Выпускъ 7-й. Лермонтовъ и его направленіе. Ц. 35 к.

Выпускъ 10-й. И. С. Тургеневъ и его литературная дѣятельность. Ц. 50 к.

Печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени:

Выпускъ 2-й. Парадоксы органической критики (съ критической статьей В. Саводника).

Выпускъ 4-й. О правдѣ и искренности въ искусствѣ.

Выпускъ 6-й. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина.

Выпускъ 8-й. Гоголь и его „Переписка съ друзьями“.

Выпускъ 9-й. Русская литература въ серединѣ XIX вѣка (Бѣлинскій и его „историческая критика“).

Выпускъ 11-й. О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ.

Выпускъ 12-й. Раннія произведенія гр. Л. Н. Толстого.

Выпускъ 13-й. Поэзія Некрасова.

Выпускъ 14-й. Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны.

Тип. И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.

2007051006